

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2016 – 6 (288)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2016**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзаханов – д-р ист. наук, профессор, шеф-редактор.

Е.Л. Дмитриева – главный редактор, *В.К. Белозёров*, д-р полит. наук, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *А.В. Гордон* – д-р ист. наук, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Н. Сченснович* – отв. секретарь.

Ответственные за выпуск бюллетеня на английском языке:
Е.С. Хазанов – отв. редактор, *Н.В. Гинесина* – вед. редактор.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. – М., 2016. – № 6 (288). – 164 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Л. Рыбаковский, Г. Хасаев.</i> Стратегия демографического развития России, понятие и содержание.....	5
<i>Ш. Кашаф.</i> Модернизация исламского образования как фактор религиозной и национальной безопасности России	19
<i>О. Яницкий.</i> Идеология и сеть	37

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Р. Саяхов.</i> Развитие кадрового потенциала религиозных организаций как основного ресурса стабильности государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан).....	46
<i>К. Ланда.</i> Дагестан в Каспийском регионе: Внешние и внутренние проблемы.....	53
<i>Д. Попов.</i> Исторический опыт реализации американских программ ядерной демилитаризации Казахстана в контексте интересов России и ее союзников.....	63
<i>Е. Ионова.</i> Об угрозе терроризма в Центральной Азии.....	91

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

- М. Ходынская-Голенищева.* Терроризм в Сирии сегодня и завтра. Перспективы коллективного противостояния «Исламскому государству»..... 105
- К. Труевцев.* Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств 122

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- П. Поломошнов.* Проблема личности в исламе..... 147
- Д. Веницкий.* Знакомьтесь: «Азия ва Ифрикия аль-яум». Журнал «Азия и Африка сегодня» начал издаваться на арабском языке 160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Л. Рыбаковский,

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института
социально-политических исследований РАН

Г. Хасаев,

доктор экономических наук, профессор
Самарского государственного
экономического университета

СТРАТЕГИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ, ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ*

Начнем с перефразирования слов Мольера, сказанных им о незабвенном Журдене, который всю жизнь говорил прозой, не подозревая об этом. Подобное творится с рядом понятий, относящихся к демографическим аспектам. Эти понятия часто применяют, не задумываясь об их смысле или, порой, подменяют одно другим, что создает путаницу с инструментами, используемыми в управленческой деятельности. К числу таких понятий относятся «стратегия» и «концепция», в которые не только в разных сферах деятельности, но и в одной и той же часто вкладывается далеко не одинаковый смысл.

В современной России впервые значимое смешение понятий «стратегия» и «концепция» произошло в начале 1990-х годов. В то время все решения принимались еще в рамках советских координат. В Советском Союзе отсутствовала документально материализованная, рассчитанная на долговременный период стратегия демографического развития.

Государство, принимая различные меры демографической политики, руководствовалось обычно теми интересами, которые

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-22-01007/15.

нужно было срочно решать в возникшей ситуации. Среди них – запрещение аборт в 1936 г., помощь многодетным и матерям-одиночкам, установленная сразу же после войны, поддержка семей с детьми в начале 1980-х годов. Подобное отношение к демографическому развитию страны сохранилось и в период становления России в качестве самостоятельного государства. Одновременно с обретением Россией самостоятельности начался последовательный процесс ухудшения демографической ситуации. Следует сказать, что сокращение рождаемости и рост смертности были связаны не только с развалом СССР и заменой социализма капитализмом, но и со многими другими причинами.

В 1992 г. впервые в послевоенный период естественный прирост населения сменила убыль, составившая 220 тыс. человек. В то время научное сообщество, в частности демографы МГУ и РАН, забило тревогу относительно наступающих в стране демографических трудностей. Важно подчеркнуть, что на заре российской государственности власть еще прислушивалась к мнению науки. Этим во многом объясняется принятие Верховным Советом еще в декабре 1992 г. Постановления «О неотложных мерах по изучению населения и демографических перспектив Российской Федерации». Постановление предусматривало в течение 1993–1994 гг. разработать научно-обоснованную концепцию демографического развития России на перспективу¹. При всей своевременности и важности этого документа в нем было допущено смешение таких понятий, как стратегия и политика (в данном случае – концепция).

В XXI в демографическая сфера дважды столкнулась с различными представлениями об этих понятиях на уровне министерств и органов, принимающих государственные решения (Правительство, Президент). В 2001 г. Министерством труда и социального развития РФ был подготовлен проект «Концепции демографической политики...» и направлен в Правительство РФ на утверждение. В аппарате Правительства РФ проект был переименован в «Концепцию демографического развития...». В таком виде на заседании правительства в сентябре 2001 г. документ был одобрен. В свою очередь, в 2006 г. Министерством здравоохранения и социального развития был представлен в Администрацию Президента РФ проект «Концепции демографического разви-

¹ Постановление ВС РСФСР от 22 декабря 1992 г., Российская газета. 04.01.1993 г.

тия...» (был учтен опыт изменения проекта в 2001 г.). Но этот документ был утвержден Указом Президента РФ в октябре 2007 г. как «Концепция демографической политики...».

Замена в 2001 г. «политики» на «развитие» было ошибкой, в то время как замена слов «развитие» на «политику» в 2007 г., – вполне оправданной мерой, так как «развитие» относится к понятию «стратегия», а «политика» – к понятию «концепция». Между этими понятиями существует соподчиненная связь, обусловленная их содержанием и целевой направленностью.

В самом деле, что такое стратегия, и как с ней взаимодействует концепция, а точнее концепции? Чтобы дать ответы на эти вопросы надо определить суть не только этих понятий, но и еще несколько других, а именно таких как «развитие», «динамика» и «политика».

Прежде чем изложить наше представление о том или ином понятии, мы обращаем внимание на один очень древний методологический прием. Суть его в том, (кто-то сказал еще в античные времена), что о терминах (в нашем случае, понятиях) не спорят, о них договариваются. В Средние века, не говоря уже о более позднем времени, это высказывание многократно повторялось Декартом, французскими энциклопедистами, Вольтером и т.д.

Более того, это высказывание имеет статус английской поговорки. Насколько нам известно, в нашей стране этот методологический пассаж раньше других использовал С.Г. Струмилин. Естественно, поэтому предлагаемые ниже объяснения тех или иных понятий можно принять или отвергнуть. В обоих случаях явления, для которых конституируются понятия, не исчезнут, исчезнет лишь во втором случае их понимание по договоренности.

Используемые и в исследованиях, и в практической деятельности понятия по своему характеру различны. Природа одних из них общепризнана. В данном случае, понятие – это выделение в обобщенном виде или иначе, мысленное отображение свойств и функций, объективно существующих явлений. Другие понятия, которые относятся к социальной сфере, формируются, прежде всего, на основе субъективного установления границ, в пределах которых проявляют себя те или иные функции и свойства этого явления. Эти понятия имеют инструментальную направленность. Их определение в большей мере связано с допуском ряда условностей. Вот несколько примеров понятий, различающихся мерой их субъективного форматирования.

Так, существует объективное явление – рождение детей. Соответственно, понятие «рождаемость» характеризует это явление как интенсивность проявления серии однозначных по результатам событий, ограниченных временными и пространственными рамками. Более того, из этого явления исключаются пограничные события, такие, например, как мертворождение, не говоря уже об искусственном прерывании беременности.

Другой пример – миграция населения. Это понятие, выражает природу объективного явления, пространственного движения населения, т.е. перемещения людей из одного места в другое. При определении этого понятия элемент субъективизма достаточно велик, прежде всего, надо установить, что принимать в качестве исходных и конечных мест передвижения.

Другая условность – продолжительность перемещения. Имеются и другие условности (например, целевая направленность перемещения), ведущие к различным трактовкам этого понятия. Но, все же, наиболее существенным признаком понятия «миграция населения», несмотря на эти условности, остается пространственное перемещение населения.

Еще один пример – это понятия «трудовые ресурсы» и «экономически активное население». Сущность того и другого – рабочая сила как способность человека к труду. С учетом возрастных границ, состояния здоровья и некоторых других характеристик такое явление, как рабочая сила материализуется в выше названных понятиях.

И наконец, еще один пример – «миграционный потенциал». Прежде всего, нужно установить, кого включать в миграционный потенциал. Это уже полностью субъективное решение. Далее необходимо установить границы, в пределах которых он проявляет себя. Причем миграционный потенциал не может быть лишь возможностью получения иммигрантов из населения той или иной страны, как бы донор и реципиент не были близко расположены, имели этническое сходство, историческую взаимосвязь и пр. Дело в том, что помимо возможности получения иммигрантов должен присутствовать еще элемент необходимости или целесообразности, который обуславливается экономическими, геополитическими и иными соображениями.

Опираясь на эти рассуждения, ниже дается наше представление, прежде всего, о таком понятии, как «стратегия». Термин происходит от греческих слов *stratos* – войско и *ago* – веду. Изначально это понятие относилось лишь к военной сфере и означало

науку (искусство) о ведении войны или общий план ведения войны, боевых операций, или ученье о лучшем расположении и употреблении всех военных сил и средств.

Перенесение этого термина на другие сферы деятельности породило ряд близких по смыслу определений.

Среди них – набор правил, согласно которым предпринимаемые действия зависят от обстоятельств, включая естественные события и действия других людей. Или иначе, это – долговременные, наиболее принципиальные, важные установки, планы, намерения субъектов управления в отношении развития тех или иных сфер деятельности.

Это – наиболее общий план действия, искусство руководства борьбой, общий план ведения этой борьбы, исходящий из расстановки и соотношения основных сил, это – конкретный долгосрочный план достижения некоторой цели.

Наконец, под стратегией понимается долгосрочное качественно определенное направление развития, выбранное направление деятельности, функционирование, в рамках которого должно привести к достижению стоящих целей, или по-другому – это избираемый и поддерживаемый вектор и характер развития на исторически длительный период.

Резюмируя все эти и им подобные определения, предложим следующую формулировку. *Стратегия представляет собой замысел, односторонний вектор, ориентированный на достижение определенных результатов, рассчитанный на длительный исторический период, обусловленный не сиюминутными соображениями или временно возникающими ситуациями, а фундаментальными национальными интересами государства.*

Помимо такого понимания стратегии не исключены и другие, особенно те, которые сложились в результате использования этого термина в практической деятельности, главным образом, управленческих структур. В частности, стратегию рассматривают как документ государственного стратегического управления, содержащий распределение и использование ресурсов и властных полномочий для достижения долгосрочных национальных целей. Возможны и другие формулировки этого понятия. Их отличие, как и приведенное чуть выше от используемого нами в статье сводится к тому, что стратегия рассматривается не как замысел, независимо от того, оформлен или нет он документально, а представляет инструмент управления (воздействия, регулирования), что является, по сути, элементом политики, проводимой в то или иное время.

Говоря о стратегии применительно к демографической сфере, необходимо определить также понятие «развитие» и его соотношение с термином «динамика». Это связано с тем, что они обычно применяются в связке, например: стратегия демографического (экономического, социального и т.д.) развития.

Идея развития в своем первоначальном виде была сформулирована уже античными мыслителями, ее интерпретацией занимались известные философы и естествоиспытатели XVIII–XIX вв., включая Э. Канта и Ч. Дарвина. Последний положил принцип развития в основу своей теории эволюции живых существ, включая человека.

Российские филологи также приложили руку к доведению до читателя сути понятий «развитие» и «динамика», представив их формулировки в своих словарях. По Д.Н. Ушакову, динамика (от греч. *dynamikos* – действующий) – это ход развития, изменения какого-нибудь явления под влиянием действующих на него сил. По С.И. Ожегову, динамика – это движение, действие, развитие. В.И. Даль, рассматривая это понятие для механики, говорит, что антонимом динамики является статика, а сама динамика – это состояние движения, ход развития, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него факторов.

Современное понимание идеи развития сводится к следующему. Развитие – это процесс, направленный на изменение материальных и духовных объектов (явлений, систем и пр.) с целью их совершенствования. В результате развития у них формируется новое качественное состояние, основанное на возникновении, трансформации или исчезновении их старых элементов и связей. Развитие представляет собой движение объекта, источник которого заключен в нем самом.

Следовательно, под развитием понимается, либо усложнение объектов, либо увеличение их масштабов, либо то и другое одновременно. Усложнение, т.е. качественное изменение, это – переход от одного состояния к другому, более совершенному, тогда как количественное изменение – это увеличение уже имеющегося состояния, его масштабности.

Стало быть, понятие «развитие» сопряжено с близким по смыслу понятием «динамика». Но это отнюдь не синонимы, хотя обычно их отождествляют. Между этими понятиями, как видно из приведенной выше формулировки, имеются два принципиальных различия.

Первое в том, что динамика означает лишь количественные изменения явления. В отличие от динамики развитие представляет количественные и качественные изменения объекта, носит интенсивный или экстенсивный характер. Возможно сочетание того и другого. К примеру, рост численности рожденных детей может произойти как вследствие повышения повозрастных показателей рождаемости, так и в результате увеличения численности женщин репродуктивного возраста, или за счет того и другого.

Второе отличие состоит в том, что у динамики два направления изменений, два вектора, один в ту, другой – в обратную сторону. Отсюда, динамику можно характеризовать как восходящую, когда увеличиваются масштабы явления, или как нисходящую, когда они уменьшаются. Имеется еще одно состояние – статическое. В отличие от динамики, развитие имеет лишь однонаправленный вектор, он нацелен в сторону увеличения масштабности явления. Вектор в обратную сторону представлял бы не развитие, а деградацию, упадок, рецессию. Возможно, такие связи, как демографическая статика и демографическая рецессия (спад) могут быть также пригодны для употребления, как и демографическое развитие.

Исходя из сказанного, в происходящих или предполагаемых процессах в социальной сфере, в том числе и в демографической, по нашему мнению, целесообразно различать развитие и динамику. В частности, если речь идет об элементарных изменениях численности населения, то для характеристики подходит словосочетание «демографическая динамика», но если речь идет о происшедшем или будущем количественном изменении и качественном преобразовании демографических процессов, то лучше использовать словосочетание «демографическое развитие».

Если согласиться со сделанным в начале статьи замечанием (т.е. договориться), то можно подобным образом различать эти два понятия. Тогда, исходя из сути понятий «развитие» и «динамика», понятие «стратегия» выступает в органическом словосочетании с первым из них. Для демографической сферы – это будет триада «Стратегия демографического развития».

Применительно к современной России Стратегия демографического развития состоит в обеспечении, прежде всего за счет воспроизводственной компоненты, восходящей динамики населения, необходимой для устойчивого повышения уровня заселенности страны, особенно ее азиатской части, прироста трудовых, образовательных и воинских контингентов, обеспечивающих

неуклонное наращивание социально-экономической и оборонной мощи государства. Только при устойчивом возрастании демографического потенциала государство сможет эффективно использовать свои естественные преимущества (природные ресурсы, выгодное географическое положение, огромную территорию, открытые выходы в Мировой океан).

Благодаря этим преимуществам Россия сможет остаться самодостаточным государством, способным не только создать комфортные условия жизни своему населению, но и оградить его от внешних угроз и посягательств на ее территорию.

Внешние угрозы – это не пустые слова, о чем свидетельствуют откровенные высказывания наших западных « друзей». Вот слова Збигнева Бжезинского: «Россия уже не представляет собой имперскую державу, и главным вызовом для нее является задача социально-экономического возрождения, не выполнив которую она будет вынуждена уступить свои дальневосточные территории Китаю» [1, с. 16]. «Россия должна превратиться в общеевропейское достояние, используемое на многосторонней основе. Для европейцев это была бы увлекательная перспектива покорения «новых рубежей» [1, с. 139–140].

Вот слова Мадлен Олбрайт (госсекретарь США времен Клинтона), приводимые Алексеем Пушковым: «Ни о какой мировой справедливости не может быть речи, пока такой территорией, как Сибирь, владеет одна страна».

Похожее заявление прозвучало также от Дж. Мейджора (в 1990-е годы премьер-министр Великобритании): «Задача России после проигрыша холодной войны – обеспечить ресурсами благополучие страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек» [2].

Нельзя не напомнить также аргументацию американской администрации, используемую для введения в начале 2014 г. санкций против России. Суть ее в том, что Россия своими действиями в отношении Украины создает угрозу национальной безопасности США. Кстати, ползучее приближение к границам России блока НАТО, как и звучащие претензии к российским просторам, далеко не безобидны. Они очень напоминают подготовку нападения на Советский Союз фашистской Германии, когда первым шагом явилось ее появление на границах будущей жертвы.

Понятие «стратегия» взаимосвязано еще с двумя такими понятиями, как «концепция» и «политика». Причем концепция выступает связующим звеном между стратегией и политикой.

В различных словарях, в том числе и энциклопедических, приводится множество определений понятия «концепция». Все они в своей основе совпадают по смыслу. Их авторами выступают все те же С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков, В.И. Даль и т.д. Понятие «концепция» (от лат. *conceptio* – понимание), исключив повторы, означает систему связанных между собою и вытекающих один из другого взглядов на те или иные явления в мире, природе и обществе. Она – основная мысль, ведущий замысел, определенный способ понимания и трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея, теоретическое построение, конструктивный принцип различных видов деятельности, комплекс способов достижения целей, система путей решения выбранной задачи. В отличие от стратегии тут более широкий спектр оттенков и одновременно смешение различных частей политики (об этом ниже).

Из всего набора словосочетаний о том, что такое концепция, можно извлечь две основные мысли, реконструкция которых позволяет дать определение этому понятию.

Концепция – это ситуационный замысел, обосновывающий необходимый комплекс способов реализации в данный отрезок времени общей стратегической цели. Подобное представление сути этого понятия собственно и легло в основу обеих демографических концепций России. Так, в преамбуле Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. сказано, что она «представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов в сфере регулирования демографических процессов»¹. В свою очередь, в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ, говорится, что в концепции «определяются цели, принципы, задачи и основные направления политики Российской Федерации в области народонаселения...»². Концепция – это система идей, взглядов, определяющая границы правового и идеологического пространства, в рамках которого могут формироваться программные документы по вопросам рождаемости и поддержки семьи, здоровья и продолжительности жизни, миграции и иных направлений государственного регулирования демографиче-

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 г. № 1270-р.

² Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 9 октября 2007 г.

ского развития. Концепция – это некий подход, замысел, то поле, в рамках которого только и должны реализоваться соответствующие государственные проекты не только в демографических, но и в смежных сферах жизнедеятельности [3].

Рассматривая концепцию в русле понятия «стратегия», ее можно определить как тактическую составляющую последней. Концепция – это тактика осуществления стратегии в определенный временной отрезок, она инструмент реализации стратегии и подчинена ее основному замыслу.

В свою очередь стратегия достигает своей цели через решение промежуточных тактических задач. По словам К. Клаузевица, тактика нужна для того, чтобы выиграть битву, а стратегия нужна для того, чтобы выиграть войну.

Характер взаимодействия тактики и стратегии, в данном случае концепции демографической политики со стратегией демографического развития обуславливается реально существующей в то или иное время демографической ситуацией в стране. В 90-е годы прошлого века и первое десятилетие нынешнего столетия Россия переживала глубокий затяжной период депопуляции: рождаемость находилась на уровне, обеспечивающим 55–70% воспроизводства населения, продолжительность жизни в течение 13 лет (1993–2005) не превышала 64–65 лет, тогда как еще в 1990 г. она была выше 69 лет, ежегодная естественная убыль населения составляла 700–900 тыс. человек. За указанные 13 лет в результате естественной убыли страна потеряла свыше 11 млн человек, а численность населения сократилась почти на 8 млн (разницу компенсировал миграционный прирост). И хотя в указанное двадцатилетие стратегия демографического развития России как замысел, как жизненная необходимость страны не менялась, тем не менее, концепция демографической политики для этого периода не могла быть иной кроме как выйти из режима депопуляции. Естественно, что цель этой политики была сформулирована как «стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему демографическому росту» [4, с. 12].

В самом начале второго десятилетия XXI в. была преодолена двадцатилетняя депопуляция, т.е. естественную убыль сменил естественный прирост населения (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели естественного движения населения России
в 2010-2013 гг., тыс. человек**

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014*
Число родившихся	1789	1797	1902	1901	1918
Число умерших	2029	1926	1906	1878	1879
Естественный прирост, убыль	-240	-129	-4	23	39
Суммарный коэффициент рождаемости	1,567	1,582	1,691	1,707	1,570
Ожидаемая продолжительность жизни населения (оба пола)	68,94	69,83	70,24	70,76	70,53

* Без Крыма.

Источник: Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сборник. – М., 2013. – С. 65, 91, 98.

Еще раньше, и это надо подчеркнуть, до преодоления депопуляции, в России была достигнута стабилизация, и даже некоторый рост численности населения. Последний раз убыль населения страны наблюдалась в 2008 г., да и то в мизерном измерении – минус 10 тыс. человек. В 2009 г. население в результате того, что миграционный прирост оказался больше естественной убыли, возросло на 96 тыс. В 2012 г. общий прирост населения достиг почти 300 тыс. человек. Очевидно, что с наступлением стабилизации, причем и с преодолением депопуляции, первая часть цели Концепции демографической политики оказалась достигнутой, и, по сути, наступил новый тактический период осуществления стратегии демографического развития России.

Сложность этого периода состоит в том, что необходимость сохранения достигнутых результатов в повышении рождаемости и сокращении смертности совпадает с наступающей демографической впадиной, последствием которой является, с одной стороны, сокращение численности женщин фертильного возраста (15–49 лет), а с другой стороны, хотя и незначительно, но ускорится постарение населения.

Изменение численности репродуктивных контингентов, а в них доли женщин разного возраста, в ближайшие годы будет существенно влиять на динамику числа родившихся. Так, в 2020 г. численность женщин репродуктивного возраста будет меньше нынешней примерно на 4 млн, а в 2025 г. – почти на 5 млн, причем

все это сокращение придется на самый активный репродуктивный возраст. Женщин в возрасте 20–29 лет будет меньше на 30–40%. Для компенсации такого сокращения численности репродуктивных контингентов потребуется существенное увеличение суммарного коэффициента рождаемости, иначе не будут достигнуты ориентиры, установленные Концепцией демографической политики России на период до 2025 г.

К 2025 г. в населении также возрастет доля лиц старше трудоспособного возраста (с 2005 по 2015 г. эта доля выросла на 4,4 процентных пункта, а в 2025 г. по отношению к 2015 г., согласно прогнозам Росстата, она возрастет на 4,6–4,8 процентных пункта). Это может привести к увеличению чисел умерших. Достаточно сказать, что смертность среди мужчин, которым 60 лет и больше, в 3,5–3,7 выше, чем у мужчин в возрасте 45–59 лет. У женщин различия в смертности этих возрастных групп еще более существенны: у лиц в 60 лет и старше показатели выше в 7,5–8 раз по сравнению с группой в 45–59 лет. Таким образом, если в период с 2015 г. до 2025 г. достигнутые уровни рождаемости и продолжительности жизни удастся повысить, то в этом случае сохранится и восходящая демографическая динамика, обеспечиваемая наряду с миграционной, также воспроизводственной компонентой.

Этот тактический замысел должен быть принят для периода до 2025 г. или, скорее всего, до 2030 г., и соответственно, нужна корректировка Концепции демографической политики или разработка дополняющего ее документа. Сделать это необходимо уже в 2015 г., поскольку численность женщин наиболее активных групп репродуктивного возраста (2024 г. и 25–29 лет) продолжает ежегодно сокращаться. Численность женщин этих возрастных групп по отношению к уровню 2014 г. в 2015 г. составит 94,8%, в 2016 г. – 92,8, и в 2020 г. – менее 64%. Концепция демографической политики – не только тактическая составляющая стратегии демографического развития, но и, как отмечалось раньше, исходная часть политики.

Под демографической политикой понимается система общепринятых на уровне властных структур идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых, прежде всего, государство, а также другие общественные институты, соблюдая определенные принципы, предполагают достижение в демографическом развитии страны в определенный временной период тех

тактических результатов, которые соответствуют общему для страны стратегическому замыслу [8, с. 74].

В этом определении, предложенном еще в 1980-е годы, можно выделить несколько основополагающих моментов.

Во-первых, для любой политики необходима точно сформулированная цель, ради достижения которой должна функционировать вся система управления демографическими процессами.

Во-вторых, помимо совокупности идей (в данном случае – идеологии, соответствующей стратегии демографического развития страны), политика включает набор концептуально (идейно) объединенных мер по достижению поставленной цели.

В-третьих, политика призвана базироваться на общепринятых мировым сообществом нормах, которые должны быть адаптированы к условиям страны и дополнены соответствующими ее менталитету принципами, определяющими рамки функционирования демографической политики.

Наконец, *в-четвертых*, субъектами проведения демографической политики в демократическом обществе выступает не только государство, но и другие социальные, в данном случае общественные, институты (различные конфессии, объединения граждан и т.д.).

В соответствии с этим определением любая политика включает три части: концепцию, систему мер (программы, планы мероприятий и пр.) и еще одну часть, без которой невозможно осуществление политики. Речь идет о повседневной деятельности тех государственных органов, в обязанность которых входит регулирование процессов, составляющих объект данной политики. Практика реализации политики включает ее документальное оформление, организационные мероприятия, финансовую деятельность и многое другое [9, с. 37–38].

Непосредственно со стратегией связана первая часть политики, а именно ее концепция. Концепция – это тот блок, который связывает стратегический замысел демографического развития в исторически длительный период с его тактическим осуществлением в тот или иной отрезок времени.

Концепция демографической политики состоит из нескольких взаимосвязанных элементов.

Главное и наиболее трудное – это формулировка цели, поскольку она непосредственно связана со стратегией демографического развития, являясь ее временным этапом. Для наступившего этапа демографического развития целью концепции может быть

обеспечение дальнейшего демографического роста на основе использования взаимодополняющих друг друга компонентов динамики населения по всем ее трем направлениям: повышение рождаемости, сокращение смертности и усиление роли миграции особенно в периоды сокращения численности репродуктивных контингентов.

Численность этих контингентов будет настолько существенно сокращаться, что какими бы темпами не возрастал в этот период суммарный коэффициент рождаемости, все равно будет происходить сокращение общего числа рождений.

Поэтому в наступивший период должно в еще большей мере быть усилено внимание к сокращению смертности населения, а также радикально изменена миграционная политика. Ее цель должна состоять в поиске предпочтительного для России миграционного потенциала, в его привлечении и размещении по регионам страны с учетом их геополитической важности.

Для всех направлений осуществления демографической политики должны быть установлены пороговые значения (к какому году какой уровень значения того или иного показателя должен быть достигнут), а также обоснованы задачи и, что является достаточно трудным, выделить приоритеты в каждом комплексе задач.

К примеру, среди задач сокращения смертности в настоящее время приоритетным должно стать наиболее существенное снижение смертности среди мужчин молодого трудоспособного возраста. Так, в 2012 г. смертность мужчин в возрасте 40–49 лет была выше, чем у женщин тех же лет в 3 раза, а у мужчин в возрасте 20–29 лет – даже в 3,5 раза.

Преимущественно от мужчин этих возрастов зависит и экономическое развитие страны, и ее оборонная мощь.

В соответствии с принятой концепцией разрабатываются меры демографической политики, которые могут быть сведены в специальные программы. Эти меры относятся и к федеральному, и региональному уровням. Естественно, что специфика регионов обуславливает либо набор их региональных мер, либо масштабы усиления мер федерального уровня.

Разработка новых мер демографической политики должна вестись по всем трем направлениям (рождаемость, смертность и миграция). Эти меры должны пройти тщательную профессиональную экспертизу, учитывающую накопленный российскими регионами в последние 10 лет опыт разработки и реализации программ демографического развития, в том числе и на муниципальном

уровне. В конечном счете, эти меры должны обеспечить достижение цели концепции демографической политики, установленной для данного временного этапа осуществления целевой установки (замысла) стратегии демографического развития.

Литература

1. Бжезинский Збигнев. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2004.
2. Якунин В.И. Интегральный проект солидарного развития на Евро-Азиатском континенте (Научно-практическая концепция): Доклад на заседании Президиума РАН от 11 марта 2014 года. – М.: ИСПИ РАН, 2014.
3. Рыбаковский Л.Л. Концепция демографической политики (Методологические вопросы). – М.: ИСПИ РАН, 2002.
4. Демографическая политика: Цели, принципы, приоритеты / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ИСПИ РАН, 2000.
5. Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003.
6. Миграционная политика в России: Теория и практика / В кн. Современные проблемы миграции в России. Материалы научной конференции (11–13 ноября 2003 г.). – М., 2003.

«Народонаселение», М., 2015 г., № 2, с. 52–63.

Ш. Кашаф,

руководитель Департамента образования, науки и культуры, начальник отдела по взаимодействию с государственными, общественными организациями и религиозными объединениями (Духовное управление мусульман Российской Федерации)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РЕЛИГИОЗНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В условиях нарастающих вызовов и реальных экзистенциальных угроз России со всей остротой актуализируется проблема защиты ее национальных интересов и национальной безопасности. Как явствует из Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г., руководство страны

сознает всю сложность и масштаб существующих проблем и готово ответить на все возникающие вызовы¹.

Сегодня со всей очевидностью становится ясно, что одним из условий обеспечения национальной безопасности является обеспечение религиозной безопасности общества. Как было подтверждено Межрелигиозным советом России (МСР) – общественной организацией, объединяющей представителей традиционных для нашей страны религий, обсудившим 7 декабря 2015 г. на своем заседании (с участием автора настоящих строк) предложения Русской православной церкви и МСР для включения в готовящуюся новую редакцию документа «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», основными угрозами в данной сфере являются:

1. Использование религиозного фактора международными террористическими организациями, специальными службами и иными организациями иностранных государств в деятельности по нарушению территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. В частности, речь идет о создании и финансировании на территории РФ нетрадиционных для России религиозных организаций, использовании их адептов для сбора разведывательной информации, деструктивной деятельности и трансляции в общество концепций, направленных на разрушение традиционных духовных, культурно-нравственных, семейных ценностей, общественной жизни и государственного суверенитета.

2. Экстремистская и деструктивная деятельность псевдорелигиозных организаций на территории России, наносящая ущерб жизни, здоровью и имуществу граждан РФ.

Как отмечают авторы книги «Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России», явившейся результатом совместной работы российских и американских ученых в ходе реализации международного проекта между Российской академией государственной службы при президенте Российской Федерации и Южно-Иллинойским университетом США, о понятии «духовность» в России можно говорить в двух смыслах – религиозном и социальном. «В ее социальном смысле *духовность*

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. / Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (Дата обращения 16.10.2015.)

есть система представлений, взглядов, убеждений, верований и идеалов относительно предельно общих взаимосвязей общественного и индивидуального бытия, основополагающих принципов взаимоотношений людей друг с другом»¹.

Развивая эту свою мысль далее, авторы пишут, что социальная ипостась духовности является для человека смыслообразующей в своего рода ближнем горизонте, помогая ему определиться среди себе подобных, тогда как ее религиозная составляющая служит для обретения дальнего смысла бытия, находящегося выше пределов человека и общества. Самые серьезные социальные потрясения, включают российско-американские исследователи, наступали для России именно тогда, когда страна оказывалась вне точки пересечения вертикальных и горизонтальных смыслов: «Человек и общество не могут иметь отклонение от истинной духовной вертикали больше предельной величины. В противном случае переворачиваются все устои жизни общества, и оно начинает жить по *стандартам* перевернутого мира, когда ложное воспринимается как истинное, и наоборот»².

Выдающийся отечественный мыслитель XX в. И.А. Ильин (1883–1954), с убежденностью написавший строки о том, что «Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели...»³, как известно, связывает национальное задание грядущей России с русской идеей, воплощенной в идее православного христианства.

Некоторые современные авторы, разрабатывающие концепт российского мусульманства, призванного «объединить мусульман РФ на единой цивилизационной и стратегической основе», которая «включает антиглобализм, защиту традиционных ценностей, традиционный мультикультурализм и умеренный консерватизм»⁴, что, по их мысли, оказывается ближе к православию, склонны предположить существование «уникального евразийского

¹ Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. – М.: Вече, 2008. – С. 36.

² Там же. – С. 39.

³ Ильин И.А. О русской идее // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 2. – С. 25.

⁴ Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации. – М.: ИД Медина, 2015. – С. 6.

пространства духовности». В этом пространстве «православных, мусульман, иудеев и буддистов в рамках евразийской цивилизации связывает не только принадлежность к одному государству, но и обусловленное веками совместного проживания взаимовлияние и взаимопроникновение – как на бытовом уровне, так и на уровне культурном – результатом чего стало формирование особых мировоззренческих клише и особого религиозного стиля»¹.

Сохранение сложившегося за многие века многоконфессионального и многонационального баланса внутри безопасной духовной системы России, на наш взгляд, и есть то самое «национальное задание» нашей страны, на которое намекает философ И.А. Ильин, что готовы также принять современные российские мусульмане. «Сегодня традиционный ислам – это неотъемлемая часть духовной жизни нашей страны, – утверждает глава Российского государства В. Путин. – Его гуманистические ценности, как и ценности других наших традиционных религий, учат людей милосердию, справедливости, заботе о близких»².

Позиция экспертной группы при Межрелигиозном совете России по теологии³ сводится к признанию нижеперечисленных факторов в качестве негативно влияющих на эффективность поддержания религиозной безопасности:

1. Правовая необеспеченность и недостаточное развитие на отечественной почве теологической науки и образования тех религиозных традиций, которые являются для России культурообразующими, что ведет к зависимости традиционных религиозных организаций от иностранных теологических концепций, а также к недоступности для граждан качественного просвещения в области духовных традиций народа России.

2. Незащищенность граждан, в силу низкой информированности в религиозной области, в отношении деструктивных религиозных и религиозно-политических технологий.

В этой связи МСР считает важным, решая задачи обеспечения религиозной безопасности, достигать максимально эффекта за счет в том числе таких мер, как правовое обеспечение и развитие

¹ Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: Призыв к осмыслению и контекстуализации. – М.: ИД Медина, 2015. – С. 46.

² Московская Соборная мечеть открыта после реконструкции // Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50351> (Дата обращения: 16.10.2015.)

³ Автор статьи также входит в указанную экспертную группу.

теологической науки и образования культуuroобразующих религий России, а также обеспечение доступа граждан к качественному просвещению в области духовных традиций народов нашей страны. Для этого – что предлагается отразить и в новой редакции Стратегии национальной безопасности РФ – необходимо развитие отечественной теологической школы, полное признание ее со стороны государства и соответствующая поддержка.

Действительно, деструктивные действия со стороны как внешних, так и внутренних сил, ставящих целью в конечном итоге разрушение сильного самостоятельного государства с тысячелетней историей, сегодня активно направляются на духовную и культурную десоверенизацию страны, подрыв позиций традиционных религий России, размывание ценностного консенсуса ее многонационального и многоконфессионального народа, сумевшего обрести и сберечь собственную уникальную цивилизационную идентичность.

Как справедливо пишет академик В.Х. Акаев, «цивилизационное развитие России как многонационального федеративного государства во многом зависит от сохранения и развития этнического и культурного многообразия, исторически существующего, а также от умения жестко отстаивать свои геополитические, национальные интересы не только по всему периметру государственных границ, но и на дальних подступах к ним»¹.

Именно этой мыслью было пронизано Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г., в котором подчеркивалось: «В мире XXI века на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия должна быть суверенной и влиятельной страной. Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией»². Важным императивом послания главы государства В.В. Путина является призыв умножить геополитическую востребованность страны как в части наращивания ее военной мощи и экономики, так и повышения конкурентоспособности в сфере культуры, науки, образования.

¹ Акаев В.Х. Национальные интересы России в контексте цивилизационных перемен // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 119.

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. // Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (Дата обращения: 16.10.2015.)

Российская система образования имеет давние традиции толерантного и мирного сосуществования, ставшие результатом многовекового взаимодействия представителей традиционных для России религиозных общин, прежде всего мусульман, с православными христианами.

В конце XIX – начале XX в. российская система образования являлась одной из самых передовых для своего времени, однако мусульмане, которые в этот период смогли успешно интегрироваться в российское общество и добиться достойной представленности в различных сферах общественной жизни, в новом тысячелетии оказываются перед угрозой собственной маргинализации, консервативного ригоризма и эксклюзивизма.

«Особенно удручает современное положение дел. Много ли можно вспомнить крупных мусульманских мыслителей нашего времени?», – пишет лидер российских мусульман, муфтий шейх Равиль Гайнутдин¹.

Развивающаяся в последние два десятилетия во многих регионах Российской Федерации система исламского образования в России – будь то в Волго-Уральском регионе, центральной и северо-западной части страны – переживает во многом похожие проблемы, некоторые из которых своими корнями уходят в советское исламское образование².

Так, по оценкам специалистов, уровень исламского образования на Северном Кавказе, «к сожалению, не отвечает современным вызовам»³.

Да и в целом исламское образование в этом регионе, которое, считает А.А. Ярлыкапов, «продолжает дробиться, что становится очевидным в связи с попытками создания в Дагестане салафитской системы образования»⁴, сохраняет изолированность от современных мировых тенденций, что затрудняет проведение модернизации исламских образовательных учреждений и реформирование исламского образования в Северо-Кавказском регионе.

¹ Гайнутдин (Гайнутдинов) Р.И. Мусульманская мысль после Мусы Бигиева: В поисках синтеза коранического откровения и современных трендов // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. II. – № 2. – С. 17.

² Ахмадуллин В.А. Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: Опыт и уроки // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. II. – № 2. – С. 154.

³ Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 105.

⁴ Там же. – С. 106.

Исламская образовательная система в России, проблемами которой с начала нулевых годов озаботилась государственная власть¹, получила новый импульс к развитию и интеграции в российское образовательное пространство по инициативе Владимира Путина сразу после его встречи в Уфе 22 октября 2013 г. с муфтиями духовных управлений мусульман страны. В условиях острых вызовов и угроз, когда некоторые политические силы, говоря словами национального лидера, «используют ислам... в целях ослабления нашего государства, для создания на российской территории зон управляемых извне конфликтов, внесения раскола между различными этническими группами, внутри самой мусульманской общины, для разжигания в регионах сепаратистских настроений»², вопросы религиозной безопасности общества, модернизации всей системы подготовки кадров исламского вероисповедания для служения в духовных управлениях мусульман России, приобретают чрезвычайную важность.

Сегодня ислам в России на самом высоком государственном уровне признается важным культурообразующим фактором. В уфимской речи, которая была произнесена президентом 22 октября 2013 г. на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального Духовного управления мусульман России, об исламе – религии и социокультурной реальности – говорилось, что это «яркий элемент российского культурного кода, неотъемлемая, органичная часть российской истории»³.

Соответственно, любые угрожающие действия против российского мусульманства одновременно направлены и против духовного суверенитета страны, национальной и духовной идентичности России и многоконфессионального общества в целом.

Не случайно Путин, когда говорит об опасности активизации работы с верующими мусульманами со стороны неформаль-

¹ Хайретдинов Д.З. Основные тенденции развития мусульманских образовательных учреждений России // Евразия: Духовные традиции народов. – 2012. – № 3.

² Начало встречи с муфтиями духовных управлений мусульман России // Президент России. Официальный сайт. 2013. 22 окт. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/19474> (Проверено 30.10.2015.)

³ Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального Духовного управления мусульман России 22 октября 2013 г. // Президент России [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19473> (Дата обращения: 16.11.2015.)

ных исламских лидеров, представляющих чуждые России богословские школы, радикальные экстремистские идеи и интерпретации, недвусмысленно подчеркивает, что эти псевдопроповедники через подрыв позиций традиционного ислама в нашей стране стремятся добиться в конечном итоге разрушения сложившегося единства россиян и распада самостоятельного независимого государства.

Обсуждая в Уфе актуальные проблемы взаимодействия государства и мусульманских религиозных организаций, президент выдвинул задачу добиться подъема авторитета мусульманского духовенства страны, воссоздания собственной исламской богословской школы, которая снискала бы широкую поддержку и уважение мусульманских ученых мира, могла бы успешно противостоять новым вызовам, содействовать укреплению суверенитета российского духовного пространства. Для этого, как подчеркнул глава государства, российский ислам располагает всеми возможностями.

Сильнейшим подспорьем в этом должен стать накопленный веками опыт в системе религиозного образования в России и богатейшее наследие отечественных богословов. Золотой фонд отечественной мусульманской мысли составляют просветительские труды Ш. Марджани (1818–1889)¹, З. Расулева (1835–1917)², Г. Баруди (1857–1921)³, глубокие религиозно-философские Р. Фахретдинова (1859–1936)⁴, М. Бигиева (1875–1949)⁵, а также крупные работы имамов и мусульманских ученых современного периода – В.М. Якупова (1963–2012)⁶, Т.К. Ибрагима⁷ и др.¹

¹ См., напр.: Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига). Предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань, 2008.

² См., напр.: Расули (Расулев) ан-Накшбанди. Избранные произведения / Пер. с араб. Под редакцией, с комментариями и примечаниями И.Р. Насырова. – Уфа, 2000. – 152 с.

³ См. напр.: Баруди Г. Памятная книжка (Хэтэр дэфтэрэ). – Казань: Иман, 2000. – 147 с.

⁴ См.: Ризаэтдин бин Фэхретдин. Асар. Кыскача конспект-аннотация / Тезуче – М. Гайнетдин. – Казан: «Иман» нэшрияты, 2003. – 137б.

⁵ См.: Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань. Т. I. 2005; Т. II. 2006.

⁶ Якупов В. К пророческому исламу. – Казань, 2006.

⁷ См.: Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. – М., 2015.

Призыв к сохранению, развитию и популяризации мусульманского богословского наследия был высказан практически на всех значимых экспертных площадках, состоявшихся с декабря 2014 по декабрь 2015 г. в различных субъектах Российской Федерации: в рамках X Международного мусульманского форума (10–12 декабря 2014 г., г. Москва)², на международных научных конференциях «Бигиевские чтения» (17–20 мая 2015 г., г. Санкт-Петербург), «Мусульманская богословская мысль: национальные, региональные и цивилизационные измерения» (8 октября 2015 г., г. Болгар, Республика Татарстан), «Исламское образование в Крыму: исторические вехи и пути возрождения» (10–12 октября 2015 г., г. Ялта), «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» (22–23 октября 2015 г., г. Уфа), на теологической научно-образовательной конференции имени Галимджана Баруди «Коранический гуманизм как фундамент мусульманского образования» (29–31 октября 2015 г., г. Москва), а также конференциях «Вера, этнос, нация в эпоху кризисов и перемен» (4–6 ноября 2015 г., г. Москва)³ и «Ислам в мультикультурном мире» (5–6 ноября, г. Казань) и др.

Одним из важных направлений ныне воссоздаваемой школы должна стать реакция российских религиозных деятелей мусульманского вероисповедания на самые актуальные события в стране и мире в целом, которая содержала бы ясные нравственные оценки как благих деяний, так и действий, имеющих деструктивный,

¹ Подробный анализ основных мусульманских концепций, появившихся на территории Поволжья и Урала за тысячелетнюю историю развития ислама в регионе (с 922 г. до начала XXI в.), представлен, напр.: История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / Под ред. Л.И. Алмазовой, Г.Г. Идиятуллиной, А.Г. Хайрутдинова. – Казань, 2015; Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Пер. с немецкого. – Казань, 2008.

² См.: Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского: Исторический опыт и современная актуальность. Материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фаизхановские чтения». Москва, 12 декабря 2014 г. / Отв. ред. Ш.Р. Кашаф. – М.: ИД «Медина», 2015.

³ Проведение конференции осуществлялось в рамках реализации плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2014–2016 гг. и Комплексной программы содействия развитию религиозного (мусульманского) образования в период 2005–2015 гг., принятой Министерством образования и науки Российской Федерации 15 ноября 2005 г.

экстремистский, преступный характер. Другим приоритетом исламских духовных лидеров должна стать публичная деятельность самих мусульманских организаций, направленная на выработку «положительного образа традиционного ислама как важной духовной составляющей общероссийской идентичности»¹.

Российское руководство придает этому огромное внимание, учитывая значимость воспитания молодого поколения, особенно российской мусульманской молодежи. Важно, чтобы формирование еще неокрепшей мусульманской личности основывалось на традиционных исламских ценностях, а не на чуждых мировоззренческих установках, далеких от подлинного ислама. Как заявил В.В. Путин на церемонии открытия Московской Соборной мечети 23 сентября 2015 г., «государство будет и впредь помогать воссозданию отечественной мусульманской богословской школы, своей системы религиозного образования»². Такая помощь со стороны государственных структур, безусловно, необходима, однако нельзя не обратить внимание и на самокритичные оценки руководителей задействованных в реализации этой правительственной программы исламских учебных заведений, которые отмечают, что эффективность основных участников ее реализации к исходу первого десятилетия осуществления «заметно упала, а само развитие системы исламского образования вошло в полосу стагнации»³.

Учитывая актуальность создания основ образовательного суверенитета страны, Правительством Российской Федерации⁴ в 2014 г. было поручено Санкт-Петербургскому государственному университету подготовить концептуальное видение того, как на современном этапе должно развиваться исламское образование в нашей стране. Эту работу решено было поручить возглавить профессору М.Б. Пиотровскому, руководителю экспертно-консультативного совета СПбГУ по подготовке специалистов с углубленным знанием ислама, члену-корреспонденту РАН, декану

¹ Выступление Президента Российской Федерации...

² Руководство РФ будет поддерживать развитие мусульманского богословия в стране // Интерфакс. 2015. 23 сент. Доступ: <http://www.interfax-religion.ru/print.php?act=news&id=60271>

³ Хайретдинов Д.З. Указ. соч. – С. 49.

⁴ Осуществление программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама находится под контролем Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, возглавляет которую заместитель Председателя правительства Российской Федерации – руководитель аппарата Правительства Российской Федерации С.Э. Приходько.

Восточного факультета, члену Совета по науке и образованию при Президенте РФ. Оказавшаяся весьма непростой работа коллектива петербургских ученых и привлеченных из других вузов и исламских религиозных организаций экспертов фундировалась известным представлением Михаила Пиотровского об исламе как религии / культуре дискурсов, диалектически сочетающиеся в нем единство и разнообразие.

Как неоднократно отмечал сам ученый с мировым именем на различного рода семинарах¹, конференциях и форумах, посвященных вопросам разработки концепции подготовки мусульманских кадров, ее создателям предстоит решить непростую задачу по мирному совмещению светского и религиозного принципов образования на основе академического научного подхода к истории и культуре ислама. Пиотровский – глубокий специалист востоковедения и исламоведения, знаток исламской культуры и мусульманского искусства. Наблюдателей он всегда удивляет своей способностью, по собственному признанию М. Пиотровского, в типичных чертах исламских орнаментов распознать бесконечное движение, некогда начатое Аллахом, как одно из явлений его сущности миру².

Большинство привлеченных им к созданию Концепции экспертов были согласны с его мнением, что следует проявить гибкость и интеллигентность в применении долгого опыта сочетания духовного и светского образования в России. Без навязывания каких бы то ни было жестких правил, без «подгонки» исламского образования под бюрократические схемы, которые выстраивают его лишь по формальным параметрам, создавая тем самым непреодолимую пропасть между государственным образованием и мусульманским миром России³. Такой подход член-корреспондент РАН М.Б. Пиотровский часто называет «российским рецептом», в котором базовые принципы сочетаются с набором практических

¹ См.: Сейфетдинов Р.Х. Подготовку специалистов по исламоведению обсудили эксперты в СПбГУ // Ислам в современном мире. – 2015. – № 3. – С. 219–221.

² Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2001. – С. 41.

³ На опасность следования принципу «слепого подчинения» мусульман, а не равноправному партнерству, как пишет А. Беннигсен, часто указывал Исмаил Гаспринский, известный педагог, хорошо изучивший мировое педагогическое наследие и современную систему образования и воспитания на Западе и Востоке. См.: Беннигсен А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспдали) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 6. – С. 121.

разработок, полезных для воплощения общих идей в стране в целом и на местном уровне.

Помимо СПбГУ к серьезной работе в составе экспертной группы были привлечены специалисты Института востоковедения РАН, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Казанского (Приволжского) федерального университета, Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Пятигорского государственного лингвистического университета. Помимо светских вузов в число разработчиков Концепции вошли представители ряда мусульманских образовательных организаций – Московского исламского института, Российского исламского института (Казань) и др.

Эффективным координирующим центром коллективной работы над проектом Концепции, создававшейся с учетом задач формирования конкурентоспособного трехуровневого российского исламского образования, воспрепятствующего воздействию на мусульманскую молодежь зарубежных исламских учений радикального и экстремистского толка, стало Министерство образования и науки Российской Федерации в лице заместителя главы этого ведомства В.Ш. Каганова, активно подключившего к данному проекту Департамент государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи (отв. – заместитель директора Департамента С.М. Брызгалова).

Важный шаг в укрепление системы отечественного исламского образования был сделан 27 октября 2015 г. в г. Санкт-Петербурге, где под председательством М.Б. Пиотровского состоялось совещание по вопросам разработки Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Участниками заседания стали члены экспертного совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации из числа представителей государственных и частных образовательных организаций и учреждений, духовных управлений мусульман, исламских вузов, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, совместно реализующих программу подготовки мусульманских кадров.

Как подтвердил на совещании представитель вуза-разработчика, заведующий кафедрой арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета О.И. Редькин, коллективная работа над Концепцией осуществлялась с привлечением специалистов из других образовательных организаций и научных институтов в соответствии с Федеральным

законом от 13.07.2015 № 261-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», а также утвержденной 15.11.2005 г. Минобрнауки России Комплексной программой содействия развитию религиозного (мусульманского) образования в период 2005–2015 гг. Можно с полной уверенностью сказать, что Концепция соответствует федеральному закону «Об образовании в РФ», Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 гг. и Стратегии развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г.¹

Участниками заседания, в частности советником отдела по вопросам национальных отношений и взаимодействия с религиозными объединениями Департамента культуры Правительства Российской Федерации А.П. Зенько, была поддержана позиция М.Б. Пиотровского, обращенная к экспертному сообществу, руководствоваться «российским рецептом» сосуществования различных конфессий на территории одного государства.

Первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ) Д.В. Мухетдинов, еще раз напомнив о задаче воссоздания отечественной мусульманской богословской школы, озвученной президентом В.В. Путиным на открытии обновленной Московской Соборной мечети², также солидаризировался с осознанием необходимости опираться на наследие традиционного российского ислама и продолжать академические традиции отечественного востоковедения.

Автор настоящей статьи, также являющийся членом экспертной группы Минобрнауки России, с удовлетворением отмечает, что основные положения, которые высказывались им лично и его коллегами по экспертной группе ДУМ РФ (М.Б. Гасанов, О.С. Павлова, Г.Ю. Хабибуллина), оказались востребованными разработчиками Концепции. Поддержку со стороны основных раз-

¹ Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в РФ»; Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. (утв. распоряжением Правительства РФ от 07.02.2011 г. № 163-р); Стратегия развития науки и инноваций в РФ на период до 2015 г. (утв. Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике, протокол № 1 от 15.02.2006).

² По мнению историка Д.З. Хайретдинова, Московская Соборная мечеть «выступает для мусульман нашей страны символом непоколебимой веры, прошедшей испытания богоборческой эпохи, братства и единения с единоверцами разных регионов и стран мира, видным архитектурным и историческим памятником, объединившим в себе труды и усилия мусульман разных времен и различных национальностей» (Хайретдинов Д.З. Московская Соборная мечеть: История возникновения // Ислам в современном мире. – 2015. – № 3. – С. 17).

работчиков также вызвало предложение автора более широко использовать возможности научного рецензируемого журнала «Ислам в современном мире», издающегося в России с 2005 г., в целях более широкого обмена опытом и продвижения идей участников программы развития религиозного (исламского) образования.

Насущные задачи развития системы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама были глубоко раскрыты в выступлениях председателя Совета по исламскому образованию, ректора Российского исламского института Р.М. Мухаметшина (известного своими трудами¹ по данной проблематике); заместителя декана Дагестанского гуманитарного института и представителя муфтията Республики Дагестан Д.Р. Тумалаева, заведующего кафедрой восточных языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета И.Д. Ибрагимов; руководителя Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН А.К. Аликберова; доцента кафедры востоковедения и исламоведения Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета Л.И. Алмазовой; доцента кафедры арабской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета О.А. Берниковой (имеющей ряд серьезных работ², в том числе в соавторстве³ со своим коллегой по кафедре арабской филологии О.И. Редькиным, в области исследований специфики инноваций в лингвистической арабоязычной сфере), начальника департамента по реализации общественных проектов аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе А.В. Симонова и др.

¹ Мухаметшин Р.М. Мусульманское образование в современной России на рубеже XXI века // Ислам в России: Наука и образование. Материалы научной конференции. – СПб., 2013. – С. 52–57; Он же. Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов // Ислам и государство в России. – Уфа, 2013. – С. 17–21.

² См., напр.: Берникова О.А. Инновации в лингвистике на примере исследования арабского языка // Инновации в науке. – 2014. – № 38. – С. 104–109.

³ См., напр.: Redkin O.I., Bernikova O.A. Problems of the Arabic OCR: New Attitudes // Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, 2013. Las Vegas, USA, 2013. P. 777–782; Редькин О.И., Берникова О.А. Проблемы оцифровки и каталогизации арабографических рукописей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика, 2014. № 4. С. 56–64.

Выступившая в прениях заместитель директора Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Д.М. Солодовник обратила внимание коллег на то, что в рамках учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию Московского университета на протяжении многих лет осуществляют свою деятельность совет по теологии и учебно-методический совет по востоковедению, африканистике и регионоведению. «По большому счету сегодня у этих структур сложная, но важная задача – реально помочь формирующемуся в нашей стране исламскому образованию стать абсолютно конкурентоспособным по отношению к зарубежным исламским учебным заведениям», – заключила представитель Московского университета. Значимость такой сверхзадачи, по ее словам, ответственно осознает прежде всего сам ректор МГУ, академик В.А. Садовничий, задающий основные ориентиры на пути эффективной конвергенции Института стран Азии и Африки МГУ и его вуза-партнера в лице Московского исламского института.

Окончательное утверждение Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, состоявшееся в ноябре 2015 г. в Минобрнауки России, несомненно, стало важным событием для светских университетов и исламских вузов, участвующих в реализации комплексной программы формирования квалифицированных кадров для системы исламского образования.

На всех этапах выполнения поручения по разработке проекта Концепции, которое находилось на контроле у заместителя председателя правительства – руководителя аппарата правительства С.Э. Приходько, деятельность экспертной группы с участием представителей ведущих университетов, а также специалистов исламских вузов и духовных управлений мусульман находилась под постоянным контролем со стороны руководства Министерства образования и науки Российской Федерации.

Ученые и администрация СПбГУ (М.Ю. Лаврикова, А.А. Родионов, О.И. Редькин, О.А. Берникова и др.) смогли привлечь к эффективному сотрудничеству коллег из различных научных центров, академических институтов и других образовательных организаций. Наиболее значимым явился вклад представителей Института востоковедения РАН (В.В. Наумкин, А.К. Аликберов и др.), КФУ (Р.Р. Хайрутдинов, А.Ю. Хабутдинов, Л.И. Алмазова и др.), ИСАА МГУ (И.И. Абылгазиев, М.С. Мейер, Д.В. Фролов и др.), Московского исламского института (Д.З. Хай-

ретдинов, Г.Ю. Хабибуллина и др.), Российского исламского института (Р.М. Мухаметшин и др.), Дагестанского гуманитарного института (М.Ю. Магомедов, Д.Р. Гумалаев и др.), Российского исламского университета им. Кунта-Хаджи (А.А. Мутушев и др.), Северо-Кавказского исламского университета им. имама Абу Ханифы (Ш.Ю. Чочаев и др.), Духовного управления мусульман Российской Федерации (Д.В. Мухетдинов, И.А. Нуриманов и др.), Духовного управления мусульман Чеченской Республики (С.Х. Курбанов и др.) и т.д.

В результате умножения совместных усилий был достигнут синергетический эффект, выразившийся в завершении важного этапа в реализации Программы содействия развитию религиозного (мусульманского) образования в период 2005–2015 гг., принятой Минобрнауки России 15 ноября 2005 г., – создании и принятии Концепции подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама как важной основы всей будущей работы по развитию исламского образования в России и интеграции в российское образовательное пространство.

Ее востребованность обусловлена проблемами сложившейся к началу XXI в. всей системы мусульманского просвещения в России (не меньший кризис исламского образования наблюдается и в странах, где мусульмане как меньшинство проживают в плюральном окружении – и при теократических, и при светских системах власти и организации системы образования). Однако, как с оптимизмом высказываются наблюдатели, можно надеяться, что «в скором времени совершим прорыв в создании трехуровневой системы образования, которая будет соответствовать всем необходимым требованиям»¹.

Благодарность. Автор присоединяется к выражению благодарности редакции журнала «Ислам в современном мире» директору Департамента культуры Правительства Российской Федерации П.П. Скороспелову, заместителю директора Департамента культуры Правительства Российской Федерации О.С. Королевой и заместителю министра образования и науки Российской Федера-

¹ Гафиятуллина И. Фарит Салман: «Наше общество – это младенец. А младенца нельзя закармливать» // «Ислам Сегодня» [Электрон. ресурс]: [сайт]. – Электрон. дан. – URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/farit-salman-nase-obshestvo-eto-mladenec-a-mladenca-nelza-zakarmivat/ (Дата обращения: 3.12.2015.)

ции В.Ш. Каганову за разрешение опубликовать Концепцию подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на страницах настоящего издания.

Опубликование полного текста документа представляется важным как с точки зрения введения в научный оборот нового источника, что является первостепенной задачей любого исследователя, так и целесообразным с точки зрения создания оперативной возможности ознакомления с ним всех заинтересованных читателей, которые смогут самостоятельно оценить актуальность и необходимость Концепции в свете нарастающих вызовов и угроз религиозной и национальной безопасности России, а также стратегической задачи развития исламского образования в нашей стране.

Литература

1. Ахмадуллин В.А. Особенности советской системы двухуровневой подготовки исламских кадров: Опыт и уроки // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. II. – № 2. – С. 153–164.
2. Акаев В.Х. Национальные интересы России в контексте цивилизационных перемен // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 115–123.
3. Баруди Г. Памятная книжка (Хэтэр дэфтэрэ). – Казань: Иман, 2000. – 47 с.
4. Беннигсен А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспрати) и возникновение джадидизма в России // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 6. – С. 116–124.
5. Берникова О.А. Инновации в лингвистике на примере исследования арабского языка // Инновации в науке. – 2014. – № 38. – С. 104–109.
6. Бигиев М. Избранные труды: В 2 т. / Сост. и пер. с осман. А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во. Т. I. 2005; Т. II. 2006.
7. Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. – М.: Вече, 2008. – 400 с.
8. Гайнутдин (Гайнутдинов) Р.И. Мусульманская мысль после Мусы Бигиева: В поисках синтеза коранического откровения и современных трендов // Ислам в современном мире. – 2015. – Т. II. – № 2. – С. 15–24.
9. Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистские установки. – М.: ИД «Медина», 2015. – 576 с.
10. Ильин И.А. О русской идее // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 2. – С. 19–38.
11. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / Под ред. Л.И. Алмазовой, Г.Г. Идиятуллиной, А.Г. Хайрутдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. – 374 с.
12. Кашаф Ш.Р. Вызовы национальной идентичности: мусульманский ответ, российский случай // Власть. – 2015. – № 4. – С. 107–115.
13. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством. Пер. с немецкого. – Казань, 2008.

14. Марджани Ш. Зрелая мудрость в разъяснении догматов ан-Насафи (ал-Хикма ал-балига). Предисл. и пер. с араб. Д. Шагавиева. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – С. 55–81.
15. Мухетдинов Д.В. Российское мусульманство: призыв к осмыслению и контекстуализации. – М.: ИД «Медина», 2015. – 164 с.
16. Расули (Расулев) ан-Накшбанди. Избранные произведения / Пер. с араб. Под редакцией, с комментариями и примечаниями И.Р. Насырова. – Уфа, 2000. – 152 с.
17. Риззэтдин бин Фэхретдин. Асар. Кыскача конспект-аннотация / Тезуче. – М. Гайнетдин. – Казан: «Иман» нэшрияты, 2003. – 137 б.
18. Мухаметшин Р.М. Мусульманское образование в современной России на рубеже XXI века // Ислам в России: наука и образование. Материалы научной конференции. – СПб., 2013. – С. 52–57.
19. Мухаметшин Р.М. Система мусульманского образования в современной Центральной России в контексте внутриконфессиональных процессов // Ислам и государство в России. – Уфа, 2013. – С. 17–21.
20. Пиотровский М.Б. О мусульманском искусстве. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2001.
21. Редькин О.И., Берникова О.А. Проблемы оцифровки и каталогизации арабографических рукописей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение. Африканистика. 2014. № 4. С. 56–64.
22. Реформы образования мусульман Евразии от Хусаина Фаизханова до Исмаила Гаспринского: Исторический опыт и современная актуальность. Материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Фаизхановские чтения».
23. Москва, 12 декабря 2014 г. / Отв. ред. Ш.Р. Кашаф. – М.: ИД «Медина», 2015.
24. Сейфетдинов Р.Х. Подготовку специалистов по исламоведению обсудили эксперты в СПбГУ // Ислам в современном мире. – 2015. – № 3. – С. 219–221.
25. Хайретдинов Д.З. Московская Соборная мечеть: История возникновения // Ислам в современном мире. – 2015. – № 3. – С. 17–32.
26. Хайретдинов Д.З. Основные тенденции развития мусульманских образовательных учреждений России // Евразия: Духовные традиции народов. – 2012. – № 3. – С. 47–49.
27. Якупов В. К пророческому исламу. – Казань: Иман, 2006. – 454 с.
28. Ярлыкапов А.А. Исламское образование на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 104–106.
29. Redkin O.I., Bernikova O.A. Problems of the Arabic OCR: New Attitudes // Proceedings of the 2013 International Conference on Artificial Intelligence. – Las Vegas, USA, 2013. – P. 777–782.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2015 г., т. 11, № 4, с. 47–62.*

О. Яницкий,
доктор философских наук, профессор, главный
научный сотрудник Института социологии РАН
ИДЕОЛОГИЯ И СЕТЬ

Каждый раз после очередной террористической атаки или конфликта со смертельным исходом, повлекших гибель десятков или сотен невинных людей, мир взрывается потоком дебатов. Но это дебаты *a posteriori*. Как правило, на этих публичных площадках обсуждаются известные вопросы: кто виноват, кто с кем и против кого, что теперь делать и т.п. Дискуссии касаются в основном глобальных и региональных проблем (к примеру, популярное ТВ-шоу «Право голоса» на канале ТВЦ). Гораздо реже или почти никогда (я отслеживаю эту и подобные передачи с середины 2014 г.) не обсуждается связка «идея – сеть – террористический акт», т.е. связь идеологического обоснования или оправдания того или иного вмешательства одной стороны (державы, их альянса или же никем не признанного радикального движения) в дела других стран или регионов и конкретного инструментария этого вмешательства (военного, экономического или иного). Кроме того, и западная, и российская публика привыкла к тому, что массовые опросы все им объяснят, а СМИ расскажут, как надо себя вести в критических обстоятельствах. Поэтому даже массовый наплыв мигрантов из Африки и стран Ближнего Востока жители Парижа и других европейских городов поначалу восприняли без энтузиазма, но относительно спокойно. Обыватели привыкли жить в настоящем, не слишком задумываясь о радикальных переменах в современном мире. Отрезвление пришло несколько позже.

Между тем идеология и структуры коллективного или индивидуального радикального социального действия тесно связаны. Напомню, что идея достижения «светлого коммунистического будущего» и ей подобные всегда сопровождалась конкретной целью: разрушить до основания старый мир далеко не мирными средствами. Инструмент разрушения – социальные сети – всегда широко использовались, достаточно вспомнить историю революционно-демократического движения России в XIX в. И сегодня не важно, какая именно технология для этого применялась: проводники, проповедники, миссионеры, странники, просто тайные агенты или, как сегодня, террористическая сеть, существующая до поры до времени в мирном обличье.

Что такое террористическая атака в общем виде? Во-первых, это всепроникающий риск, ибо нет ни фронта, ни тыла. Во-вторых, этот риск почти всегда непредсказуем или предсказуем в общем виде (например, «ожидаются акты терроризма», но где и когда именно, никто сказать не может). Эти атаки осуществляются малыми мобильными или же, напротив, глубоко укорененными в местной социальной среде группами или одиночками. Фактически эти атаки – новая форма *guerilla*, скрытой городской партизанской войны. В-третьих, акции – удар по людям, среде их обитания, по коммуникациям жизнеобеспечения. В-четвертых, эти атаки рассчитаны на медийный мультиплицирующий эффект: террористы, нанеся удар по десятку людей, повергают в панику сотни и тысячи. В-пятых, эти атаки эффективны в условиях массового общества, когда массы людей скапливаются в аэровокзалах и станциях метро, на стадионах и концертных площадках. В-шестых, это «мгновенная война» с длительным поражающим эффектом. Пока что ответ на нее – либо военное или чрезвычайное положение, либо акции массовой солидарности. Но сегодня массовые действия типа «возьмемся за руки, друзья» уходят в прошлое. В-седьмых, массовый террор – это война «здесь и сейчас». Поэтому нужны как немедленный ответ на нее, так и долгосрочные прогнозы. Но социальное прогнозирование как наука у нас почти исчезло.

И наконец, каковы должны быть стратегия и тактика ответа на этот вызов? В доступной мне литературе я не нашел ответа. Его нет, потому что у власти и общества нет запроса на подобные исследования, а значит нет и их долгосрочного финансирования. Нет пока ответа и на другой вопрос: возможны ли в принципе «точечные» ответные удары на сетевую стратегию террористических атак? Да, Россия реально участвует в борьбе против террористов в Сирии. Но это означает, что наша страна – один из первых кандидатов на ответные удары.

Радикальная или террористическая сеть не возникает сама по себе – она обязательно связана с какой-то конкретной глобальной идеей, касающейся изменения существующего социального порядка, трансформации его в более «справедливый», или же с имперской идеей. Иными словами, идея коренного изменения существующего социального порядка обычно связана с ситуацией личного или национального унижения, с недостатком «жизненного пространства» или основывается на чисто конфессиональных мотивах (идея превосходства данной религиозной догмы над всеми остальными). Как только этот механизм запускается, он становит-

ся самонаводящимся: растущее население, особенно молодежь, требует большего жизненного пространства и ресурсов, что обеспечивается ростом военной силы и научно-технологического развития и т.д. Между концепцией естественного хода исторического процесса и желанием сконструировать или ускорить его – очень тонкая грань, что в свое время продемонстрировал миру К. Маркс.

У создателей современных сетей любого масштаба помимо материальных интересов всегда есть естественное стремление к господству над остальными, неважно в какой форме оно проявляется – идеологической, социальной или психологической. Это только кажется, что Всемирная паутина – всеобщее и исключительное благо. Весь вопрос в том, кто, как и в каких целях ее использует. Как давно показали западные социологи [Arsenalt, Castells 2008], современные медиа легко управляются поворотом всего двух ключей: перенаправлением потока информации и его перепрограммированием.

Расширение рынка или завоевание новой аудитории (это тоже рынок) – очень сильный мотив успеха, а без идеи никакой успех недостижим. Поэтому периодически идея достижения «общего блага» (всеобщего благоденствия) превращается в инструмент разделения по принципу «свой – чужой», так как такая селекция тоже есть инструмент последующего успеха и дальнейшей территориальной экспансии.

Теперь о главном парадоксе глобализации. Сила слабости, вот как он называется! Удивительно, что технологическая революция, создав немислимо мощные силы управления и самоуничтожения, создала и человека, который, действуя в одиночку, может не только рассорить ближайших союзников, но и уничтожить все живое на планете. Вспомним, сколько неприятностей принесли разоблачения Э. Сноудена, вскрывшего факты прослушки тайными службами США переговоров между своими союзниками по НАТО. Пока самоуправляющееся общество роботов остается фантастикой, оказывается, что современный образованный и технически экипированный индивид – не только «вершина мироздания», но и главный источник всепроникающих рисков для общества. Вслед за моими западными коллегами я не устаю повторять, что мир вошел в фазу всеобщего риска [Beck 1992, 1999; Yanitsky 2000]. И что, с одной стороны, это риск накопленных в нескольких странах ядерных и других смертоносных арсеналов, а с другой – это человек-монстр, часто «очень маленький» человек, но если он вооружен радикальной идеологией и доступом к современным

технологиям, это делает его и сеть его сторонников потенциально смертельно опасными для остального мира.

Так ли это? Разберемся детально. В чем суть этой сетевой опасности? В том, что она в любой момент и в любое время может взорвать мирную жизнь обывателей и разрушить среду их жизнеобеспечения. Это, в свою очередь, может вызвать выброс вредных веществ в воду и атмосферу, начиная с тех, что ухудшают здоровье и нарушают привычный ритм жизни, и заканчивая теми, что приносят увечья и летальный исход. Как отвечать на эти вызовы сетевой опасности? Общество уже придумало средства самозащиты от этой опасности, но ни одно из них не гарантирует стопроцентной защиты. (Например, широко практикуемое сегодня уничтожение ресурсной базы смертников – бомбардировки бензовозов, складов оружия и боеприпасов и т.д.) Но война «там» не гарантирует безопасности «здесь», в конкретных городах и районах Европы или России. Далее, те, кто «здесь» (что хорошо показал печальный опыт терактов в Париже и Брюсселе), уже запаслись поясами шахидов и другими средствами нападения на мирных граждан. К тому же среди местного населения всегда есть не только сочувствующие террористам, но и готовые снабжать их оружием. Да, перекрытие каналов поставки ресурсов или уничтожение их «там», на месте – важное средство борьбы с терроризмом, но, как оказалось, эти поставки – существенная часть бизнеса, который ведут некоторые страны, которые числятся формально борющимися с терроризмом. Наконец, деятельность миссионеров, и в особенности проповедников радикальных идеологий, очень сложно отследить и, тем более, прекратить.

Вопрос, как же обыватели Парижа жили рядом с шахидами и ничего не знали о них? Как постепенно выясняется, знали, но думали, что как-то пронесет. Знали, но занимались своими делами, полагая, что тот благополучный уклад жизни, который сложился до них, будет существовать всегда. Знали, но боялись. Наконец, знали, но это были их братья по вере. Государство и его силовые структуры, конечно, приняли экстренные меры безопасности. Но это традиционные меры ужесточения и рассредоточения городской жизни: не скапливаться, не посещать на время чрезвычайной ситуации массовые мероприятия, подчиняться указаниям полиции и т.п. И потом, нельзя же остановить жизнь большого города надолго. С другой стороны, возникает реальный риск иного рода – «соскользнуть» в атмосферу всеобщего недоверия и слежки. Этот риск сохраняется и у нас. Вообще мы пока что как-то плохо осоз-

наем, что современная сетевая война – это, прежде всего, война против жителей больших городов. А. Тоффлер в свое время сказал, что мир превращается в большую деревню. Это вдвойне не так. Во-первых, города остались центрами мировой политики и экономики. А во-вторых, современную ситуацию во многом породил выброс «энергии распада» [Яницкий 2003] из городов Ирака, Сирии и Ливана, разрушенных во время войн против них. Эта «энергия» – не только беженцы и вынужденные переселенцы, но также экспансия радикальных идеологий.

Можно ли одновременно сохранить *privacy* и наладить коллективную оборону от сетевых угроз? Общие принципы этой обороны хорошо известны. Прежде всего, это ограничение и строгий контроль над всеми людскими потоками, особенно в местах их прибытия или транзита (мигрантов, беженцев, гастарбайтеров, туристов, деловых людей и т.д.). Плюс периодические массовые проверки. Затем, это контроль над всеми формами сдачи в наем жилых и гражданских помещений и промышленных зданий. Особый контроль нужен за заброшенными (нежилыми) помещениями любого типа. Об агентурной сети внутри террористических организаций и тех, кто им помогает или сочувствует, здесь речь не идет – это функция специальных силовых структур. А вот быстрая и эффективная обратная связь граждан с полицией абсолютно необходима. Как показали первые минуты террористической атаки в Париже, такой связи не было, или полиция не была сориентирована. От граждан также требуется «бытовая» бдительность (ее еще именуют селективной): пускать к себе в дом только хорошо знакомых людей, никаких случайных знакомств. О подозрительных людях и оставленных предметах необходимо сообщать в соответствующие инстанции и т.д. Так что общий ответ на террористические атаки должен быть одновременно асимметричным (война против них «там») и симметричным (сеть против сети «здесь»).

В отличие от США, в Европе смертная казнь запрещена, а в России на нее наложен мораторий. Есть призывы к ее возобновлению, но в данном случае это не поможет, поскольку шахиды и есть смертники, а призывы к тотальному уничтожению иноверцев – это уже настоящий геноцид. Однако вопросы остаются: если всех террористов уничтожить, то как изучать глубинные мотивы их поведения? Как готовить общество к этой новой реальности? Телевидение полно фильмами об уголовных преступлениях, есть каналы, которые ежедневно нам твердят, что мир обязательно постигнет вселенская катастрофа (потепление, похолодание, удар метеорита

и т.д.). Телеэкранны полны гадалок и предсказателей, а вот об этой, уже реально существующей опасности только *'breaking news'* (срочные новости) и скупые строки об уничтожении очередной террористической группы. Социальные сети или тиражируют ужасы, или являются средством сбросить накопившееся раздражение. Телевизор и социальные сети должны не столько устрашать, но прежде всего предупреждать и мобилизовать. Ведь социальная сеть – мощный антидот. В дни террористической атаки в Париже в ноябре прошлого года в Твиттере появилось специальное приложение, позволяющее быстро проверить, все ли в порядке с родными и близкими пострадавших.

Терроризм – это глобально-локальная проблема. Значит, надо одновременно изучать ее общие закономерности и местную специфику. Ветераны американских спецслужб по борьбе с терроризмом утверждают, что борьба прежде всего должна вестись с радикальной идеологией [Gill, Horgan, Deckert 2013]. Это, несомненно, так, но эта идеология постоянно воспроизводится угнетением, унижением, социальным неравенством, превращением молодежи развивающихся стран в людей второго сорта или просто в лузеров. Современный капитализм, возвышая одних, принижает и угнетает других, тем самым выступая в роли производителя современных рисков. Какую позитивную идеологию в этом случае можно предложить молодым радикалам там и здесь? И шире: какую идеологию можно противопоставить идеологии смертников, тем более, если она обусловлена религиозными мотивами? Каков реальный выбор у сотен тысяч молодых людей Африки и Арабского Востока: жить в лагерях беженцев, этнических гетто больших европейских городов или братья за оружие?

А какой выбор есть у российской молодежи из малых городов и сел в условиях кризиса? Разрыв между ТВ-картинкой и реальной жизнью нарастает. Некоторые российские ученые полагают, что для современной молодежи характерны негативная идентичность, аномальный эгоцентризм, деперсонализация и т.д. «Сетевая реальность подтачивает личность, делает ее анонимной, порождает квазиличность... у нее, как правило, не развита персональная ответственность». Если у нее к тому же теряется самотождественность, устойчивая самооценка и самопонимание [Майкова, Бондарева 2015: 23], то такая личность просто находка для проповедников радикализма и терроризма. Поэтому несколько странным является последующий вывод о том, что автономность личности «задает безопасный путь ориентации в лабиринтах социального

бытия» [Майкова, Бондарева 2015: 25]. Этот вывод как раз противоречит предыдущему пассажи. К тому же специфика современного сетевого общества заключается в том, что автономность и коллективность – две равнозначные предпосылки снижения риска быть подвергнутыми террористической атаке.

Ключевой для нас вопрос: какая идеология – не как перечень догматов, а как «руководство к действию» – может противостоять идеологии смертников? И какая, соответственно, сеть людей, хотящих жить, может противостоять сети самоубийц и смертников? Или иначе: безопасность граждан – это исключительно обязанность государства и его силовых структур, или же гражданское общество должно участвовать в этом деле? И если последнее верно, то каким должен быть тип гражданской самоорганизации? Отсюда последний вопрос: какой должна быть реакция гражданского общества на угрозу террористических атак? Если эти атаки суть разновидность войны, объявленной террористами остальному миру, а я считаю, что это действительно война, а как ее называть – гибридной или сетевой – вопрос второстепенный, то гражданское общество должно быть к ней готово.

При всем различии гражданского общества в России и в Европе у них сегодня есть много общего. Главное – это расслабленность богатого меньшинства, уверенного в своей силе, и напряженность беднеющего большинства, озабоченного повседневным выживанием. Между ними есть некий «средний класс», который также находится в расслабленном состоянии, вызванном влиянием идеологии и практики общества потребления. Обыватели и там, и здесь привыкли к феномену «диванных войн». Однако с наступлением критической ситуации настроение людей быстро меняется. Поэтому гражданское общество должно вспомнить, что такое гражданская оборона. Службы чрезвычайных ситуаций с террористическими атаками без граждан не могут справиться. Не надо бояться термина «мобилизация» – это лишь естественная реакция любого организма на угрозу со стороны или изнутри. В ситуации сетевой войны нет ни фронта, ни тыла, нет даже мест, которые могли бы определенно считаться более или менее безопасными, нет, наконец, привычной для традиционного сознания оппозиции «мы – они». Всепроникающий риск сетевой войны должен иметь адекватный ответ. А сетевая мобилизация местных сил самообороны есть современная форма самоорганизации гражданского общества.

За последние полвека социология рисков и других асоциальных процессов сильно продвинулась, но все же тематика войн и вооруженных конфликтов остается на периферии этой науки. Столпы современной социологии рассматривают войны и конфликты как «побочные эффекты» позитивной динамики глобализирующегося мира. На мой взгляд, эти разрушительные процессы должны переместиться в центр науки и междисциплинарного анализа. Терроризм – не только разрушительное социальное действие, но идеологический инструмент завоевания и утверждения мирового господства. Пока этот факт не осознается представителями науки. Если, например, посмотреть ведущие западные профильные журналы, то интереса к анализу военных конфликтов и критических состояний обществ не наблюдается. Вот свежий номер весьма содержательного междисциплинарного журнала *Infrastructure Complexity*. Очень интересные статьи, но нет ни одной, посвященной инфраструктурным рискам и катастрофам. Похожая картина и в отечественных журналах. Да, похоже, как и 200 лет назад, «оборонеспособное государство может стать российским национальным брендом» [Данилова, Щербинин 2015]. Но разве дело только в бренде и рейтингах? Как я постарался показать, если позитивные и негативные процессы в обществе изучаются совместно, то это существенно меняет саму методологию исследования [Яницкий 2013; 2015]. Социология, как и другие науки, изучающие современные структуры и процессы в обществе, бессильны без понимания их идеологической подоплеки.

Наконец, о методах социологии. У нас общественное мнение привыкло, что социология – это массовые опросы. Они необходимы для самопознания общества, но для выработки инструментария борьбы с терроризмом мало что дают. Да, крайне опасно изучать эти сети «напрямую», но можно исследовать коррупционные и другие асоциальные сети. Необходимо также изучать опыт журналистов и всех тех, кто работает в «горячих точках». Надо познавать опыт тех, кто работает «на той стороне». Надо глубже изучать методы вербовки и работы сектантских и других закрытых организаций, потому что эти методы во многом схожи с криминальными. Журналисты и криминальные репортеры – наиболее близкие к нам профессионалы. Напомню, что знаменитая чикагская школа городской социологии была во многом создана такими репортерами (дословно *muckrakers*, т.е. разгребатели грязи). Терроризм – это не отдельная дисциплина, а насущная идеологическая и социальная проблема, требующая системного подхода. Например, безработи-

ца, отсутствие легальных средств существования – стимул к поиску нелегальных / теневых / криминальных источников дохода. В условиях кризиса и тем более критических состояний общества работодатель стремится к экономии издержек производства, переводя часть занятых в разряд не полностью занятых, фрилансеров, «вынужденных отпускников» и т.п., тем самым подталкивая людей к поиску левых источников дохода. Наконец, в любом обществе есть категория принципиальных иждивенцев или нахлебников.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 15-03-000-27, проект «Социология критических состояний городских систем: теория и практика».

Литература

1. Данилова Е.А., Щербинин А.И. 2015. Позиционирование инновационной политики в российской оборонной отрасли в контексте формирования стратегии национального брендинга. – Власть. № 8. С. 39–43.
2. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. 2015. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты. – Власть. № 8. С. 22–26.
3. Яницкий О.Н. 2003. Социология риска. – М.: LVS.
4. Яницкий О.Н. 2013. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – Официальный сайт ИС РАН. 2014. Доступ: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794>
5. Яницкий О.Н. 2015. Критические состояния среды обитания. – Политические исследования. № 5. С. 145–159.
6. Arsenalt A., Castells M. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. – International Sociology. Vol. 23. No 4. P. 488–513.
7. Beck U. 1992. Risk Society. Toward a New Modernity. London: SAGE.
8. Beck U. 1999. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press. 36. Власть. 2016'01.
9. Gill P., Horgan J., Deckert P. 2013. Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists. – Journal of Forensic Sciences (online). Vol. 59. No 2. P. 425–435.
10. Yanitsky O. 2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. – Innovation: The European Journal of Social Sciences. Vol. 13. No 3. P. 265–277.

«Власть», М., 2016 г., № 1, с. 30–36.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Р. Саяхов,

аспирант кафедры педагогики (Башкирский
государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы)

РАЗВИТИЕ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ОСНОВНОГО РЕСУРСА СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (на примере Республики Башкортостан)

Поликультурность и многоконфессиональность современного общества при все более четко проявляющихся признаках глобализации и в условиях распространения идей плюрализма, демократии и практически неограниченных свобод естественным образом ведут к столкновению интересов, а значит, неминуемо являются питательной средой для зарождения конфликтов.

Одним из наиболее значимых факторов, непосредственно влияющих на формирование общественного мнения и на градус социальной напряженности, остается идеология и неразрывно с ней связанная духовная, религиозная составляющая.

В связи с серьезными изменениями, происшедшими в нашей стране в конце ушедшего в историю столетия, с небывалой активностью стали воссоздаваться и вновь образовываться многочисленные религиозные организации. Серьезной проблемой, с которой столкнулось сегодня как само духовенство, так и государство, это дефицит кадров.

Что ожидает в этой связи наше общество, по каким сценариям будут развиваться межконфессиональные, внутриконфессиональные, государственно-конфессиональные отношения, во многом определяет кадровый потенциал религиозных организаций.

Сегодня государством предпринимаются беспрецедентные шаги с целью оптимизации работы в религиозной области, подъема на новый уровень духовной грамотности населения, развития системы отечественного религиозного образования. Учитывая в этой связи высокую меру ответственности за повышение эффективности функционирования мусульманских религиозных организаций как основного ресурса стабильности государственно-конфессиональных отношений, представляется важным рассмотреть состояние их кадрового потенциала, дать общую оценку ситуации, видение перспектив и на основе этого выработать рекомендации, которые позволили бы укрепить кадровый потенциал мусульманских религиозных организаций.

Число местных мусульманских религиозных организаций (ММРО) в масштабах отдельно взятого Башкортостана составляет многие сотни. Согласно Закону от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», любые три из них могут объединиться в централизованную религиозную организацию. Ключевыми централизованными организациями мусульман, располагающимися и действующими на территории Республики Башкортостан, являются Центральное Духовное управление мусульман Российской Федерации – ЦДУМ РФ и Духовное управление мусульман Республики Башкортостан – ЦРО ДУМ РБ с примерно одинаковым числом республиканских приходов (число зарегистрированных в Министерстве юстиции ММРО, находящихся в каноническом и административном подчинении только республиканского духовного ведомства – порядка 600). Структура организации, положение с кадрами и работой приходов в обоих ведомствах примерно одинаковы. Для более конкретного ознакомления и анализа работы духовных институтов в отдельно взятом субъекте ограничим круг пределами одной организации – ЦРО ДУМ РБ – и рассмотрим состояние кадрового потенциала на примере ключевой функциональной единицы – мухтасибата. Его функционирование в системе республиканского духовного ведомства являет, с одной стороны, уменьшенную до масштаба отдельного района модель централизованной религиозной организации, а с другой – она наиболее полно и показательно отражает состояние духовной среды.

В соответствии с гл. 3 Устава ЦРО ДУМ РБ, данная организация состоит из местных мусульманских религиозных организаций – приходов, находящихся под его каноническим и административным управлением. Функции координирующих органов

выполняют учреждаемые организацией мухтасибаты. В состав организации входят также ее учреждения (такие как медресе). Свою деятельность учреждения осуществляют под руководством назначаемых муфтием работников организации. Учреждения создаются, реорганизуются и ликвидируются по решению президиума по представлению муфтия. В структуру организации входит ряд отделов (образования, международных связей и связей с общественностью; молодежный; по делам хаджа; информационно-аналитический; комитет по стандарту «Халяль»). В случае необходимости право создания новых отделов относится к компетенции президиума организации. Учреждения организации без образования юридического лица действуют на основе Положения об учреждениях соответствующего вида, разработанных президиумом организации. Свою работу учреждения организации осуществляют в тесном единстве и взаимодействии, координируя свои усилия в решении задач, носящих общий характер.

Мухтасибат представляет собой объединение местных мусульманских религиозных организаций (ММРО) в рамках одного муниципального района, находящихся в каноническом и административном подчинении ЦРО ДУМ РБ. Мухтасибат в своей деятельности руководствуется Уставом ЦРО ДУМ РБ и Уставом ММРО. Мухтасибат возглавляет утвержденный в данной должности муфтием имам-мухтасиб из числа наиболее достойных, опытных, авторитетных представителей духовенства данного района. Основные направления работы мухтасибата достаточно конкретно перечислены в журнале работы мухтасибата. Это религиозные и образовательные мероприятия, работа с молодежью, связь с общественностью, местной администрацией и Духовным управлением. Одной из основных обязанностей имама-мухтасиба является ведение ежегодного журнала работы мухтасибата и контроль за ведением в приходах ежегодной тетради работы прихода.

Анализ показывает, что организационная структура функционального подразделения (мухтасибата) ЦРО ДУМ РБ является линейно-функциональной со следующими уровнями: 1-й уровень – имам-мухтасиб; 2-й уровень – приходы; 3-й уровень – структурные подразделения приходов; 4-й уровень – прихожане.

Для анализа состояния кадрового потенциала мы используем метод сравнения, т.е. сравниваем состояние системы управления персоналом в прошлом и настоящем. В качестве источника информации прибегнем к использованию данных, приведенных

в книге «ДУМ РБ сегодня»¹, выпущенной к 95-летию ведомства, а также на официальном сайте ЦРО ДУМ РБ² (www.dumrb.ru) и внутренних статистических данных ведомства.

В результате сравнения показателей физических и моральных качеств кадрового потенциала мухтасибатов ДУМ РБ за три года работы (2011–2014) проявилась следующая динамика изменений.

1. В показателях физических качеств кадрового потенциала наблюдается незначительный рост доли молодых имамов-мухтасибов в возрасте до 35 лет (с 0 до 3%) и увеличение доли возрастной группы старше 55 лет (с 51 до 56%).

2. В показателях моральных качеств кадрового потенциала наблюдается незначительный рост доли имамов-мухтасибов с начальным религиозным образованием (с 2 до 5%) и высшим религиозным образованием (с 30 до 33%), а также уменьшение доли имамов-мухтасибов со средним специальным религиозным образованием (с 68 до 62%).

Таким образом, результаты исследований позволяют констатировать отсутствие выраженной динамики развития кадрового потенциала ЦРО ДУМ РБ на уровне ее функциональной единицы – мухтасибата. Данный факт свидетельствует также о необходимости инновационных изменений в развитии кадрового потенциала как фактора развития религиозных организаций и, в конечном итоге, как основного ресурса стабильности государственно-конфессиональных отношений.

Разработанные нами рекомендации разделены на следующие блоки.

1. Управленческий блок

Из анализа организационной структуры ЦРО ДУМ РБ и организационной структуры ее функциональной единицы – мухтасибата – можно сделать следующие выводы. Во-первых, не прослеживается четкая координация в управлении деятельностью мухтасибата со стороны ДУМ РБ. Во-вторых, некорректна система взаимодействия и координации действий между мухтасибатами различных районов. В связи с этим считаем обоснованным предложить к внедрению в управление мухтасибатом региональный компонент, а именно:

¹ Духовное управление мусульман Республики Башкортостан сегодня. Уфа: Мир печати, 2012. – 100 с.

² Официальный сайт ЦРО ДУМ РБ. Доступ: www.dumrb.ru

1) возложить ответственность за деятельность конкретных групп мухтасибатов определенных районов на конкретных членов президиума ДУМ РБ;

2) для введения стратегического управления мухтасибатами необходимо усовершенствовать имеющуюся систему ахундов. Для этого на территории всего субъекта Федерации на каждые несколько соседних муниципальных районов и, соответственно, несколько соседних мухтасибатов назначить одного ахунда, который являлся бы связующим звеном между ДУМ РБ и возглавляемыми им имамами-мухтасибами.

II. Функциональный блок

Изучение внутриведомственных документов показало, что не для всех функциональных единиц существуют соответствующие положения, регламентирующие их деятельность, а также не для всех категорий сотрудников достаточно четко прописаны сферы компетенций, границы ответственности и понятие результативности работы. Таким образом, необходимо:

1) разработать положения для всех функциональных подразделений и возложить ответственность за их соблюдение на соответствующие подразделения или соответствующих работников Управления;

2) разработать и внедрить в практику работы на всех уровнях должностные инструкции с четко расписанными компетенциями и границами ответственности. Ответственность за соблюдение должностных инструкций возложить на конкретное подразделение или конкретного работника Управления;

3) разработать понятие результативности работы всех учреждений, структурных и функциональных подразделений ведомства. Предусмотреть систему поощрений и взысканий по результатам работы.

III. Коммуникативный блок

В результате исследования установлено, что в организационной структуре мухтасибата не просматривается связь с комиссией по государственно-конфессиональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при администрациях муниципальных районов. В связи с этим необходимо выстроить как нисходящую, так и восходящую коммуникацию между мухтасибатом и соответствующей комиссией при администрации соответствующего муниципального района. Так, например, восходящая связь от мухтасибата до комиссии позволит объективно информировать о реалиях работы и проблемных моментах на мес-

тах. А нисходящая (от комиссии к мухтасибатам) коммуникация позволит совместно решать задачи, стоящие перед комиссией как в религиозной, так и в других сферах (молодежная политика, правопорядок, образование, охрана семьи, материнства и детства, здравоохранение и т.д.). Вместе с этим включение в работу администрации муниципального района имама-мухтасиба, даже в качестве консультанта, позитивно отразится на консолидации усилий, направленных на решение ряда социальных, экономических и других проблем на местном уровне.

IV. Социальный блок

Эмпирическое исследование кадрового потенциала выявило практическое отсутствие в мухтасибатах молодых кадров и недостаточно высокий уровень как светского, так и религиозного образования действующих работников. Это позволяет сделать вывод об отсутствии привлекательности для молодежи работы в религиозной области, а также о низкой заинтересованности действующих работников в повышении своего образовательного уровня. В связи с этим необходимо разработать программу социальной поддержки молодых работников духовной сферы. Это может быть осуществлено путем следующих мер:

1) четкое определение социального статуса работника духовной сферы с легализацией трудовых отношений;

2) включение молодых работников духовной сферы в различные социальные проекты, осуществляемые администрациями муниципальных районов (льготное предоставление земельных участков под жилищное строительство, приобретение на льготных условиях лесных делянок и других строительных ресурсов, предоставление субсидий и льготного кредитования);

3) введение в практику работы мухтасибатов проектов целевого обучения, финансируемых мухтасибатом;

4) изучить возможность централизованного ведомственного финансирования, софинансирования или систематической материальной помощи для мухтасибатов.

При конкретизации решений поставленных задач весьма позитивным было бы учитывать опыт других регионов РФ, а также зарубежный опыт. Так, например, в Чеченской Республике Ичкерия имам-мухтасиб официально работает в должности заместителя главы администрации муниципального района по воспитательным вопросам; в отдельных регионах РФ существует практика централизованной материальной поддержки духовных работников; в Турецкой Республике за функционирование религиозных объедине-

ний отвечает Министерство по делам религий, а в Германии существует практика сбора особого религиозного налога.

V. Педагогический блок

В связи с отсутствием ярко выраженной динамики профессионального роста необходимо активизировать некоторые уже разработанные и внедренные в практику работы ДУМ РБ проекты:

1) оптимизировать действующую программу аттестации кадров мухтасибата, привлекая к ней специалистов государственных вузов, представителей местных администраций;

2) поднять на более высокий организационный и образовательный уровень ежемесячные образовательные семинары на уровне мухтасибата, в рамках которых обсуждаются новости и проблемы, происходит информационный обмен;

3) всемерно повышать уровень ежеквартально выходящих книг из серии «В помощь имаму». Для увеличения их тиража изыскать возможность дополнительных источников финансирования;

4) развивать партнерские взаимоотношения с религиозными и светскими учебными заведениями (БГПУ им. М. Акмуллы – РИУ ЦДУМ – медресе ДУМ РБ);

5) поднять уровень ежегодных конкурсов «Лучший имам мухтасибата», стимулирующих работу духовенства, до республиканского.

Таким образом, претворение на практике приведенных выше рекомендаций будет способствовать повышению профессионального уровня и эффективности работы духовного ведомства. Последнее, в свою очередь, позволит в более полной мере отвечать духовным нуждам населения, особо актуализирующимся в период глобальных кризисных явлений, более эффективно противостоять проникновению и распространению деструктивных псевдорелигиозных течений, способствовать гармонизации общественных и государственно-конфессиональных отношений.

Литература

Духовное управление мусульман Республики Башкортостан сегодня. – Уфа: Мир печати, 2012. – 100 с.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2015 г., № 3, с. 145–151.*

К. Ланда,

доктор политических наук, профессор
(РАНХ и ГС при Президенте РФ)

ДАГЕСТАН В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ

До распада Советского Союза Каспийское море, вокруг которого ныне образовался так называемый Каспийский регион, по существу являлось внутренним водоемом СССР. В бытность СССР лишь сравнительно небольшой отрезок побережья (724 км, или 11% от всей его длины) и 12% площади самого южного участка акватории Каспия принадлежали Ирану. Во многом то, что хозяевами Каспийского моря выступали только две страны, позволяло сохранять геополитическую стабильность и спокойствие во всем Прикаспии.

Термин «Каспийский регион» заимствован у зарубежных политологов и в последние годы получил широкое применение в качестве научного и практического понятия. В мировом политическом лексиконе этот термин стал активно использоваться в последнюю четверть века, то есть с распадом СССР в 1991 г. Новыми хозяевами Каспия стали страны, имеющие непосредственный выход к морю, – Россия, Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Иран. К Каспийскому региону иногда относят и те страны, географическое положение и политика которых оказывают существенное влияние на прокладку маршрутов нефте- и газопроводов, иных транспортных линий, в целом на ситуацию в регионе. Это Турция, Грузия, Армения, Узбекистан, а также Китай, Пакистан, Афганистан.

Таким образом, 1991 г. можно считать годом рождения нового крупного геополитического пространства, которое складывается из прикаспийских государств, объединенных проблемами и перспективами развития самого крупного озера на планете – Каспийского моря. Центральные же геополитические и геоэкономические проблемы Каспийского региона определяются весьма острой и напряженной борьбой различных акторов геополитики за обладание его ресурсами, ареалами и транспортными потоками [1–4]. При мудрых руководителях море может служить объединительным началом и золотой жилой для народов, проживающих на его берегах. Однако оно способно и выступать «яблоком раздора», что и происходит временами, при возвращении к нашему вопросу.

Разногласия государств Прикаспия возникли в процессе определения ими юридического статуса Каспийского водоема и их противостояния в плане установления морских (или озерных?) государственных границ. Так, развитие азербайджано-иранских и азербайджано-туркменских отношений одно время пошло практически в конфликтном русле. Между сторонами возник ряд серьезных разногласий, главным образом по поводу собственности на некоторые достаточно богатые морские нефтяные месторождения. Были разногласия по спорным месторождениям углеводородов на Каспии между Россией и Казахстаном. Однако Президент РФ В.В. Путин и Президент РК Н.А. Назарбаев, как мудрые государственные деятели, решили их одним росчерком пера. Спорные пространства просто разделили поровну между двумя государствами.

Ситуация стала особенно напряженной после того, как военные корабли иранских ВМС под угрозой применения оружия заставили приостановить разведку шельфовой нефти, которую проводили морские суда Азербайджана на основе соглашений Баку с «Бритиш Петролеум». Инцидент между гидрографическими судами Азербайджана и ВМС Ирана из-за разногласий по поводу группы месторождений «Араз–Алов–Шарг» произошел в июне 2001 г.

Не менее показательным и продолжающимся противостоянием Азербайджана и Туркменистана вокруг месторождений Азери (Хазар), Чираг (Осман) и Кяпаз (Сердар). Как азербайджанская, так и туркменская сторона считает первое из этих месторождений (для Азербайджана – это Азери, а для Туркменистана – это Хазар) полностью своим. Аналогичного принципа Баку придерживается в отношении Чирага, а Ашхабад – Сердара. Ашхабад занимает жесткую позицию в этом вопросе, считая, что государственных границ как таковых на Каспийском море никогда не было и пока нет. Следовательно, до определения правового статуса моря при варианте его раздела на национальные сектора спорные участки не могут кому-то принадлежать по определению, а значит быть объектом односторонних исследований и разработок.

Многие утверждают, что подобный расклад в будущем из-за нерешенного статуса Каспийского моря и проблемы, связанной с его делением на сектора, может взорвать и без того хрупкий мир в регионе [2; 9]. Конфликты по поводу разработок нефтяных месторождений ведут к милитаризации Каспийского моря. При неблагоприятном развитии дел не исключено вовлечение в конфликт и

России, для которой важным вопросом является не только добыча «своей» нефти со дна моря, но и транспортировка «чужой» нефти через свою территорию. Каспийский регион, безусловно, входит в сферу российской безопасности [1; 4; 8]. В целом проблема определения правового статуса Каспия крайне противоречива. Она постоянно держит в напряжении акторов, постепенно переходя в разряд «вечных» тем для государств Каспия и экспертного сообщества.

Международное сообщество и государства Каспия должны принять одно единственное и правильное решение относительно статуса водоема: Каспий – море или озеро? Официально Каспий как географическое образование считается озером. Однако, признав Каспий озером, Россия и Иран не готовы применять международное право по соответствующему типу водоема. А международное право по морям фактически не применимо по отношению к Каспию, так как 200-мильная береговая зона, принятая международным правом как зона берегового государства, будет пересекаться из-за недостаточной ширины моря. В связи с этим предлагаем применить все приемлемые и необходимые для стран Каспия статьи из международного права по водоемам и из международного права по морям, служащие укреплению стабильности и взаимопонимания в рассматриваемом регионе [5]. И тем самым определить особый статус Каспия как единственного в мире, уникального водоема, стратегические задачи развития которого с каждым годом приобретают все более выраженный природоохранный аспект.

Еще одна очень важная международная проблема на Каспии: здесь до сих пор не создана какая-либо политическая или экономическая организация на основе всех пяти прикаспийских государств для совместного решения главных геополитических и геоэкономических проблем Каспия. В мире имеются подобные организации. К ним относятся Баренц-Арктическая конференция (по Баренцеву морю), Дунайская конвенция (по проблемам р. Дунай), Организация Черноморского экономического сотрудничества (по Черному морю). Есть организации по проблемам Великих озер США и Канады, озера Виктории в Африке и др. Однако, как уже было отмечено, каждое прикаспийское государство продолжает проводить свою внешнюю политику в регионе, исходя из собственных интересов. А интересы эти – не только нефть и возможность контролировать ее транспортные потоки, но порой и возможность «уколоть» своего соседа по региону, заявляя тем самым о своих растущих геополитических амбициях.

По мнению некоторых специалистов, уже около 70% каспийских ресурсов принадлежат западным компаниям [3]. Сегодня в регионе действует порядка 30 международных программ и проектов, которые так или иначе связаны с Каспием. Непосредственно в работах на Каспии участвуют нефтяные компании из 25 стран. А если посчитать все страны, которые ведут научные разработки и реализуют международные проекты, то их насчитывается более 50. Все это говорит и о территориальном разбросе, и о информационной разобщенности организаций, занятых изучением проблем вокруг Каспия.

Геополитические процессы, приведшие к двум чеченским войнам, террористические акты, совершаемые и в настоящее время на всем Северном Кавказе, имеют тесную связь с проблемой перспективного применения огромных запасов углеводородов на Каспии и перенаправления нефтегазопроводов в обход России. У прикаспийских государств интересы и деятельность в регионе различные. У России отношение к вопросам рачительного использования богатств водоема, к сожалению, не лучше, чем у соседей.

А вот Иран здесь стоит особняком. Там ситуация и меры, принимаемые государством по охране окружающей среды и использованию природных ресурсов, в частности в плане упорядочения ловли ценной каспийской рыбы, наилучшие. Для наглядности возьмем один пример. Несколько лет назад международная организация СИТЕС (Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения) отменила квоту на производство черной икры на несколько лет всем странам Каспия, кроме Ирана. Это говорит о многом. Напомним, что Каспий дает 80% мировой черной икры.

В клерикальном Иране, в ресторанах Тегерана, россиянин может попросить у официантов спиртное и даже поговорить о женщинах – все для него «сойдет с рук». Но если он только заикнется про черную икру – официант убежит от него, как от прокаженного. И тогда будет большим везением для нашего «легкого на слова» туриста, если его не отвезут в полицейский участок для разбирательств.

В Дагестане можно свободно купить на базаре черную икру (осетровую, севрюжую и даже деликатесную белужью – какую угодно), добыча которой в республике официально запрещена. Это происходит потому, что здесь между любой мало-мальской властью и коррупцией стоит знак равенства. К сожалению, до сих пор в республике вопросы, касающиеся власти, вне коррупции

практически не рассматриваются. По крайней мере, так было последние 20 лет. Не встретишь в Дагестане чиновника, который бы утверждал, что он дал взятку и устроился на работу. Но также и нет здесь ни одного простого гражданина, кто бы сомневался в коррумпированности всей чиновничьей власти.

Теперь о проблемах береговой полосы Каспия в пределах дагестанских городов. Почему к пляжам Черного моря в городах Крыма и Западного Кавказа доступ есть, а на побережье Каспия в районе городов Дагестана он за последние буквально 15–20 лет почти полностью исчез? Ведь это же рекреационные, то есть общего пользования земли, а потому они, кроме санаториев, гостиниц и турбаз, не должны быть изолированными крупными заборами частных строений.

Из истории мы знаем, что до Киевского майдана еще была Якобинская революция во Франции. Французы настолько возненавидели олигархов и прочих воров от власти, что стали уничтожать их вместе с детьми и внуками. После этого было опасно появляться в приличном костюме на улицах Парижа. Считается, что именно с того времени французы генетически стали бояться получать слишком большие доходы. Крупный бизнес подвергается непомерно высокому налогообложению, из-за чего многие богатые люди (по примеру Жерара Депардье) выезжают из этой страны. Там состоятельные люди не кичатся своим богатством, более того, считают крайне дурным тоном выставлять его напоказ. Многие мэры городов и топ-чиновники ездят на работу на общественном транспорте, в отличие от наших доморощенных «эскортеров», гоняющих по городу, нарушая правила уличного движения.

Дагестан – один из самых ярких образцов «разрыва» между огромными ресурсами и возможностями для успешного социально-экономического развития территорий, с одной стороны, и здравого смысла в вопросах их рационального и эффективного использования – с другой. Ведь природная кладовая Страны гор отнюдь не ограничивается нефтью и газом, электричеством от горных рек и рыбой из моря, просторными песчаными пляжами и великолепными коньяками. Здесь есть еще очень много того, что может кормить и обеспечивать не только республику, но и близлежащие регионы.

Дагестан всегда был экономическим донором. Вспоминается, как Абдурахман Даниялов ходатайствовал перед ЦК КПСС о переводе Дагестанской АССР в ранг Советской Социалистической Республики прежде всего в связи с высокими экономическими по-

казателями, превышающими таковые в союзных республиках: Армении, Молдавии, Эстонии и Киргизии. Кстати, это письмо до сих пор хранится в архиве Дагестанского обкома КПСС. С распадом же СССР Дагестан с его огромными природными и людскими ресурсами вдруг стал, как и большинство иных окраинных субъектов России, «поедателем» налогов остального населения страны.

Одно из популярных обоснований этого феномена: дотации в наш регион – это своего рода наркотики для местного чиновничества. Также можно считать афоризмом и такую – более приземленную – логику: взятка является наркотиком для нечистого на руку чиновника. Чиновник-взяточник не может работать без взятки, пока не сядет в тюрьму. В этом смысле он радикал и экстремист. А пока его не посадят как взяточника (и то если когда-нибудь и посадят), будут страдать тысячи и тысячи людей.

Приведем следующие цифры: до начала 1990-х годов Дагестан с населением немного более двух миллионов обеспечивал электроэнергией 11 регионов России с населением 17 млн человек. Только ежегодная прибыль от автодороги, соединяющей европейскую часть страны с Закавказьем, во времена СССР оценивалась в сотни миллионов долларов США. А ведь речь идет о суммах, значительно превосходящих нынешние дотации в регион. И мы при этом не говорим о нефти, газе и биоресурсах того же Каспия.

Зато часто говорим о туризме. Но туризм в том объеме и с тем размахом, как планировало развивать его прежнее руководство СКФО, в сегодняшних реалиях Кавказа и, тем более, Дагестана невозможен. Когда говорят о туристическом кластере на Северном Кавказе, становится неловко. Непонятно, кто убеждает высшее руководство в необходимости утверждения неосуществимых проектов. Какой турист поедет отдыхать и тратить деньги туда, где постоянно происходят террористические акты? КТО? Только экстремалы. Хотят организовать пир во время чумы? Но сначала надо бы вылечить общество от чумы, а лишь потом приглашать туда туристов.

То, что до сих пор происходило на Кавказе, в частности в Дагестане, на наш взгляд, можно связать с долголетней тенденцией навязывания кавказцам так называемой «вестернизации». Молодые люди, не чтящие и не соблюдающие свои нормы морали, свою религию и традиции, легко воспринимают активно насаждающиеся шаблоны чуждой западной культуры и морали.

И если одна часть подрастающего поколения принимает западный образ жизни, то другая входит с ним в острый конфликт.

Отсюда происходит нарастание социального протеста, который, в свою очередь, чреват не менее экстремистскими проявлениями. В связи с этим не может не тревожить и тот культурный процесс, который обусловлен религиозной идентичностью, из-за чего для большей части дагестанской молодежи все ближе становится арабская культура. Экспансия последней в республику не такая, конечно, мощная, как западная, но уже приобретает весьма вычурные формы. Давайте задумаемся: когда в нашей культуре было нормой кальянокурение? Или в каких барах и ресторанах наши отцы и деды смотрели на полуголых «восточных красавиц», изображающих «танец живота»? Или когда наши мамы и бабушки ходили в черных до земли паранджах?

Из-за этих двух противоположных процессов наше общество скудеет и духовно деградирует. Когда творческая интеллигенция теряет способность черпать из культурных недр своего социума, когда стихи и произведения писателей становятся низкопробными до пошлости, когда наши певцы и певицы поют свои песни на турецкий или арабский мотив, когда нет композиторов, способных сочинять современные серьезные произведения по мотивам народной музыки, когда у республики в течение двух десятилетий по сути отсутствует музыкально вразумительный и запоминающийся всеми гимн родной республики, когда учеными становятся за счет жуткого по своей примитивности плагиата. И нет конца этому перечню, когда...

Но все это не трагедия. При желании можно отойти либо преодолеть все это. Хуже другое: подмена наших ценностей не просто чуждыми, а попросту аморальными элементами поведения и мышления, которые со временем становятся традициями и нормами для людей. Шаг за шагом, год за годом вытесняются наши вековые культурные детерминанты. Самое пагубное и наихудшее произойдет через 30–40 лет, когда мы увидим, что эти культурные уродства генетически утвердились в сознании новых поколений. Получается поколение, которое в свое время Чингиз Айтматов окрестил «манкуртами, не помнящими родства». То есть формируется общество, для которого нет ничего святого и ничего интересного, кроме как получения удовольствия от потребления различных благ. И мы не сможем ничего сделать, будем так же ощущать свое бессилие, как нынешняя русская интеллигенция, наблюдающая за расцветом в своей стране нацизма немецкого образца 1930-х годов.

Иными словами, люди, хорошо знающие свою родословную и гордящиеся своими предками, более способны стать полководцами, поэтами, писателями, мастерами своего дела. Они уверенно и твердо ощущают «жизненную» почву под ногами, а потому более ответственны за свои поступки. Однако этот тезис ни в коей мере не отрицает новые идентичности, которыми закономерно наполняется социальная и культурная жизнь людей. Как справедливо замечает А.В. Тишков, более глубокое понимание смысла многокультурности должно быть построено не на взаимоисключающей форме идентичности, а на сосуществующих и взаимодополняющих идентификациях [6, с. 116].

В конечном счете, нет у нас альтернативы многоконфессиональной России. Если кто-то иного мнения, то пусть поедет и посмотрит, как живут дагестанцы и какие у них перспективы в мусульманском Азербайджане. В последние годы из соседней республики одно за другим к нам приходят сведения о процессах, которые трудно именовать другим словом, кроме как этноцид.

Дагестанцы – мудрый народ. Исследования, проводимые ВЦИОМ по сепаративным настроениям жителей нашей республики, показали: за отделение от России выступали не более 3%. Только один раз согласных на отделение от России было 5% (1996). И это тогда, когда в русскоязычной Калининградской области и некоторых других республиках, как, например, Саха (Якутия), этот процент был даже выше. Со стороны может показаться парадоксальным, но это факт: Дагестан имеет сегодня больше всего мечетей и дает 80% всех паломников России, выезжающих в Мекку. И в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности [7, с. 5].

Но одновременно складываются пугающие тенденции, над путями преодоления которых надо серьезно подумать. Возьмем, к примеру, ситуацию в вузах Дагестана. Трудно понять, как такое возможно, чтобы сын или дочь ректора вуза республики учились либо в Москве, либо за границей. А получается это потому, что в своем вузе студентов обучают за взятки, не давая полноценного образования, а своих детей отправляют за собранные взятки учиться за границу. Ведь если же глубже подумать, то становится предельно ясно, что большинство наших проблем как раз из-за этого уродливого и некачественного образования. Если обратиться к истории развития цивилизаций, государств или отдельной семьи, то все они выходили из тяжелой ситуации, сделав упор на образование. Или наоборот, все приходило в упадок, когда теряли вни-

мание к образованию и науке. При Сталине к доценту прикрепляли домработницу, а став профессором, он жил в апартаментах. А сейчас одних профессоров в Дагестане с крайне низкокачественной научной подготовкой по количеству больше, чем всех профессоров в сталинском СССР.

Читаем в республиканской газете, как в с. Бавтугай школьное руководство агрессивно (с угрозами) вымогает у родителей деньги на ремонт собственной школы. В Интернете публиковалось коллективное письмо учителей из Кизилюртовского района на имя Президента РФ, что им полгода не платят заработную плату.

Учителя должны получать зарплату на уровне руководства районов, где они работают. Это те люди, которые не должны знать никаких бытовых проблем. А что творится в наших школах и вузах, мы тоже хорошо знаем. По словам высокопоставленного чиновника в администрации президента и правительства Дагестана (его должность приравнивается к вице-премьерской), дети чиновников в дагестанских вузах сами не учатся и другим мешают учиться. Они поступают за деньги, покупают зачеты и экзамены, а потом и дипломы. Окончат вуз, смотришь, они в костюме и при галстуке на управленческих должностях. Это одно. А второе – это когда школьники и студенты видят и знают, кто и с какой репутацией занимает руководящие посты и на глазах взлетают до уровня члена правительства. Поэтому они и учатся не ради знаний, а ради дипломов. Более того, они теряют уважение и к знаниям, и, соответственно, к старшим, которые эти знания им предоставляют. Уделяй достаточное внимание или не уделяй развитию науки и техники в Дагестане, ничего не выйдет, если учителя будут по-прежнему получать мизерную зарплату, к тому же с задержками; если при факультетах вузов будут функционировать диссоветы по выпуску малограмотных кандидатов и докторов наук.

Необходимо восстановить богатейшую историю и традицию народовластия в Дагестане. Ведь это аксиома: первый критерий, по которому определяют, есть ли демократический строй или нет в стране, является система выборов. Смотря на то, как проводятся и идут выборы любого уровня, можно определить, свободен ли народ и есть ли демократия в этом районе, республике или стране в целом.

В заключение хочется сказать следующее. Во всем мире всегда и во все времена в обществе погоду делает интеллигенция. В Дагестане борцы еще не стали ею, а сама интеллигенция особо и не стремится к борьбе. Как-то нынешний глава РД Рамазан Абду-

латипов отметил, что в Дагестане слишком много дипломированных докторов наук, но меньше, чем где-либо, философов на душу населения. Отсюда можно сделать следующий вывод: если интеллигенция не начнет заниматься республикой, то ею будут заниматься все, кому не лень, только не образованные и грамотные люди.

Литература

1. *Бутаев А. М.* Каспий: зачем он Западу? – М. : Изд-во МГУЛ, 2004. – 617 с.
2. *Исмаилов Ч.Н.* Прикаспий: арена соперничества или сотрудничества? // Региональные аспекты социальной политики. Вып. 12. Махачкала: ДГУ, 2010. С. 116–131.
3. *Исмаилов Ч.Н., Эльдаров Э.М.* Дагестан в нефтегазохимическом комплексе Каспийского региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2009. № 4. С. 142–148.
4. *Ланда К.Г.* Геополитические проблемы Каспийского региона // Власть. 2010. № 5. С. 117–119.
5. *Ланда К.Г.* Каспийская модель регионального сотрудничества: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. – М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2010. 44 с.
6. *Тишков В.А.* Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. – Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2011. – 232 с.
7. *Тишков В.А., Чешко С.В.* Предисловие // Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. – М.: Наука, 2002. С. 5–7.
8. *Эльдаров Э.М.* Геоадаптационные процессы в социально-экологических системах Дагестана: Автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. – М.: МГУ, 1998. – 44 с.
9. *Эльдаров Э.М.* Каспий давно стонет, а мы рассуждаем... // Советский Дагестан. 1991. № 5. С. 11–15.

*«Региональные аспекты социальной политики»,
Махачкала, 2014 г., вып.16, с. 95–105.*

Д. Попов*,

руководитель Уральского регионального
информационно-аналитического центра РИСИ,
кандидат юридических наук (Екатеринбург)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ АМЕРИКАНСКИХ ПРОГРАММ ЯДЕРНОЙ ДЕМИЛИТАРИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ

Ядерное разоружение Казахстана как приоритет внешней политики США

К моменту распада Советского Союза в декабре 1991 г. на территории Казахстана были расквартированы 3 крупных стратегических соединения: 38-я ракетная дивизия РВСН СССР в Джармактыне, 57-я дивизия РВСН в Жангизтобе и 79-я тяжелая бомбардировочная авиадивизия ВВС СССР в поселке Чаган в районе Семипалатинского испытательного полигона. В их распоряжении, по американским данным¹, находился четвертый в мире ядерный потенциал: 1040 ядерных боеголовок, которыми были оснащены 104 комплекса межконтинентальных баллистических ракет (МБР) Р-36М (по классификации НАТО – SS18 «Сатана»)², 40 стратегических бомбардировщиков Ту-95 и 370 ядерных авиационных крылатых ракет Х-55 к ним³. Кроме того, в Казахстане располагались исследовательские и промышленный реакторы, испытательные комплексы и оборонные предприятия, хранившие расщепляющиеся материалы, а в недрах были сосредоточены вторые в

* ural.riss@yandex.ru

¹ Российские данные в этом отношении не всегда совпадают с американскими (см.: *Тищенко Г.Г. и др.* Оборонный потенциал Казахстана // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / Г.Г. Тищенко, А.Г. Оношко, А.А. Макунин, А.Т. Волков. – М.: РИСИ, 1995. – С. 133; *Захаров В.М.* Военное строительство в государствах постсоветского пространства / В.М. Захаров. М.: РИСИ, 2011. – С. 43).

² *Potter W. C.* The politics of nuclear renunciation: The cases of Belarus, Kazakhstan and Ukraine / William C. Potter // The Henry L. Stimson Center Occasional Paper. 1995. April. № 22. P. 5.

³ *Pifer S.* The Trilateral Process: the United States, Ukraine, Russia and Nuclear Weapons / Steven Pifer // Foreign Policy at Brookings. 2011. May. P. 6.

мире объемы запасов урановой руды¹, которую здесь можно добывать сравнительно дешевым методом подземного выщелачивания.

После «беловежских соглашений» 1991 г. в интересах Соединенных Штатов было не допустить преобразования дивизий, оказавшихся за пределами РФ в новых независимых государствах, в российские зарубежные военные базы. Несмотря на финансовые трудности России и отрицательное отношение руководства бывших советских республик, потенциально такую возможность в будущем исключать было нельзя, что доказал пример Таджикистана. Здесь в условиях начавшейся гражданской войны 201-я мотострелковая дивизия ВС СССР, расквартированная в Душанбе, Кулябе и Курган-Тюбе, в сентябре 1992 г. была в полном составе включена в состав ВС России, а в октябре 2004 г. преобразована в 201-ю российскую военную базу. Сегодня это самое крупное военное соединение РФ вне ее национальных границ. Что же касается объектов стратегических ядерных сил в Республике Казахстан (РК), то они и после распада Советского Союза еще напрямую подчинялись Москве, имели центральное финансирование, комплектовались в основном российскими специалистами. Но главное – представляли для Пентагона проблему как компонент российских сил ядерного сдерживания, поскольку использовали развитую дорогостоящую инфраструктуру и, находясь в глубине континента, были более защищены от американских средств поражения и разведки.

Нежелательным для Белого дома оказался и переход частей стратегических ядерных сил бывшего СССР под контроль новых независимых государств, что порождало две проблемы. С одной стороны, это вело к увеличению числа участников «ядерного клуба» за счет Казахстана, Украины и Белоруссии, т.е. распространению ОМУ на новых субъектов международного права, что противоречило внешнеполитическим доктринальным установкам США². Хотя в американском экспертном сообществе вариант сохранения

¹ Казахстан занимает второе место в мире по разведанным добываемым запасам урана после Австралии. – *Прим. ред.*

² См. об этом: Ядерный фактор в современном мире / Под ред. В.И. Кривохижи. – М.: РИСИ, 1996. – 211 с.; *Николайчук И.А. Ядерная политика США / И.А. Николайчук // США в новом мире: пределы могущества.* – М.: РИСИ, 1997. – С. 217–256.

ядерного оружия, в частности за Украиной¹, в противовес российскому потенциалу широко обсуждался в качестве альтернативного². С другой стороны, поскольку республики Центральной Азии (ЦА) не обладали необходимыми финансовыми, организационными и научно-техническими ресурсами для обеспечения безопасности ОМУ, в Вашингтоне опасались, что часть бывших советских арсеналов и технологий может попасть в распоряжение недружественных США иностранных государств и организаций, таких как Ирак, Иран и Северная Корея. «Иран был повсюду в Центральной Азии и на Кавказе со своими торговыми агентами», – вспоминал Дж. Старр, курировавший в Пентагоне вопросы нераспространения на постсоветском пространстве³.

Практика подтвердила, что опасения американской стороны имели основания. В марте 1999 г. стало известно, что через частных посредников из Казахстана в КНДР нелегально переданы 38 снятых с вооружения советских истребителей МиГ-219, которые теоретически могли быть использованы в качестве средств доставки ядерных зарядов к территории Японии и Южной Кореи. Согласно выводам последовавшего официального расследования сделка была проведена без ведома правительства РК и в обход казахстанской системы контроля над экспортом вооружений. По другой версии (оппозиционного политика Р. Алиева, бывшего зятя президента РК Н. Назарбаева), сделка была санкционирована главой Казахстана и предусматривала передачу 133 самолетов за 40 млн долл.⁴ Инцидент вызвал крайне негативную реакцию Вашингтона, Сеула и Токио и повлек отставку министра обороны РК М. Алтынбаева и начальника Комитета национальной безопасности Н. Абыкаева⁵.

¹ См. об этом: *Новиков В.Е.* О подходе Украины к проблеме ядерного оружия / В.Е. Новиков // Украина: вектор перемен / под. ред. Кожокина Е.М. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 66–82.

² *Миршеймер Д.* Ядерное оружие на Украине / Д. Миршеймер; Foreign Affairs; ИТАР-ТАСС // Компас. 1993. 11 августа. № 133. – С. 3–17.

³ *Hoffman D.E.* How U.S. removed half a ton of uranium from Kazakhstan / David E. Hoffman // The Washington Post : website. 2009. September 21. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/09/20/AR2009092002881_2.html?sid=ST2009092002315 (Дата обращения: 14.03.2015.)

⁴ *Алиев Р.* Крестный тесть. Документальная повесть / Рахат Алиев. – Berlin: Literaturverlag, 2009. – С. 275–291.

⁵ *Панин Л.* Казахстан продал истребители Северной Кореи / Леонид Панин // Коммерсантъ. 1999. 14 сентября. № 166. С. 2.

Угроза «расползания» ОМУ признавалась приоритетной всеми поколениями американской администрации и фиксировалась в соответствующих концептуальных документах, таких как Национальная стратегия по борьбе с ОМУ 2002 г. президента Дж. Буша-мл.¹ и Стратегия национальной безопасности 2010 г. президента Б. Обамы². Для купирования названных рисков Соединенные Штаты исторически применяли весь спектр возможных мер – от дипломатического давления и экономических санкций до демонстрации силы (Сирия, 2013 г.) и военных интервенций (Ирак, 2003 г.). В постсоветской Центральной Азии, в отличие от Ближнего Востока, сильного противодействия данным интересам США не возникло, как не возникло и необходимости ответных жестких шагов со стороны Белого дома. Вместо этого странам региона была предложена финансовая и техническая помощь по перемещению ОМУ в Россию и ликвидации остатков его инфраструктуры.

Программа получила название «Совместное уменьшение угрозы» (СУУ) и была утверждена серией американских законодательных актов 1991–1992 гг. Ее также неофициально называют «Нанна–Лугара» инициативой (по фамилиям авторов – сенаторов С. Нанна и Р. Лугара). На первом этапе СУУ ставила главной целью содействие уничтожению запасов ядерного, химического и биологического оружия в постсоветских странах. Ее исполнителем выступило Агентство МО США по уменьшению угрозы (*Defense Threat Reduction Agency – DTRA*), действующее в сотрудничестве с Государственным департаментом, министерствами энергетики и внутренней безопасности США.

Программа на долгие годы стала приоритетом внешней политики Вашингтона на центральноазиатском направлении. Об этом, в частности, говорит тот факт, что с 1992 по 2010 г. на цели ликвидации ОМУ в Казахстане Белый дом выделил более 1 млрд долл., что составило половину всех несекретных бюджетных ассигнований США на РК в тот период³. Для сравнения: общие рас-

¹ National strategy to combat weapons of mass destruction // The White House : website. Washington, D.C., 2002. December. P. 1. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf> (Дата обращения: 31.03.2015.)

² National Security Strategy // The White House : website. Washington, D.C., 2010. May. P. 4. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (Дата обращения: 31.03.2015.)

³ *Nichol J.* Kazakhstan: Recent Developments and U.S. Interests / Jim Nichol : Congressional Research Service Report for Congress. 2013. July 22. P. 20.

ходы на «Совместное уменьшение угрозы» в странах бывшего СССР в 1992–2012 гг. оцениваются в 8,79 млрд долл.¹

Со своей стороны, Казахстан при реализации СУУ проявил особую активность, оказав, как сообщала пресс-служба МИД РК в декабре 2012 г. по случаю 20-летия программы, «полную и всемерную поддержку»². При этом Казахстан не стал превращать вывод стратегических вооружений в предмет открытого политического торга с Москвой и Вашингтоном и умышленно затягивать процесс, как это сделал Киев, потребовавший списания долгов, гарантий безопасности и уступок по спорным вопросам российско-украинских отношений. Соединенные Штаты также воздержались от первоначально обсуждавшейся идеи требовать от участников СУУ компенсацию в виде поставок нефти, стратегических товаров, постановки под контроль США местных оборонных НИОКР и т.п.

В 1991 г. президент Н. Назарбаев заявил об отказе республики от ядерного оружия. К 1993 г. была создана необходимая правовая база. Страной подписаны и ратифицированы основные многосторонние соглашения: Договор между СССР и США о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 г. (СНВ-1), Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1 1992 г.³ и Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО). Также были подписаны двусторонние американо-казахстанские соглашения о предоставлении финансовой и технической помощи при демонтаже ядерной инфраструктуры.

Лояльность Казахстана в вопросах разоружения стала фундаментом отношений с США на годы вперед, способствовала международному признанию республики и позволила заручиться поддержкой Вашингтона в части привлечения западных инвестиций в нефтяной сектор страны. Сделка по разработке нефтяного

¹ Козичев Е. Как работала программа Нанна–Лугара. История вопроса / Евгений Козичев // Коммерсантъ. 2012. 10 октября. № 190. С. 7.

² Казахстан и США отмечают 20-летие программы «Совместное сокращение угрозы» // Meta.kz : интернет-сайт. 2012. 19 декабря. URL: <http://www.meta.kz/novosti/kazakhstan/761610-kazakhstan-i-ssha-otmechayut-20-letie-programmy-sovmestnoe-sokraschenie-ugrozy.html> (Дата обращения: 30.03.2015.)

³ Протокол был принят 23 мая 1992 г. в Лиссабоне и признавал сторонами СНВ-1, помимо США и России, также Украину, Казахстан и Белоруссию, на территориях которых после распада СССР оставалось ядерное оружие. Документ обязывал новые независимые государства передать его под контроль России и присоединиться к ДНЯО в качестве неядерных держав.

месторождения Тенгиз с американской компанией Chevron, которая и сегодня остается крупнейшим коммерческим проектом страны, была заключена параллельно с переговорами по нераспространению в ходе первого официального визита Президента РК Н. Назарбаева в США 17–23 мая 1992 г. и стимулировала выполнение Казахстаном обязательств по СНВ-1 и ДНЯО.

Также сотрудничество в ядерной области с США создало благоприятные условия для укрепления в стране президентской власти, исходившей из тезиса, что для Белого дома проблема денуклеаризации Казахстана важнее его демократизации¹. «Конституционная революция» 1995 г. (ропуск парламента, референдумы по новой конституции и продлению полномочий главы государства до 2000 г.)² вызвала лишь временное охлаждение отношений с США и практически не сказалась на динамике проектов в сфере безопасности.

Вывод ядерного оружия из Казахстана

Американские программы ядерного разоружения Казахстана были сконцентрированы на трех направлениях: передаче боеголовок и средств доставки из Казахстана в Россию, уничтожении инфраструктуры стратегического ядерного оружия (СЯО) на территории республики (лабораторий, ракетных шахт и др.), обеспечении безопасности ядерных материалов (отработавшего реакторного топлива, остатков плутония и высокообогащенного урана)³. К февралю 1992 г. Россия вывезла из Казахстана все тактические ядерные боеголовки. К июню 1994 г. были перемещены бомбардировщики Ту-95 и авиационные крылатые ракеты. Стратегические ядерные боеголовки переправлены к апрелю 1995 г. Соединенные Штаты осуществляли контроль и участвовали в оборудовании задействованных в операции железнодорожных составов сигнализацией и системами безопасности.

¹ Лаумулин М. Казахстан и Запад: ретроспектива отношений в 1990-е гг. / Мурат Лаумулин // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 50–79.

² См. об этом: Куртов А.А. Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / А.А. Куртов. – М.: РИСИ, 1995. – С. 14–220; *Его же*. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. – М., 2001. – С. 85–162.

³ Kazakhstan: Scen setter for Centcom Commander General Petraeus : Cable № 10ASTANA251 // WikiLeaks : website. 2010. February 22. URL: <http://www.wikiLeaks.ch/cable/2010/02/10ASTANA251.html> (Дата обращения: 10.03.2015.)

Уничтожение ракетных шахт шло медленнее и завершилось к августу 1996 г., когда были демонтированы пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет (МБР), а сами ракеты возвращены в Россию. Среди причин задержки американские эксперты называли опасения российской стороны в связи с доступом к конструкционным характеристикам ракетных шахт, нехватку информации, разногласия РФ и РК по компенсации за передаваемое имущество и перебои с выделением американцами средств¹. Всего, по информации внешнеполитического ведомства Казахстана, было уничтожено 148 шахтных пусковых установок (ШПУ)². Для сравнения, по данным на август 2012 г. в целом по программе СУУ во всех странах бывшего СССР ликвидировано 498 ШПУ МБР³.

Важно признать, что хотя основные мероприятия по вывозу ядерного оружия были проведены российскими специалистами, позитивная роль американской инициативы «уменьшения угрозы» в деле освобождения региона от ОМУ оказалась весьма значительной. Проблема состояла в том, что в 1990-е годы соглашения по «уменьшению угрозы» были приняты руководством РФ и центральноазиатских республик на довольно жестких и отчасти даже дискриминационных условиях, открывших для американской стороны возможности по использованию программы для прикрытия разведывательной и иной незаявленной деятельности. Принимая во внимание присущий представителям Нового Света прагматизм, было бы наивным полагать, что они этими возможностями пренебрегли. В России СУУ подверглась критике как раз из-за угрозы утечки на Запад чувствительной военной информации. По мнению представителей Минобороны РФ, Америка никогда бы не узнала столько секретных данных о российском Северном флоте и ОМУ, если бы не эта программа⁴. Уязвимых мест в ней выделяют несколько, в частности, связанных с порядком проведения инспекций и качеством поставляемого из-за рубежа оборудования.

¹ *Sholk D.* The Denuclearization of Kazakhstan (1991–1995) / Dena Sholk; The Institute for the Study of Diplomacy. The Georgetown University. 2013. April 30. P. 20.

² См.: Казахстан и США отмечают 20-летие программы «Совместное сокращение угрозы».

³ *Козичев Е.* Как работала программа Нанна–Лугара. История вопроса / Евгений Козичев // Коммерсантъ. 2012. 10 октября. № 190. С. 7.

⁴ *Черненко Е.* Счета Нанна–Лугара отправят в Минфин РФ / Елена Черненко // Коммерсантъ. 2012. 17 октября. № 195. С. 7.

Еще в начале 90-х годов режим безопасности на центральноазиатских полигонах был ослаблен: на секретные объекты, многие из которых не наносились на общесоюзную карту, стали проникать иностранные журналисты, экологи¹, большое количество религиозных проповедников. Но с программой СУУ у американцев возникла легальная возможность проводить инспекции военных центров и предприятий, на которых было установлено западное оборудование, а также организовывать встречи со штабными офицерами принимающей стороны. Их проверки зачастую носили навязчивый характер², а сами инспекторы пользовались особыми юридическими льготами. Только по состоянию на октябрь 1999 г. были проведены 19 инспекций в Казахстан и состоялись 163 встречи с казахстанскими офицерами (48 – с киргизскими, 88 – с узбекскими, 32 – с туркменскими). Каждое мероприятие расширяло контакты в местных военных кругах и повышало информированность США об оборонных возможностях государств ЦА³. К этому стоит добавить, что в странах региона проверяющие из Пентагона пользовались, как можно предположить, большей свободой доступа к объектам и информации, чем в России.

Вопросы возникают и к поставленному по СУУ американскому оборудованию и компьютерной технике, предназначенным для использования в критической военной и промышленной инфраструктуре. У специалистов США есть богатый опыт внедрения в такую технику скрытых программных и аппаратных средств для дистанционного съема информации или провоцирования сбоев в работе. Достаточно вспомнить, что, по западным источникам, в начале 80-х годов прошлого века, основываясь на данных, переданных завербованным французской разведкой офицером КГБ СССР В. Ветровым, Соединенные Штаты провели масштабную операцию по внедрению дефектных компьютерных чипов в советское военное снаряжение, а также неисправных турбин для газопроводов и чертежей, нарушивших производственные планы хи-

¹ Sary Shagan and Kyshtym: A Visit to Soviet Nuclear Facilities // Science and Global Security. 1989. Vol. 1, № 1–2. P. 165–174.

² Маслин Е. Программа Совместного уменьшения угрозы и интересы национальной безопасности России / Евгений Маслин // Научные записки ПИР-центра. 2000. № 13. С. 7.

³ Cooperative Threat Reduction Status // Federation of American Scientists : website. 1999. December 12. URL: <http://fas.org/nuke/control/СУУ/status.htm> (Дата обращения: 30.03.2015.)

мических и тракторных заводов¹. Инициатива «уменьшения угрозы» создала условия для новых подобных операций. Так, в начале 1995 г. Соединенные Штаты предоставили Казахстану оборудование правительственной связи (GGCL)² и временно открыли бесплатный спутниковый канал. Данная мера, инициированная Пентагоном, должна была обеспечить Казахстан, Белоруссию и Украину прямой линией связи с Вашингтоном по вопросам разоружения, минуя Москву. Неизвестно, однако, проходил ли этот комплекс специальную проверку в Казахстане на предмет возможных скрытых в нем «закладок» и использовался ли он для связи с другими государствами помимо США.

Наконец, в своих практических шагах представители Пентагона стремились как можно больше современной техники уничтожить на месте, предотвратив там, где это было возможно, ее попадание в Росийскую армию. Показательна история аэродрома Чаган в 70 км от Семипалатинска, где размещалась 79-я тяжелая бомбардировочная авиадивизия (ТБАД) ВВС СССР. На ее вооружении стояли 40 модернизированных межконтинентальных бомбардировщиков-ракетоносцев Ту-95МС (по классификации НАТО «Медведь»). В начале 1992 г. под предлогом учений офицеры базы перегнали самолеты в Россию, заменив их внешне похожими, но устаревшими ТУ-95К³. Операция была проведена без уведомления правительства Казахстана после того, как в аналогичной ситуации вернуть стратегические ракетоносцы отказался Киев. Своими действиями в Чагане летчики спасли самолеты для военной авиации России: оставшиеся на Украине и в Казахстане машины были впоследствии разрезаны в присутствии американских чиновников (за исключением восьми Ту-160 и трех Ту-95МС, которые Москве

¹ *Schweizer P.* Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union / Peter Schweizer. New York : The Atlantic Monthly Press, 1995. P. 187–190; *Weiss G. W.* The Farewell Dossier / Gus W. Weiss // CIA : website. 2008. June 27. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/96unclass/farewell.htm> (Дата обращения: 10.04.2015.)

² *Lockwood D.* Getting Down to Business / Dunbar Lockwood // Bulletin of the Atomic Scientists. 1995. January – February. Vol. 51, № 1. P. 13.

³ *Хайрюзов В. Н.* Воздушный меч России / Хайрюзов В.Н. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С. 219; *Лоскутов В.* Как Россия подменила новые казахстанские Ту-95МС на свои старые Ту-95К (история) / Владимир Лоскутов // Военно-промышленный курьер. 2007. 4–10 июля. № 25 (191). С. 12.

удалось вернуть в 2000 г. в счет долгов Украины за газ)¹. В 1994 г. 79-я ТБАД была расформирована, а аэропорт, способный принимать любые классы самолетов, заброшен. Бомбардировщики Ту-95МС по-прежнему остаются основой российской стратегической авиации, в оперативном парке которой, по состоянию на 2012 г., насчитывалось более 30 таких машин².

Меры по борьбе с распространением опасных материалов и технологий

Другим направлением американской стратегии стало обеспечение безопасности ядерных материалов, а также технологий, имеющих отношение к созданию ОМУ.

Одним из знаковых в этой части стал реализованный в ноябре 1994 г. проект «Сапфир», в рамках которого из Казахстана на авиабазу Довер в США транспортными самолетами С5 был вывезен 581 кг высокообогащенного урана (ВОУ)³. Тем самым, по мнению американских специалистов, заявивших, что данного количества урана достаточно для создания от 20 до 50 атомных бомб, была устранена угроза его попадания в руки террористов и враждебных режимов⁴. Металл был обнаружен на Ульбинском металлургическом заводе в Усть-Каменогорске и предназначался для топливных элементов советских подводных лодок. Российская сторона, по данным которой на УМЗ должно было храниться гораздо меньше ядерных материалов, к тому же не пригодных для производства взрывных устройств⁵, публично не опротестовывала их передачу США. В качестве компенсации за уран, по воспомин-

¹ Украина передала России последние два самолета в счет своего долга // Lenta.ru : интернет-сайт. 2000. 23 февраля. URL: <http://lenta.ru/economy/2000/02/22/samolety/> (Дата обращения: 12.04.2015.)

² Михайлов А. Стратегический бомбардировщик «Медведь» оставили на службе / Алексей Михайлов // Известия : интернет-сайт. 2012. 20 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/535601> (Дата обращения: 10.04.2015.)

³ Sholk D. Op. cit. – P. 34.

⁴ Gordon M. R. U.S., in a secret deal, removes bomb fuel in Ex-Soviet Republic / Michael R. Gordon // The New York Times: website. 1994. November 23. URL: <http://www.nytimes.com/1994/11/23/world/us-in-a-secret-deal-removes-bomb-fuel-in-ex-soviet-republic.html> (Дата обращения: 10.03.2015); *Idem*. Months of delicate talks in Kazakhstan atom deal // The New York Times: website. 1994. November 24. URL: <http://www.nytimes.com/1994/11/24/world/months-of-delicate-talks-in-kazakhstan-atom-deal.html?pagewanted=2> (Дата обращения: 10.03.2015.)

⁵ Лаумулин М. Указ. соч. – С. 61.

нениям вовлеченных в проект американских должностных лиц, Белый дом выделил от 25 до 40 млн долл., хотя официально эти цифры не подтверждались¹.

Еще одной заметной вехой в американо-казахстанском сотрудничестве стал вывод из эксплуатации реактора БН-350 в Актау (первого советского промышленного реактора на быстрых нейтронах, использовавшегося с 1972 г. в опытных целях, а также для энергоснабжения Западного Казахстана и опреснения морской воды). Работа БН-350 была приостановлена в 1999 г. из-за отсутствия уверенности в качестве его обслуживания после распада СССР. Ряд казахстанских специалистов при этом высказались против полного закрытия БН-350, обращая внимание на то, что установка не исчерпала технический ресурс, а ее уникальные возможности по утилизации отработавшего топлива тепловых ядерных реакторов могут успешно использоваться совместно с Россией. Вместе с тем идею закрытия объекта активно поддерживали США и Великобритания, оказавшие Казахстану финансовую и техническую помощь. Западные специалисты опасались способности БН-350, расположенного в относительной близости от каспийского побережья Ирана, нарабатывать высококачественный плутоний, пригодный для оружейных целей (по американским данным, на комплексе находилось около 3 т плутония и 10 т высокообогащенного урана, достаточных для производства нескольких сот атомных бомб)². Под контролем США был осуществлен демонтаж реактора, а к ноябрю 2010 г. – перемещение 100 т радиоактивных материалов³ из Актау в Восточно-Казахстанскую область (на площадку, оборудованную на объекте «Байкал-1» Семипалатинского полигона).

В 2004 г. Министерство энергетики США открыло проект «Глобальная инициатива по уменьшению угрозы» (*Global Threat Reduction Initiative*). В его рамках предусматривались остановка исследовательских реакторов на высокообогащенном уране, построенных США и СССР в различных странах мира в эпоху холодной войны, или их перевод на низкообогащенное топливо.

¹ Sholk D. Op. cit. – P. 26–27.

² Shuster M. Kazakhstan completes move, storage of nuclear stash / Mike Shuster // NPR: website. 2010. November 16. URL: <http://www.npr.org/2010/11/16/131360974/kazakhstan-completes-move-storage-of-nuclear-stash> (Дата обращения: 13.03.2015.)

³ Ibid.

В течение 10 лет таким образом было переоборудовано или закрыто 49 установок в 25 государствах Европы, Латинской Америки, Южной, Юго-Восточной Азии и Африки. Вывезено в США и Россию 4100 кг ВОУ и плутония¹. В Центральной Азии, где с советских времен остались несколько исследовательских реакторов на ВОУ, данная работа проводится Москвой и Вашингтоном совместно. С 2008 г. при поддержке Министерства энергетики США и в сотрудничестве с российской госкорпорацией «Росатом» и Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) Казахстан осуществляет перевод реактора ВВР-К бассейнового типа в Институте ядерной физики РК с высокообогащенного на низкообогащенный уран (НОУ). Весной 2009 г. из реактора были выгружены и транспортированы на ПО «Маяк» в Россию почти 74 кг ВОУ². По аналогичной схеме в 2008 г. был переведен на низкообогащенный уран исследовательский реактор ВВР-СМ в Институте ядерной физики Узбекистана в г. Улукбек.

Значительные средства вложены американской стороной в консервацию Семипалатинского испытательного полигона (СИП), который с 1949 г. являлся головной базой испытания советского ядерного оружия.

Официально СИП закрыт 29 августа 1991 г. указом Н. Назарбаева, чему предшествовала широкая антиядерная кампания в казахстанском обществе, инициированная еще в 1989 г. движением «Невада – Семипалатинск». В 1994 г. полигон покинули последние российские воинские части, после чего огромная территория комплекса фактически осталась без регулярной охраны. Это вызвало серьезную обеспокоенность американских специалистов, по предположению которых в подземных коммуникациях СИП после испытаний оставались смешанные с почвой радиоактивные вещества, пригодные для создания так называемой «грязной» бомбы, остатки плутония в извлекаемых формах и в количествах, достаточных для изготовления нескольких ядерных взрывных устройств; а также списанное советское оборудование, дающее

¹ *Nikitin M.B.D., Woolf A.F.* The evolution of cooperative threat reduction : Issues for Congress : Congressional Research Service Report for Congress / Mary Beth D. Nikitin, Amy F. Woolf. 2014. June 13. P. 31.

² *Большинский И. и др.* Вывоз ОЯТ из Казахстана: первый этап / И. Большинский, Д. Томас, П. Чакров, Д. Накипов, С. Комаров, Р. Кудояров // Российское атомное общество: интернет-сайт. 2011. 30 мая. URL: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2011/05/30/22716> (Дата обращения: 13.03.2015.)

представление о компонентах и процессе производства ядерного оружия¹.

Предпринятые американцами в 90-е годы прошлого века усилия по бетонированию подземного испытательного комплекса СИП, включающего площадку «Д» (горизонтальные туннели горного массива Дегелен) и площадку «Б» (Балапан, где подземные взрывы проводились в вертикальных скважинах), оказались малоэффективными. К 2004 г. местные жители, промышляющие продажей металлолома в Китай, с помощью взрывчатки и тяжелой техники вскрыли 110 штолен из 181². Проведение работ также осложнялось отсутствием у Казахстана архивных данных, необходимых для идентификации на местности опасных объектов, что требовало подключения к работам Москвы.

В Министерстве по атомной энергии РФ изначально отнеслись к западной инициативе с недоверием, подозревая американцев в намерении использовать ситуацию для раскрытия засекреченного изотопного состава отечественного оружейного плутония. Соглашение было достигнуто только в начале нынешнего века и предусматривало обязанность Вашингтона профинансировать консервацию опасных участков СИП, России – предоставить архивные данные и научно-консультативную поддержку, а Казахстана – обеспечить выполнение инженерно-полевых работ.

В 2003 г. в рамках первого этапа программы под условным названием «Сурок», зараженный плутонием участок полигона, размером с футбольное поле, был укрыт двухметровым слоем железобетона. В 2004 г. в ходе второго этапа, названного «Спичечный коробок», с помощью специальной цементной смеси законсервированы три 7-метровые взрывные емкости с остатками плутония (так называемые «колбы») в бункере у подножия гряды Дегелен. В 2005 г. в рамках операции «Кочевник» заполнены бетоном еще три колбы, находившиеся уже внутри самого горного массива. В 2006–2007 гг. часть брошенного оборудования была перемещена в Россию, часть – замурована в подземных туннелях (в американской классификации – операция «Золотой орел»). В 2008–2009 гг.

¹ *Harrell E., Hoffman D. E. Plutonium Mountain: Inside the 17-year mission to secure a dangerous legacy of Soviet nuclear testing / Eben Harrell, David E. Hoffman; Harvard Univ., Belfer Center for Science and International Affairs. 2013. August. P. 1.*

² *Barry E. Old Soviet nuclear site in Asia has unlikely sentinel: The U.S. / Ellen Barry // The New York Times: website. 2011. May 21. URL: <http://www.nytimes.com/2011/05/22/world/asia/22kazakhstan.html> (Дата обращения: 13.03.2015.)*

установлены современные технические охранные системы, включая детекторы движения и камеры видеонаблюдения, организована армейская охрана испытательной площадки «Д», в пользование Казахстана передан американский беспилотник для дистанционного мониторинга территории СИП.

В марте 2012 г. на саммите по ядерной безопасности в Сеуле президенты Б. Обама, Д. Медведев и Н. Назарбаев официально объявили о завершении трехсторонней программы консервации Семипалатинского полигона. Фактически же работы продолжились еще до октября 2012 г. Их совокупная стоимость, по американским оценкам, составила 150 млн долл.¹

Американская политика нераспространения включает и ряд других сопутствующих программ, которые многие годы реализуются Вашингтоном совместно с иностранными партнерами, международными институтами и частными фондами не только в Казахстане, но и в остальных центральноазиатских республиках. К ним можно отнести: стимулирование конверсии военных предприятий; создание совместно с МАГАТЭ системы экспортного контроля (чем занимается Министерство энергетики США, наладившее поставки сканирующего оборудования для выявления радиоактивных материалов на границе²), а также перепрофилирование ученых, ранее занятых в военно-промышленном комплексе СССР, через грантовые программы Международного научно-технического центра. О последней структуре следует упомянуть особо.

Международный научно-технический центр (МНТЦ) – межправительственная организация, учрежденная соглашением между РФ, США, ЕС и Японией 27 ноября 1992 г. В соответствии с уставом целью деятельности МНТЦ является предотвращение распространения технологий ОМУ путем финансирования мирных исследовательских работ бывших советских ученых и инженеров, ранее вовлеченных в ВПК, в особенности «тех из них, которые располагают знаниями и навыками в области оружия массового уничтожения и ракетных систем доставки»³. Впоследствии к со-

¹ Harrell E., Hoffman D.E. Op. cit. P. 1.

² Kazakhstan: a key partner on Non-Proliferation : Cable № 09ASTANA1541 // WikiLeaks: website. 2009. September 18. URL: <http://wikileaks.ch/cable/2009/09/09ASTANA1541.html> (Дата обращения: 10.03.2015.)

³ Ст. II. Соглашения об учреждении Международного научно-исследовательского центра от 27 ноября 1992 г. // Международный научно-технический

глашению присоединились Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Норвегия, Южная Корея, Таджикистан. Головной офис МНТЦ с 1994 г. был размещен в Москве, отделения – в Ереване, Минске, Тбилиси, Алма-Ате, Бишкеке и Душанбе. В 1995 г. на Украине с аналогичными целями открыт Украинский научно-технический центр, имеющий статус самостоятельной межправительственной организации, учрежденной США, Украиной, Канадой и Швецией. Всего к 2010 г. в работе «российского» и «украинского» центров участвовали 39 государств¹. С 1994 по 2013 г. через МНТЦ выделено около 880 млн долл. на 2,8 тыс. проектов, в которых были заняты 75 тыс. ученых, в том числе в России (667 млн долл.), Казахстане (75,5 млн), Киргизии (24 млн) и Таджикистане (12,5 млн долл.)². Основной донор – США.

В августе 2010 г. президент РФ Д. Медведев подписал распоряжение о выходе России из МНТЦ: к этому времени значительно возросло национальное финансирование науки, включая современные оборонные исследования, и участие в организации утратило для Москвы актуальность. После этого основным бенефициаром МНТЦ стал Казахстан, в 2013 г. получивший по программам центра 4,78 млн долл. из 8,97 млн возможных³. В июне 2014 г. в Казахстан была перенесена штаб-квартира МНТЦ, которая разместилась в Астане в комплексе Назарбаев Университета.

Как и в других случаях, озабоченность вызывает потенциал использования Международного научно-технического центра не по заявленному назначению. МНТЦ оказал определенное позитивное влияние на укрепление режима нераспространения на постсоветском пространстве через обеспечение занятости ученых, задействованных в военных НИОКР. Но он же предоставил западным странам расширенные возможности по получению доступа к военно-техническим разработкам бывшего СССР. В мировой практике структуры, подобные МНТЦ, традиционно также используются для поиска и рекрутирования перспективных иностранных ученых и мониторинга их исследований.

центр: интернет-сайт. 2015. 11 марта. URL: http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/va_web-pages/StatutoryDocumentsAgreeEstabRus (Дата обращения: 11.03.2015.)

¹ Nikitin M.B.D., Woolf A.F. Op. cit. – P. 43.

² Годовой отчет МНТЦ за 2013 г. // Международный научно-технический центр: интернет-сайт. 2015. 11 марта. С. 6–9. URL: [http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/va_WebResources/Annual_Reports_RUS/\\$file/AnnualReport2013_Rus.pdf](http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/va_WebResources/Annual_Reports_RUS/$file/AnnualReport2013_Rus.pdf) (Дата обращения: 11.03.2015).

³ Там же.

Развивая сотрудничество с США в части нераспространения, Казахстан старается попутно решать собственные задачи. Известно, что для местного истеблишмента немаловажным всегда был и остается вопрос повышения собственного авторитета на мировой арене. Преимущественно с этой целью в апреле 2009 г. во время переговоров с иранским лидером М. Ахмадинежадом президент РК Н. Назарбаев выдвинул предложение разместить в республике международный банк ядерного топлива (МБЯТ). Генеральный директор ТОО «Институт высоких технологий» (дочерней компании АО НАК «Казатомпром») С. Кожаметов сравнил проект с красивой посудой, которая покупается в тот момент, когда «есть что покусать и что поставить на стол»¹.

Идея создания МБЯТ обсуждается с 50-х годов прошлого века и состоит в том, чтобы сформировать под эгидой Международного агентства по атомной энергии хранилище с гарантированным запасом низкообогащенного урана для атомных реакторов, куда за ним смогли бы обращаться страны, желающие развивать мирную атомную энергетику, но не обладающие технологией обогащения. Схема должна снизить их стремление к самостоятельному овладению методикой обогащения, которая может быть использована для производства оружейных ядерных материалов.

В нынешнем виде проект МБЯТ был предложен в сентябре 2006 г. американской некоммерческой организацией Nuclear Threat Initiative (NTI), возглавляемой бывшим сенатором С. Нанном – одним из инициаторов программы СУУ. В 2006–2007 гг. на его финансирование были зарезервированы 100 млн долл., половину из которых согласился выделить известный американский инвестор У. Баффетт, половину – правительство США². Впоследствии к программе присоединились Норвегия, Объединенные Арабские Эмираты, страны Евросоюза и Кувейт, доведя ее обеспечение до 150 млн долл., которые должны пойти на закупку низкообогащен-

¹ Международный банк ядерного топлива в Казахстане экономически нецелесообразен // Tengrinews: интернет-сайт. 2012. 19 июня. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mejdunarodnyiy-bank-yadernogo-topliva-kazahstane-216153/ (Дата обращения: 12.03.2015.)

² International Nuclear Fuel Bank // Nuclear Threat Initiative : website. 2015. March 12. URL: <http://www.nti.org/about/projects/international-nuclear-fuel-bank/> (Дата обращения: 12.03.2015); Norway pledges support for international nuclear fuel bank // World Nuclear News: website. 2008. February 29. URL: http://www.world-nuclear-news.org/NP/Norway_pledges_support_for_international_nuclear_fuel_bank_2900208.html (Дата обращения: 12.03.2015.)

ного урана и оборудование хранилища. В качестве возможных депозитариев «ядерного банка» рассматривались разные страны, но в 2011 г. администрация президента Б. Обамы, провозгласившая снижение ядерной угрозы одним из приоритетов своей внешней политики, публично поддержала заявку Казахстана¹.

Астана предложила оборудовать хранилище вместимостью от 60 до 90 т НОУ на Ульбинском металлургическом заводе², откуда находящийся под контролем и в собственности МАГАТЭ гексафторид урана, являющийся исходным сырьем для производства ядерного топлива, мог бы выделяться по запросам третьих стран. В частности, как рассчитывают в NTI, его услугами могли бы пользоваться Иран и Украина в случае перебоев поставок из России³.

Реализация идеи, однако, затянулась, и к началу 2015 г. Казахстану и МАГАТЭ не удалось согласовать текст договора по МБЯТ. Проект столкнулся с такими трудностями, как расположение будущей площадки в сейсмоопасном районе, экологические протесты в Казахстане и неопределенность с финансированием в связи с обнаружившимся противодействием в Конгрессе США⁴. Кроме того, коммерческую и политическую конкуренцию ему составил созданный Россией гарантийный запас НОУ на базе Международного центра по обогащению урана в Ангарске. Последний функционирует с ноября 2010 г., когда на склады Ангарского электролизного химического комбината было загружено 120 т гек-

¹ США поддерживают размещение банка ядерного топлива на территории Казахстана // Российское атомное общество : интернет-сайт. 2011. 28 января. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2011/01/29/18131> (Дата обращения: 12.03.2015.)

² Карсыбеков Е. В Казахстане приступили к созданию банка ядерного топлива / Ерден Карсыбеков // Радио Азаттык: интернет-сайт. 2012. 1 июня. URL: <http://rus.azattyq.org/content/nuclear-fuel-bank-umz-ust-kamenogorsk-kazatomprom/24597753.html> (Дата обращения: 12.03.2015.); Шиманская П. Зачем Казахстану банк ядерного топлива? / Полина Шиманская // Капитал.kz : интернет-сайт. 2014. 27 мая. URL: <http://kapital.kz/gosudarstvo/30333/zachem-kazahstanu-bank-yadernogo-topлива.html> (Дата обращения: 12.03.2015.)

³ Nunn S. Open a Nuclear Fuel Bank / Sam Nunn // Nuclear Threat Initiative : website. 2014. July 11. URL: <http://www.nti.org/analysis/opinions/open-nuclear-fuel-bank/> (Дата обращения: 12.03.2015.)

⁴ Екей М. Конгресс США сомневается в проекте банка ядерного топлива / Мухтар Екей // Радио Азаттык: интернет-сайт. 2013. 26 июня. URL: <http://rus.azattyq.org/content/bank-yadernogo-topлива-v-kazakhstan/25028762.html> (Дата обращения: 12.03.2015.)

сафторида урана для МАГАТЭ. В соответствии с соглашением между Правительством РФ и Агентством Центр будет поставлять материал по запросу генерального директора МАГАТЭ стране, испытывающей перебои в поставках топлива по политическим мотивам¹. Вместе с тем Российская Федерация не возражает против организации подобных банков в других странах, в том числе в Казахстане, и более того – официально выступает за расширение глобальной сети международных центров по предоставлению услуг ядерного топливного цикла, включая обогащение, под контролем МАГАТЭ и на основе недискриминационного доступа².

«Парадоксы» американской позиции

Важной чертой подхода США к региональным проблемам является приоритет собственных национальных интересов, как они понимаются в Белом доме и на Капитолийском холме. Отсюда отдельные шаги Вашингтона, которые на первый взгляд кажутся непоследовательными, при более детальном прочтении оказываются подчиненными строгой логике. Вряд ли стоит удивляться тому, что, поддержав ядерную демилитаризацию Казахстана и присоединение всех стран ЦА к ДНЯО, Соединенные Штаты одновременно блокируют ряд разоруженческих инициатив, в которых усматривают вызовы для своего доминирующего положения.

Так, Вашингтон отказывается ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), открытый ООН для подписания еще в сентябре 1996 г. Конвенция должна стать прорывом в регулировании вопросов мировой ядерной безопасности, поскольку накладывает международный запрет на натурные ядерные взрывы (подземные ядерные испытания), без которых создание ядерного заряда для конкретной системы доставки практически невозможно. Противники ДВЗЯИ в Соединенных Штатах ссылаются на необходимость испытаний для под-

¹ Банк топлива // Международный центр по обогащению урана : интернет-сайт. 2015. 13 марта. URL: http://www.iuec.ru/activities/fuel_bank/ (Дата обращения: 13.03.2015.)

² Заявление Президента Российской Федерации В. Путина «По мирному использованию атомной энергии» в ходе саммита стран Евразийского экономического сообщества в Санкт-Петербурге 25 января 2006 г. // Президент России: офиц. интернет-сайт. 2006. 25 января. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/25/1624_type63374_100662.shtml (Дата обращения: 13.03.2015.)

держания боеготовности стареющего ядерного арсенала¹. К слову, по данным ООН, США – лидер по количеству проведенных в мире тестов (1032 из примерно 2 тыс. взрывов в период с 1945 по 1992 г.)². В конечном итоге позиция Белого дома препятствует вступлению соглашения в силу и созданию тем самым эффективного инструментария в данной, весьма важной сфере межгосударственных отношений³. Россия и страны Центральной Азии (включая Казахстан, где испытывалась основная часть советского ядерного оружия) ратифицировали ДВЗЯИ к 2003 г.

Показательно и отношение Белого дома к зоне, свободной от ядерного оружия (ЗСЯО), в Центральной Азии. В сентябре 2006 г. в Семипалатинске между Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией и Туркменистаном подписан договор, по которому государства региона отказывались от обладания ядерным оружием в любых формах и объявляли о создании пятой в мире и первой в Северном полушарии безъядерной зоны. Сама инициатива принадлежала президенту Узбекистана И. Каримову, озвучившему ее на 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1993 г. Однако представители США приняли Семипалатинский договор негативно и заняли в его отношении позицию, которая шла вразрез с их собственными прежними усилиями по ликвидации ОМУ. В 2005–2006 гг. Вашингтон пытался заблокировать подписание соглашения, оказывая давление на высокопоставленных должностных лиц ООН⁴. А после его вступления в силу в 2009 г. (наряду с Францией и Великобританией) отказался давать традиционные в таком случае гарантии члена «ядерной пятерки» по неприменению ядерного оружия против участников новой ЗСЯО.

¹ Микеров В. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: на пути к миру без ядерного оружия / Микеров Вячеслав // РИА Новости : информ. агентство. 2011. 20 октября. URL: <http://ria.ru/online/20111020/465443295.html> (Дата обращения: 31.03.2015.)

² Прекращение ядерных испытаний // Организация Объединенных Наций : интернет-сайт. 2015. 31 марта. URL: <http://www.un.org/ru/events/againstnucleartestsday/history.shtml#a33> (Дата обращения: 31.03.2015.)

³ См. подробнее об этом: Новиков В.Е. Международный режим нераспространения ядерного оружия в преддверии Обзорной конференции 2015 г. по рассмотрению действия ДНЯО / В.Е. Новиков // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 2. С. 121–142.

⁴ Parrish S., Potter W. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite U.S. Opposition: CNS Research Story / Scott Parrish, William Potter // James Martin Center for Nonproliferation Studies: website. 2006. September 5. URL: <http://cns.miiis.edu/stories/060905.htm> (Дата обращения: 11.03.2015.)

Западные державы возражали против того, что республики ЦА, среди которых Казахстан, Киргизия и Таджикистан, являются действующими членами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), сохраняли по соглашению о ЗСЯО право транзита через свои границы ядерного оружия, в особенности российского. Юридически это позволяет России применить перемещаемые ракеты с территорий центральноазиатских участников ОДКБ в рамках выполнения обязательств по коллективной обороне от внешней агрессии¹. По существу, претензии американской стороны, исходившей из необходимости пересмотра в связи с ЗСЯО прежних договоренностей по ОДКБ, были нацелены на ослабление Организации, в которой главную роль играла Москва. К тому же они во многом носили характер двойных стандартов, поскольку на практике право транзита сохраняли за собой участники и других, созданных ранее ЗСЯО (в Африке и Южной Америке). После затянувшихся переговоров протокол о гарантиях безопасности участникам центральноазиатской безъядерной зоны все же был подписан ядерными державами (Великобританией, Китаем, Россией, США и Францией) 6 мая 2014 г. в Нью-Йорке. Однако произошедшее еще раз подтвердило тезис о том, что «уменьшение угрозы» – не самоцель американской политики, а средство к сохранению глобального лидерства.

* * *

Таким образом, последствия американского вмешательства в процесс ядерной демилитаризации Казахстана нельзя назвать однозначными. Соединенные Штаты поддержали перемещение четвертого в мире ракетно-ядерного потенциала из Казахстана в Россию с последующей ликвидацией оставшейся инфраструктуры, что имело общий позитивный эффект для глобальной и региональной безопасности. Одновременно Белый дом не допустил его передачу новым независимым государствам, сопряженную с утратой контроля над распространением ОМУ, или преобразование таких объектов, как аэропорт Чаган для стратегической авиации, в зарубежные базы РФ, что в будущем могло ускорить процесс реставрации геополитического влияния Москвы в регионе.

¹ Михайлов В. Безъядерная зона в Евразии / Виктор Михайлов // Независимое военное обозрение: интернет-сайт. 2009. 17 апреля. URL: http://nvo.ng.ru/conscepts/2009-04-17/6_eurazia.html (Дата обращения: 11.03.2015.)

Финансирование проектов в области нераспространения обеспечило дипломатический «прорыв» США в ЦА, сыграв наиболее важную роль именно в отношениях с Астаной. *Все без исключения инициативы Соединенных Штатов сопровождалось и сопровождаются внешней риторикой о важности глобального разоружения, хотя в действительности Вашингтон подходит к ним крайне избирательно, с учетом собственных национальных интересов.*

Как показала практика, самыми успешными стали проекты, реализованные в сотрудничестве с Россией. Общими усилиями удалось не допустить неконтролируемого распространения за пределы региона технологий и материалов, имеющих ценность для создания ЯО, а также обеспечить исполнение странами ЦА международных обязательств в части ликвидации военной ядерно-химической инфраструктуры. Безусловным достижением было сохранение контроля России над ядерным потенциалом СССР в условиях распада страны. Вместе с тем все последствия соглашений по «уменьшению угрозы» изначально не были до конца критически оценены руководством РФ и центральноазиатских республик, принявших их на условиях, позволяющих использовать СУУ для прикрытия разведывательной, подрывной и иной незаявленной деятельности¹.

Для Соединенных Штатов, по признанию вовлеченных представителей Пентагона, таких как замминистра обороны США Э.Л. Уорнер (в конце 90-х годов), стратегия оказалась крайне успешной². Затраты на нее в общем объеме военных расходов США были незначительны и намного меньше тех сумм, которых потребовало бы противодействие ликвидированному военному потенциалу. Из резервируемых в бюджете США ассигнований в действительности до стран-реципиентов в виде конкретного оборудования и услуг, по оценкам, доходило не более 40%³. Деньги выделялись не напрямую, а распределялись преимущественно в виде заказов среди крупных американских оборонных, строительных и консалтинговых компаний (Lockheed Martin, AECOM,

¹ У Российской Федерации в тот период не было реального выбора. – Прим. ред.

² Семин В. Программа Совместного уменьшения угрозы имеет потенциал дальнейшего развития / Валерий Семин // Научные записки ПИР-центра. 2000. № 13. С. 11.

³ Семин В. Указ. соч. – С. 10.

Bechtel, Black & Veatch, Parsons) и их субподрядчиков, т.е. работали в интересах экономики и военно-промышленного комплекса США. Помощь, к слову сказать, зачастую увязывалась с требованиями политического характера, в частности об ограничении сотрудничества с Ираном.

Даже в этих условиях американские инициативы приветствовались центральноазиатскими правительствами, поскольку перекладывали существенное бремя расходов по принятым международным обязательствам на иностранный бюджет. Негативным итогом стало то, что в ходе настойчивых американских усилий по демонтажу советского «наследия» были безвозвратно утрачены многие передовые для своего времени производства, доставшиеся региону от ВПК СССР.

Внедрение поставленного из США оборудования и компьютерной техники создало риски того, что сейчас в критической промышленной и военной инфраструктуре некоторых республик ЦА может функционировать иностранная аппаратура с замаскированными математическими кодами и техническими средствами для дистанционного снятия информации или вывода из строя материальной базы. В отличие от России, где американская помощь проходила предварительную специальную проверку, возможности республик ЦА в этом отношении всегда были более ограниченными.

Другой аспект – беспрецедентное раскрытие данных о военных возможностях стран ОДКБ. Под прикрытием грантов Международного научно-технического центра, инспекционных поездок в рамках СУУ и других подобных механизмов представители Соединенных Штатов получили легальную возможность для развития контактов в военных и научных кругах ЦА и получения обширной информации об оборонном потенциале государств региона. Также в руки американских военно-технических специалистов попали сведения и образцы, чувствительные для российского оборонно-промышленного комплекса (об изотопном составе ядерных оружейных материалов, конструкциях ШПУ и т.п.).

Наконец, в своих практических шагах американские военные исходили из необходимости уничтожения как можно большего количества эффективных образцов вооружений и военной техники на месте, в результате чего Российские Вооруженные силы, в частности, не досчитались большого количества стратегических бомбардировщиков ТУ-95МС и ТУ-160, на которые претендовали после распада СССР.

В настоящее время, несмотря на практически полное достижение первоначально заявленных целей по ликвидации инфраструктуры советского ОМУ в ЦА (один из последних крупных проектов в этой области – консервация Семипалатинского испытательного полигона – завершен в 2012 г.), Вашингтон не только продлил действие своих программ, подведя под них новые задачи, но и наращивает финансирование их отдельных статей. В связи с этим можно прогнозировать следующее.

Во-первых, в условиях обострения геополитического противостояния России и США и по мере окончания совместных работ (в частности, по переводу исследовательских реакторов на НОУ), значение Москвы как партнера в сфере нераспространения в ЦА для Вашингтона будет падать, взаимное недоверие – расти, а приоритет отдаваться двусторонним отношениям с центральноазиатскими республиками без участия РФ. При этом если Россия с июня 2013 г. резко ограничила сотрудничество с США в области «уменьшения угрозы» на своей территории¹, то в Центрально-Азиатском регионе по некоторым направлениям имеет место противоположная тенденция. Повышенная активность особенно заметна как раз в Казахстане, куда в 2014 г. западными донорами из Москвы перенесена штаб-квартира МНТЦ.

Во-вторых, к новым условиям адаптируется содержание проектов СУУ. Их продолжение при администрации Б. Обамы формально обосновывается необходимостью пресечения попыток террористических организаций и враждебных США режимов получить технологии и материалы ОМУ. Но скорректированы они таким образом, что могут быть использованы у границ России для проведения научной, испытательной, разведывательной и иной деятельности в текущих интересах оборонной науки и промышленности США. В новых проектах акцент смещен с ядерной на биологическую составляющую (*Cooperative Biological Engage-*

¹ В июне 2013 г. истек срок действия «зонтичного меморандума», на основании которого с 1992 г. в России осуществлялась программа СУУ. В условиях роста собственного финансирования армии, а также международного престижа российская сторона отказалась продлевать соглашение на прежних дискриминационных условиях. 17 июня 2013 г. на полях саммита G8 президенты Б. Обама и В. Путин договорились продолжить сотрудничество, но в сильно урезанном формате: согласно новому двустороннему протоколу, из числа участников американских программ исключается МО РФ, ограничивается доступ иностранных инспекторов на российские стратегические объекты, вводится ответственность за ушиб, причиненный иностранными подрядчиками.

ment), доля которой в общих затратах Пентагона на СУУ увеличилась с 10% в конце 90-х годов до 60% в бюджетном запросе на 2015 г.¹ В ЦА это нашло отражение в виде строительства сети биологических станций и центральной референс-лаборатории в Алма-Ате. Объекты не подлежат контролю международных наблюдателей и, следовательно, могут использоваться как для мирных, так и военных биологических разработок, способных дать принципиальное преимущество при создании новых поколений «избирательного» биологического оружия². Впрочем, это тема отдельного исследования.

Важно и то, что расширяется география проектов по «уменьшению угрозы». С 2004 г. Соединенные Штаты придали им глобальный характер, распространив за пределы СНГ сперва на Албанию, затем на Ирак, Ливию и Сирию. Рассматривается возможность их использования в других странах Северной Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, большинство из которых ОМУ никогда не владели и не разрабатывали³. В частности, Пентагон эксплуатирует, создает или планирует построить биологические лаборатории в Афганистане, Пакистане, Кении, Уганде, Танзании, Лаосе, Камбодже и Вьетнаме⁴. В названных странах, а также в Индонезии, Йемене и Египте распределяются гранты для военных ученых, часть из которых впоследствии выезжает на работу в Соединенные Штаты.

По всему видно, что сегодня «Совместное сокращение угрозы» – это программа принципиально отличная от той, что была инициирована в начале 90-х годов. *Ее продолжение в модифицированном виде порождает комплекс потенциальных вызовов национальной безопасности России, ее союзников, а также Китая и Ирана.* Признавая ее положительную роль на этапе после распада

¹ Nikitin M. B. D., Woolf A. F. Op. cit. – P. 37.

² Интересно, что действующий глава Белого дома в бытность сенатором занимался продвижением СУУ. В августе 2005 г. он совместно с Р. Лугаром совершил турне по постсоветским странам, включавшее Россию, Украину и Азербайджан. В ходе поездки, которая для будущего президента США стала первым международным визитом такого уровня, Б. Обама посетил Центральную СЭС в Киеве, а в Азербайджане принял участие в переговорах о передаче образцов местной коллекции штаммов (более 60 наименований) в США. Заняв Овальный кабинет, 44-й президент США поддержал расширение биологического компонента СУУ.

³ Nikitin M. B. D., Woolf A. F. Op. cit. – Summary. – P. 6, 9, 37.

⁴ Ibid. – P. 41.

СССР в части ликвидации инфраструктуры ОМУ, в современных реалиях для государств региона представляется целесообразным сформулировать собственную «автономную» политику нераспространения в рамках ОДКБ, ШОС, центральноазиатской ЗСЯО и других региональных структур, выработать в сотрудничестве с ООН соответствующую нормативно-правовую базу и контрольные механизмы.

Литература

1. *Алиев Р.* Крестный тесть. Документальная повесть / Рахат Алиев. – Berlin: Literaturverlag, 2009. – С. 275–291.
2. Банк топлива // Международный центр по обогащению урана: интернет-сайт. – 2015. – 13 марта. URL: http://www.iuec.ru/activities/fuel_bank/ (Дата обращения: 13.03.2015.)
3. *Большинский И. и др.* Вывоз ОЯТ из Казахстана: первый этап / И. Большинский, Д. Томас, П. Чакров, Д. Накипов, С. Комаров, Р. Кудояров // Российское атомное общество: интернет-сайт. – 2011. – 30 мая. URL: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2011/05/30/22716> (Дата обращения: 13.03.2015.)
4. Годовой отчет МНТЦ за 2013 г. // Международный научно-технический центр: интернет-сайт. – 2015. – 11 марта – 24 с. URL: [http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/va_WebResources/Annual_Reports_RUS/\\$file/AnnualReport2013Rus.pdf](http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/va_WebResources/Annual_Reports_RUS/$file/AnnualReport2013Rus.pdf) (Дата обращения: 11.03.2015.)
5. *Екей М.* Конгресс США сомневается в проекте банка ядерного топлива / Мухтар Екей // Радио Азаттык: интернет-сайт. – 2013. – 26 июня. URL: <http://rus.azattyq.org/content/bank-yadernogo-topliva-v-kazahstane/25028762.html> (Дата обращения: 12.03.2015.)
6. *Захаров В.М.* Военное строительство в государствах постсоветского пространства / В.М. Захаров. – М.: РИСИ, 2011. – 380 с.
7. Заявление Президента Российской Федерации В. Путина «По мирному использованию атомной энергии» в ходе саммита стран Евразийского экономического сообщества в Санкт-Петербурге 25 января 2006 г. // Президент России: офиц. интернет-сайт. – 2006. – 25 января. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/01/25/1624_type63374_100662.shtml (Дата обращения: 13.03.2015.)
8. Казахстан и США отмечают 20-летие программы «Совместное сокращение угрозы» // Meta.kz: интернет-сайт. – 2012. – 19 декабря. URL: <http://www.meta.kz/novosti/kazakhstan/761610-kazahstan-i-ssha-otmechayut-20-letie-programmy-sovmestnoesokraschenieugrozy.html> (Дата обращения: 30.03.2015.)
9. Карсыбеков Е. В Казахстане приступили к созданию банка ядерного топлива / Ерден Карсыбеков // Радио Азаттык: интернет-сайт. – 2012. – 1 июня. URL: <http://rus.azattyq.org/content/nuclear-fuel-bank-umz-ust-kamenogorsk-kazatomprom/24597753.html> (Дата обращения: 12.03.2015.)
10. Козичев Е. Как работала программа Нанна–Лугара. История вопроса / Евгений Козичев // Коммерсантъ. – 2012. – 10 октября. – № 190. – С. 7.

11. Куртов А. А. Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация / А.А. Куртов. – М., 2001. – С. 85–162.
12. Куртов А.А. Партии Казахстана и особенности развития политического процесса в республике / А.А. Куртов // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития. – М.: РИСИ, 1995. – С. 214–220.
13. Лаумулин М. Казахстан и Запад: ретроспектива отношений в 1990-е гг. / Мурат Лаумулин // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. – № 2 (8). – С. 50–79.
14. Лоскутов В. Как Россия подменила новые казахстанские Ту-95МС на свои старые Ту-95К (история) / Владимир Лоскутов // Военно-промышленный курьер. – 2007. – 4–10 июля. – № 25 (191). – С. 12.
15. Маслин Е. Программа Совместного уменьшения угрозы и интересы национальной безопасности России / Евгений Маслин // Научные записки ПИР-центра. – 2000. – № 13. – С. 5–9.
16. Международный банк ядерного топлива в Казахстане экономически нецелесообразен // Tengrinews: интернет-сайт. – 2012. – 19 июня. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/mejdunarodnyiy-bank-yadernogo-topliva-kazahstane-216153/ (Дата обращения: 12.03.2015.)
17. Микеров В. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний: на пути к миру без ядерного оружия / Микеров Вячеслав // РИА Новости : информ. агентство. – 2011. – 20 октября. URL: <http://ria.ru/online/20111020/465443295.html> (Дата обращения: 31.03.2015.)
18. Миршеймер Д. Ядерное оружие на Украине / Д. Миршеймер ; Foreign Affairs ; ИТАР-ТАСС // Компас. – 1993. – 11 августа. – № 133. – С. 3–17.
19. Михайлов А. Стратегический бомбардировщик «Медведь» оставили на службе / Алексей Михайлов // Известия: интернет-сайт. – 2012. – 20 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/535601> (Дата обращения: 10.04.2015.)
20. Михайлов В. Безъядерная зона в Евразии / Виктор Михайлов // Независимое военное обозрение: интернет-сайт. – 2009. – 17 апреля. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2009-04-17/6_eurazia.html (Дата обращения: 11.03.2015.)
21. Николайчук И.А. Ядерная политика США / И.А. Николайчук // США в новом мире: пределы могущества. – М.: РИСИ, 1997. – С. 217–256.
22. Новиков В.Е. Международный режим нераспространения ядерного оружия в преддверии Обзорной конференции 2015 г. по рассмотрению действия ДНЯО / В.Е. Новиков // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 2. – С. 21–142.
23. Новиков В.Е. О подходе Украины к проблеме ядерного оружия / В.Е. Новиков // Украина: вектор перемен / Под. ред. Кожокина Е.М. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 66–82.
24. Панин Л. Казахстан продал истребители Северной Корее / Леонид Панин // Коммерсантъ. – 1999. – 14 сентября. – № 166. – С. 2.
25. Прекращение ядерных испытаний // Организация Объединенных Наций: интернет-сайт. – 2015. – 31 марта. URL: <http://www.un.org/ru/events/againstnuclearstestsday/history.shtml#a33> (Дата обращения: 31.03.2015.)
26. Северная Корея не соглашается вернуть Казахстану самолеты // Лента.ру: интернет-сайт. – 1999. – 23 сентября. URL: <http://lenta.ru/world/1999/09/23/mig21> (Дата обращения: 10.03.2015.)

27. Сёмин В. Программа Совместного уменьшения угрозы имеет потенциал дальнейшего развития / Валерий Сёмин // Научные записки ПИР-центра. – 2000. – № 13. – С. 10–13.
28. Статья П. Соглашения об учреждении Международного научно-исследовательского центра от 27 ноября 1992 г. // Международный научно-технический центр: интернет-сайт. – 2015. – 11 марта. URL: http://www.istc.ru/istc/istc.nsf/val_webpages/StatutoryDocumentsAgreeEstabRus (Дата обращения: 11.03.2015.)
29. США поддерживают размещение банка ядерного топлива на территории Казахстана // Российское атомное общество : интернет-сайт. – 2011. – 28 января. URL:<http://www.atomic-energy.ru/news/2011/01/29/18131> (Дата обращения: 12.03.2015.)
30. Тищенко Г. Г. и др. Оборонный потенциал Казахстана // Казахстан: реалии и перспективы независимого развития / Г.Г. Тищенко, А.Г. Оношко, А.А. Макунин, А.Т. Волков. – М.: РИСИ, 1995. – С. 115–168.
31. Украина передала России последние два самолета в счет своего долга // Lenta.ru: интернет-сайт. – 2000. – 23 февраля. URL: <http://lenta.ru/economy/2000/02/22/samolety/> (Дата обращения: 12.04.2015.)
32. Хайрюзов В. Н. Воздушный меч России / Хайрюзов В.Н. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 219 с.
33. Черненко Е. Счета Нанна–Лугара отправят в Минфин РФ / Елена Черненко / Коммерсантъ. – 2012. – 17 октября. – № 195. – С. 7.
34. Шиманская П. Зачем Казахстану банк ядерного топлива? / Полина Шиманская // Капитал.kz: интернет-сайт. – 2014. – 27 мая. URL: <http://kapital.kz/gosudarstvo/30333/zachem-kazahstanu-bank-yadernogo-topliva.html> (Дата обращения: 12.03.2015.)
35. Ядерный фактор в современном мире / под ред. В.И. Кривохижи. – М.: РИСИ, 1996. – 211 с.
36. Barry E. Old Soviet nuclear site in Asia has unlikely sentinel: The U.S. / Ellen Barry // The New York Times : website. – 2011. – May 21. URL: <http://www.nytimes.com/2011/05/22/world/asia/22kazakhstan.html> (Дата обращения: 13.03.2015.)
37. Cooperative Threat Reduction Status // Federation of American Scientists: website. – 1999. – December 12. URL: <http://fas.org/nuke/control/СУУ/status.htm> (Дата обращения: 30.03.2015.)
38. Gordon M. R. Months of delicate talks in Kazakhstan atom deal / Michael R. Gordon // The New York Times: website. – 1994. – November 24. URL: <http://www.nytimes.com/1994/11/24/world/months-of-delicate-talks-in-kazakhstan-atom-deal.html?pagewanted=2> (Дата обращения: 10.03.2015.)
39. Gordon M. R. U.S., in a secret deal, removes bomb fuel in Ex-Soviet Republic /Michael R. Gordon // The New York Times : website. – 1994. – November 23. URL:<http://www.nytimes.com/1994/11/23/world/us-in-a-secret-deal-removes-bomb-fuelinex-soviet-republic.html> (Дата обращения: 10.03.2015.)
40. Harrell E., Hoffman D. E. Plutonium Mountain: Inside the 17-year mission to secure a dangerous legacy of Soviet nuclear testing / Eben Harrell, David E. Hoffman; Harvard Univ., Belfer Center for Science and International Affairs. – 2013. – August. – 40 p.

41. Hoffman D.E. How U.S. removed half a ton of uranium from Kazakhstan / David E. Hoffman // The Washington Post: website. – 2009. – September 21. URL: http://www.washingtonpost.com/wpyn/content/article/2009/09/20/AR2009092002881_2.html?sid=ST2009092002315 (Дата обращения: 14.03.2015.)
42. International Nuclear Fuel Bank // Nuclear Threat Initiative: website. – 2015. – March 12. URL: <http://www.nti.org/about/projects/international-nuclear-fuel-bank/> (Дата обращения: 12.03.2015.)
43. Kazakhstan: a key partner on Non-Proliferation: Cable № 09ASTANA1541 // WikiLeaks: website. – 2009. – September 18. URL: <http://wikileaks.ch/cable/2009/09/09ASTANA1541.html> (Дата обращения: 10.03.2015.)
44. Kazakhstan: Scen setter for Centcom Commander General Petraeus: Cable № 10ASTANA251 // WikiLeaks : website. – 2010. – February 22. URL: <http://www.wikileaks.ch/cable/2010/02/10ASTANA251.html> (Дата обращения: 10.03.2015.)
45. Lockwood D. Getting down to business / Dunbar Lockwood // Bulletin of the Atomic Scientists. – 1995. – January-February. – Vol. 51, № 1. – P. 12–13.
46. National Security Strategy // The White House: website. – Washington, 2010. – May. 52 p. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_jewer/national_security_strategy.pdf (Дата обращения: 31.03.2015.)
47. National strategy to combat weapons of mass destruction // The White House : website. – Washington, 2002. – December. – P. 1. URL: <http://fas.org/irp/ffdocs/spd/spd-wmd.pdf> (Дата обращения: 31.03.2015.)
48. Nichol J. Kazakhstan: Recent developments and U.S. interests / Jim Nichol: Congressional Research Service Report for Congress. – 2013. – July 22. – 25 p.
49. Nikitin M. B. D., Woolf A. F. The evolution of cooperative threat reduction: Issues for Congress: Congressional Research Service Report for Congress / Mary Beth D. Nikitin, Amy F. Woolf. – 2014. – June 13. – 52 p.
50. Norway pledges support for international nuclear fuel bank // World Nuclear News: website. – 2008. – February 29. URL: http://www.world-nuclear-news.org/NP/Norway_pledges_support_for_international_nuclear_fuel_bank_2900208.html (Дата обращения: 12.03.2015.)
51. Nunn S. Open a Nuclear Fuel Bank / Sam Nunn // Nuclear Threat Initiative: website. – 2014. – July 11. URL: <http://www.nti.org/analysis/opinions/open-nuclearfuelbank/> (Дата обращения: 12.03.2015.)
52. Parrish S., Potter W. Central Asian States Establish Nuclear-Weapon-Free-Zone Despite U.S. Opposition : CNS Research Story / Scott Parrish, William Potter // James Martin Center for Nonproliferation Studies: website. – 2006. – September 5. URL: <http://cns.miis.edu/stories/060905.htm> (Дата обращения: 11.03.2015.)
53. Pifer S. The Trilateral Process: the United States, Ukraine, Russia and Nuclear Weapons / Steven Pifer // Foreign Policy at Brookings. – 2011. – May. – 43 p.
54. Potter W.C. The politics of nuclear renunciation: The cases of Belarus, Kazakhstan and Ukraine / William C. Potter // The Henry L. Stimson Center Occasional Paper. – 1995. – April. – № 22. – 52 p.
55. Sary Shagan and Kyshtym: A Visit to Soviet Nuclear Facilities // Science and Global Security. – 1989. – Vol. 1, № 1–2. – P. 165–174.

56. Schweizer P. Victory: The Reagan Administration's Secret strategy that hastened the collapse of the Soviet Union / Peter Schweizer. – New York: The Atlantic Monthly Press, 1995. – 304 p.
57. Sholk D. The Denuclearization of Kazakhstan (1991–1995) / Dena Sholk; The Institute for the Study of Diplomacy. The Georgetown University. – 2013. – April 30. – 40 p.
58. Shuster M. Kazakhstan completes move, storage of nuclear stash / Mike Shuster// NPR: website. – 2010. – November 16. URL: <http://www.npr.org/2010/11/16/131360974/kazakhstan-completes-move-storage-of-nuclear-stash> (Дата обращения: 13.03.2015.)
59. Weiss G. W. The Farewell Dossier / Gus W. Weiss // CIA : website. – 2008. – June 27. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/96unclass/farewell.htm> (Дата обращения: 10.04.2015.)

*«Проблемы национальной стратегии»,
М., 2015 г., № 4 (31), с. 92–113.*

Е. Ионова,

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник Сектора «Россия и новые государства
Евразии» (ИМЭМО РАН)

ОБ УГРОЗЕ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Уровень террористической опасности в странах Центральной Азии был высок на протяжении всех постсоветских лет. В значительной степени это обусловлено факторами внутреннего порядка – низким уровнем социально-экономического развития общества, создающим почву для возникновения радикального исламизма, этнонационального сепаратизма, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и оружия, нелегальной миграции; клановой борьбой, нередко использующей политический экстремизм в собственных целях; недостаточным развитием религиозного и культурного самосознания. Положение усугубляется близостью к очагам международной исламистской угрозы.

С ухудшением обстановки в соседнем Афганистане, созданием и расползанием нового террористического объединения – Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), запрещенного в России, регион превращается в зону повышенной террористической угрозы. Между тем в силу своего географического положения постсоветская Центральная Азия является важным звеном в обеспечении глобальной безопасности, при этом очевидно то

особое значение, которое имеет сохранение мира и стабильности в регионе для его ближайшего соседа – России.

Долгое время на территории ЦА действовала экстремистская группировка «Исламское движение Узбекистана». ИДУ преследовало цель отделения Ферганской долины от Узбекистана, Киргизстана и Таджикистана и образования на ее территории отдельного государства, которое, по замыслу, должно войти в состав Всемирного исламского халифата, включающего весь Ближний Восток и Кавказ¹. Как известно, Ферганская долина представляет собой густонаселенный район с высоким уровнем безработицы, что делает ее территорией, удобной для деятельности радикальных организаций и вербовки новых участников.

ИДУ обвиняется во многих терактах в Узбекистане, а также во вторжении вооруженных отрядов в Киргизстан и Узбекистан. Отряды ИДУ принимали участие в гражданской войне в Таджикистане на стороне Объединенной таджикской оппозиции, а после перемирия большая их часть переместилась в Афганистан. В Афганистане ИДУ совместно с «Талибаном» воевало против сил коалиции. По свидетельству источников, после того как боевиков ИДУ оттеснили на границу Пакистана и Афганистана, они вступили в контакт с «Аль-Каидой»². В последние годы, как отмечают эксперты, организация переживает раскол, на ее базе возникают новые террористические организации, в том числе «Исламский джихад» (2002). А в августе 2015 г. ИДУ примкнуло к ИГИЛ³. Перетекание одних террористических объединений в другие не меняет сути проблемы – значительного усиления глобальной террористической угрозы, в эпицентре которой может оказаться постсоветская Центральная Азия.

Новые вызовы создает скопление формирований боевиков на границе Афганистана с Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Обострение ситуации в Афганистане вблизи южных рубежей СНГ было зафиксировано еще в конце апреля 2015 г., когда талибы объявили о начале весеннего наступления на правительственные силы. Дальнейшая эскалация внутриафганского конфликта была связана с захватом боевиками г. Кундуз, расположенного в 70 км от таджикской границы. В связи с этим с 1 октября пограничные войска Таджикистана были приведены в

¹ <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>

² <http://www.agentura.ru/press/about/jointprojects/ej/newthreat>

³ <http://nk.org/ua/geopolitika/ugroza-terrorizma-v-tsentralnoy-azii-26229>

полную боевую готовность. На состоявшейся вскоре после этого двусторонней встрече президентов Таджикистана и России с таджикской стороны была выражена обеспокоенность ухудшающейся с каждым днем ситуацией в Афганистане. По словам президента Э. Рахмона, боевые действия идут на протяжении 60% таджико-афганской границы. Подчеркнув, что эта граница находится в зоне ответственности ОДКБ, он поставил вопрос об обеспечении организацией безопасности в регионе¹.

В 2015 г. регулярно поступали сообщения об ожесточенных боевых столкновениях талибов с правительственными войсками в граничащих с Туркменистаном провинциях Герат и Бадгис. При этом отмечалось многократное превосходство сил талибов. Интенсивные бои в этих провинциях в конце мая привели к увеличению потока афганских беженцев в направлении границы с Туркменистаном. Однако туркменские пограничники не впустили их в страну из-за опасения атаки талибов. В начале июля «Хроника Туркменистана» сообщила о гибели 12 пограничников на туркмено-афганской границе². Осенью 2015 г. в связи с новым наступлением талибов на севере Афганистана туркменские войска также перешли в режим постоянной боевой готовности. Была объявлена мобилизация офицеров и рядовых запаса, произведена передислокация боевой техники, в результате которой вдоль туркмено-афганской границы было сконцентрировано до 70% боееспособной техники и вооружения сухопутных войск Туркменистана³.

Однако новый глава движения «Талибан» мулла А. Мансур, отказавшийся вести переговоры с правительством в Кабуле, заявил, что его движение не представляет угрозы северным соседям, и страны Центральной Азии не должны беспокоиться по этому вопросу. По его словам, если бы Афганистан не находился под оккупацией, внутриафганские проблемы можно было бы решить путем переговоров, и «если Администрация в Кабуле хочет положить конец войне и установить в стране мир, то это возможно только после прекращения оккупации и разрыва всех отношений с захватчиками»⁴.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что в настоящее время реальная угроза странам Центральной Азии исходит не

¹ <http://ria.ru/world/20151006/1297857515.html>

² <http://www.fergananews.com/news/23592>

³ <http://inozpress.kg/news/view/id/47195>

⁴ <http://counter-terror.kz/ru/article/view?id=3599>

от «Талибана», а от набирающего влияние в северных провинциях Афганистана ИГИЛ. Ряды этого террористического объединения растут за счет выходцев из ЦА, число которых, по различным оценкам, доходит до 4000. По мнению директора Аналитического центра МГИМО А. Казанцева, «классические талибы, будучи пуштунскими националистами, конечно, в Центральную Азию не пойдут – это миф, а вот вторжение в регион групп различных этнических экстремистов, связанных как с “Аль-Каидой”, так и с ИГ, не только вероятно, и вообще ожидаемо в свете той ситуации, которая сложилась в Афганистане, Центральной Азии и Ближнем Востоке»¹.

Тем не менее не все политологи, особенно в ряде стран региона, придерживаются этой точки зрения. Некоторые эксперты считают маловероятным прямое военное вторжение группировок ИГИЛ в Центральную Азию, полагая, что разговоры об угрозе ИГИЛ для ЦА в значительной степени инспирируются внешними силами, заинтересованными в укреплении своего влияния в регионе, или же руководством самих республик, рассчитывающих на финансовую помощь из-за рубежа². Узбекский политолог Я. Садилов, признавая активизацию агентов международных террористических организаций в странах ЦА, полагает, что военной угрозы Узбекистану и другим странам ЦА со стороны ИГИЛ не существует. Одной из причин этого он считает конструктивное сотрудничество спецслужб стран региона с афганскими коллегами, в том числе в обеспечении безопасности на общих границах.

Между тем в соответствии с объективными данными, в республиках региона резко активизировалась деятельность агентов ИГИЛ, которые ведут работу по подрыву государственной власти, вербуют тайных сторонников и провоцируют беспорядки. В Казахстане, например, экстремистские организации производят вербовку и обучение боевиков, там расположены базы, на которых готовятся диверсии против соседних стран. Граждане Казахстана были замешаны в террористических актах в Узбекистане и Киргизстане. Не случайно британский МИД присвоил Казахстану, наряду с Таджикистаном, второй уровень опасности – «серьезная угроза»³. (Третий уровень опасности – «средняя угроза» – присвоен Узбекистану и Киргизстану.)

¹ http://www.ng.ru/cis/2015-10-08/1_ashabad.html

² <http://regnum.ru/news/pjlit/1982475.html>

³ <http://www.fergananews.com/news.php?id=23584>

Как заявил начальник Генштаба Вооруженных сил Киргизстана А. Алымкожоев, в связи с уничтожением в Бишкеке группы террористов можно говорить о том, что на территории республики действуют активисты и первые ячейки ИГИЛ. После проведения нескольких спецопераций стало известно о масштабах деятельности ИГИЛ в этой республике. Странники террористической организации были обнаружены не только среди представителей необразованных и малообеспеченных слоев населения, но и среди чиновников, политиков, интеллигенции. При поддержке российских спецслужб была предотвращена серия терактов, которые должны были произойти в Бишкеке. В ответ на эти действия ИГИЛ выдвинуло ультиматум руководству республики. В социальных сетях появились прямые угрозы в отношении лидеров Киргизстана: если власти республики продолжат задержание сторонников ИГИЛ и будут препятствовать вербовке новых боевиков, то в ближайшее время страну захлестнет волна террора¹.

В Узбекистане предпринимаются повышенные меры безопасности среди населения, проповедники в мечетях ведут разъяснительную работу о сущности ислама. 1 августа 2015 г. на юге республики, в Андижане, были проведены совместные антитеррористические тактические учения соответствующих подразделений министерств обороны, внутренних дел, чрезвычайных ситуаций и Службы национальной безопасности республики². Как отмечают эксперты, в настоящее время Узбекистан обладает наиболее сильной армией в регионе, а узбекский участок границы с Афганистаном является одним из наиболее охраняемых и защищенных. Тем не менее президент республики И. Каримов проявляет крайнюю обеспокоенность в связи с нарастанием в регионе террористической угрозы. Следует отметить, что стратегия безопасности, проводимая Ташкентом, предполагает поддержание тесных добрососедских отношений с правительством Афганистана и развитие экономических связей (строительство транспортных, логистических маршрутов в Афганистан, участие в развитии его электроэнергетического сектора, поставки продуктов питания и других товаров).

В случае реализации угроз ИГИЛ поодиночке справиться с ситуацией республики ЦА не смогут, и это находит понимание

¹ <http://www.paruskg.info/2015/10/22/123558>

² [http://berlek-nkp.com/analytics/4653-cgi-berlek-edinstvo-uzbekistan-v-borbe-](http://berlek-nkp.com/analytics/4653-cgi-berlek-edinstvo-uzbekistan-v-borbe)

в центральноазиатских столицах. Между тем одной из главных слабостей стран ЦА в борьбе с терроризмом является невысокий уровень взаимодействия в этом направлении, что во многом обусловлено их давними противоречиями. Сложными остаются отношения Киргизстана и Узбекистана, Таджикистана и Узбекистана, испортившиеся из-за проблемы использования водных ресурсов региона. Нередко происходят столкновения на границе Таджикистана и Киргизстана протяженностью 970 км, из которых только 567 демаркированы и делимитированы. Как заявил министр иностранных дел Киргизстана Э. Абдылдаев на 70-й сессии Генассамблеи ООН (сентябрь 2015 г.), прямой многосторонний политический диалог между странами Центральной Азии фактически отсутствует. Он, в частности, предложил создать диалоговую площадку для стран региона в рамках ООН, «чтобы активизировать политическое и экономическое сотрудничество в регионе»¹.

Наращение террористической угрозы вынуждает страны ЦА более активно сотрудничать друг с другом в сфере безопасности. Так, в июле 2015 г. на юге Киргизстана в приграничном с Таджикистаном районе при поддержке ОБСЕ были проведены совместные командно-штабные тактические учения двух республик «Заслон-2015» с участием экспертной группы ФСБ РФ². Туркменистан и Узбекистан, два ближайших союзника по региону, обладающие внеблоковым статусом, по итогам состоявшейся 7–8 октября 2015 г. встречи президентов двух стран в Ташкенте достигли договоренности об усилении взаимодействия по охране границ с Афганистаном и подписали ряд соглашений о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и другими вызовами³. (Договоренность о совместной охране границ действует между двумя странами с 2012 г.)

Руководство центральноазиатских республик возлагает надежды на поддержку в борьбе с исламистской угрозой со стороны мирового сообщества и центров силы, имеющих наибольшее влияние в регионе, – России, Китая и США. Антитеррористическая тематика входит в повестку дня различных международных саммитов, форумов и других мероприятий в рамках СНГ, ОДКБ и ШОС, в которых принимают участие страны ЦА. На активизацию взаимодействия постсоветских государств в области борьбы с тер-

¹ <http://ria.ru/world/20151002/1295004309.html>

² <http://kabarlar.org/news/54498-v-batkene-zavershilis-ucheniya-zaslon-2015-...>

³ <http://www.fergananews.com/news/23979>

роризмом направлены решения октябрьского саммита СНГ в Казахстане. На нем были приняты Заявление о борьбе с международным терроризмом, Концепция военного сотрудничества до 2020 г., Программа сотрудничества в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2016–2020 гг.¹

По словам Исполнительного секретаря СНГ С. Лебедева, политики договорились о взаимопомощи в обустройстве участков внешних границ государств СНГ на «наиболее уязвимых направлениях». С этой целью должны быть созданы специальные группировки пограничных войск. Эксперты не исключают, что российские пограничники могут вернуться на таджико-афганскую границу, откуда они ушли в 2005 г.²

Тем не менее основные векторы внешнеполитического сотрудничества стран ЦА в области безопасности отличаются друг от друга. Для Казахстана, Таджикистана и Киргизстана приоритетным является взаимодействие с Россией в рамках ОДКБ. В середине сентября в Душанбе состоялось очередное заседание Совета коллективной безопасности ОДКБ, на котором главы стран-участниц ОДКБ обсудили проблемы борьбы с терроризмом, кризис в Сирии, сотрудничество в оборонной сфере и другие³. Президент Казахстана Н. Назарбаев считает, что Россия и Казахстан имеют общее видение оценки развития ситуации в мире, тесно координируют подходы к решению проблемы безопасности. Он подчеркнул, что для стран региона большое значение имеет обстановка в Афганистане, Ираке и Сирии, причем сирийский кризис представляет угрозу для всего Центрально-Азиатского региона. На октябрьском саммите СНГ в Казахстане Назарбаев выступил с инициативой создания форума «Ислам против терроризма», который должен объединить усилия мусульманских стран⁴.

РФ готова выступить гарантом безопасности Центрально-Азиатского региона, о чем свидетельствует ее лидирующая роль в ОДКБ. В связи с ростом в регионе террористической угрозы Россия намерена усилить свое присутствие в Центральной Азии, в частности за счет укрепления военных баз в Таджикистане и Киргизстане, а также увеличения военно-технической помощи союзникам по ОДКБ. Россия подписала договоры с Таджикиста-

¹ <http://mir24.tv/news/politics/13396276>

² <http://inosmi.ru/snogbaltia/20151016/230870765.html>

³ <http://vpoanalytics.com/2015/09/15/sammit-odkb-v-dushanbe-...>

⁴ <http://mir24.tv/news/society/13384639>

ном и Киргизстаном о продлении срока действия российских военных баз в этих странах до 2047 и 2032 гг. соответственно. Также Москва заявила об увеличении военного контингента 201-й российской базы в Таджикистане с 5900 до 9000 человек к 2020 г. На аэродром Айни, куда РФ пыталась получить доступ с 2004 г., будет направлена вертолетная группа для усиления этой российской базы. Кроме того, в рамках ОДКБ были проведены военные учения с выходом на границу Таджикистана и Афганистана.

Как сообщают источники, учитывая сложную внутривнутриполитическую ситуацию в Киргизии, РФ готова предоставить республике военную помощь в размере 1 млрд долл.¹ За счет обновления авиации будет также усилена российская авиабаза в Канте, куда уже поступили 10 новых усовершенствованных истребителей СУ-25. Кроме того, согласно двустороннему договору, Москва предоставила республике 10 БТР, артиллерийские системы и боеприпасы к ним, запасные части и оборудование для средств ПВО. До 2017 г. Киргизстан должен получить основную часть военной помощи, которая включает бронетранспортеры, боевые машины, самолеты и вертолеты².

Узбекистан и Туркменистан, объявившие о своем внеблоковом статусе, занимают обособленную позицию. Что касается Узбекистана, который в 2012 г. вышел из ОДКБ, то главной площадкой его сотрудничества с Россией остается ШОС. С 2003 г. в Ташкенте располагается Региональный антитеррористический центр ШОС. Имеющиеся между Москвой и Ташкентом двусторонние соглашения о стратегическом партнерстве обязывают стороны оказывать содействие друг другу в сфере безопасности.

Некоторые узбекские аналитики не исключают того, что в случае очень серьезных угроз безопасности со стороны террористических, экстремистских группировок, Ташкент может пойти на создание неких форматов сотрудничества с ОДКБ. Например, создать площадку для диалога в рамках формулы ОДКБ+Узбекистан, четко оговорив, что данный формат не рассматривает участие республики в деятельности организации, кроме сотрудничества в антитеррористической сфере в регионе³.

¹ <http://inozpress.kg/news/view/id/47161>

² <http://www.militarynews.ru/story.asp?rid=2&nid=387670>

³ <http://stanradar.com/news/full/17317-ekspert-borjas-s-terrorizmom-uzbekistan-...>

Однако предугадать действия И. Каримова, политика которого всегда отличалась двойственностью, сложно. В частности, на упоминавшейся выше встрече президентов Узбекистана и Туркменистана был согласован синхронный отказ от обращения к РФ за помощью в случае обострения ситуации на афганской границе¹. В то же время в Декларации о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и США зафиксирована готовность Вашингтона оказать помощь республике, вплоть до военной, в случае возникновения угроз безопасности. Передача Ташкенту американской стороной некоторой военной техники после частичного вывода своего контингента из Афганистана свидетельствует о продолжении сотрудничества двух стран в этой сфере. В рамках специальной программы Пентагон передал Узбекистану 300 бронемашин общей стоимостью 180 млн долл.²

Соединенные Штаты не намерены оставлять ЦА, этот важный регион, в сфере влияния России и Китая и в последнее время проявляют все больший интерес к участию в обеспечении его безопасности. Укрепление влияния в Центральной Азии важно для Вашингтона также в связи с его решением оставить в Афганистане свои войска для нейтрализации там исламистской угрозы. В конце августа в Ташкенте побывал помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Д. Розенблум, а в Душанбе – глава Центрального командования США генерал Ллойд Дж. Остин III. В обеих центральноазиатских столицах речь шла о региональной безопасности и ситуации в Афганистане.

26 сентября по инициативе Вашингтона на полях Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась встреча госсекретаря США Д. Керри с министрами иностранных дел пяти центральноазиатских стран, по итогам которой американская сторона заявила об установлении с этими странами «нового формата взаимодействия для обсуждения региональных вопросов». Как отмечали СМИ, на встрече речь шла о совместных действиях по нейтрализации новых вызовов в области безопасности и развитии экономических связей³.

«Презентация» этого «нового формата взаимодействия», или «C5+1» (республики ЦА плюс США), прошла в Самарканде в рамках турне Д. Керри по странам региона в начале ноября 2015 г.

¹ <http://m.rosbalt.ru/exussr/2015/10/20/1452438.html>

² <http://inozpress.kg/news/view/id/47161>

³ <http://www.vesti.ru.doc.html?id=2668723>

Здесь состоялась встреча госсекретаря США с министрами иностранных дел всех пяти стран региона. Первый визит главы внешнеполитического ведомства США в республики ЦА свидетельствовал об очередном повышении интереса Вашингтона к этому региону. По итогам встречи была принята Совместная декларация, в которой стороны заявили о готовности проведения регулярных контактов в данном формате и о том, что шесть стран будут способствовать привлечению иностранных инвестиций в регион, развитию местного предпринимательства, региональной торговле, инфраструктуре, экономическому развитию и энергетическим связям¹.

По сути, формат «С5+1» представляет собой попытку интегрировать все республики региона под патронажем США. Таким образом создается конкуренция интеграционным объединениям стран ЦА с Россией и Китаем, что свидетельствует о стремлении Вашингтона ограничить влияние РФ и КНР в ЦА. Характерно, что свое турне госсекретарь США начал с Киргизстана, тесно сотрудничающего с РФ по военной линии. На встрече с президентом республики А. Атамбаевым Керри предложил подписать новое военное соглашение с США, хотя и дал понять, что Вашингтон не планирует создание военной базы на территории республики. Это предложение не нашло отклика в Бишкеке, однако, по мнению экспертов, положение может существенно измениться, если во главе республики после выборов появится новая фигура².

По сообщениям СМИ, в Казахстане главы внешнеполитических ведомств подтвердили стратегическое партнерство двух стран, при этом Керри отметил, что США рассматривают взаимодействие с Казахстаном также с точки зрения нормализации отношений с Россией³. В Таджикистане, которому Вашингтон наряду с Узбекистаном ранее направил предложение примкнуть к антитеррористической коалиции, госсекретарь США пообещал поддержку в охране границы и решение вопроса дефицита электроэнергии. Особая роль Узбекистана для Соединенных Штатов была подчеркнута уже тем, что встреча в рамках «С5+1» состоялась именно в этой республике.

Что касается Туркменистана, то в последнее время в позиции Ашхабада все более явно прослеживается ориентация на

¹ <http://www.news-asia.ru/view/tm/8907>

² <http://www.ca-portal.ru/article.22889>

³ <http://www.news-asia.ru/view/tm/8907>

США. Еще весной 2015 г., когда началось наступление талибов на севере Афганистана и появилась информация о присутствии там боевиков ИГИЛ, Ашхабад обратился в Вашингтон с официальной просьбой о военной помощи и получил на нее положительный ответ¹. Президент республики Г. Бердымухамедов проигнорировал октябрьский саммит СНГ, на котором была принята концепция военного взаимодействия стран Содружества, направив туда вместо себя премьер-министра. В это же время туркменская делегация во главе с министром иностранных дел РТ Р. Мередовым находилась в США, где вела переговоры о предоставлении американской помощи на обеспечение безопасности границы с Афганистаном. По итогам переговоров американская сторона заявила, что США планируют углублять отношения с Туркменистаном².

В числе факторов, обусловивших поворот Ашхабада в сторону Вашингтона, важную роль играют нефтегазовые интересы республики. С одной стороны, действует ставшее традиционным недовольство Ашхабада сотрудничеством с Россией в области экспорта туркменского газа и давлением со стороны российского «Газпрома». Кроме того, руководство Туркменистана обеспокоено ростом военной активности РФ на Каспии. Российский политолог А. Дубнов не исключает, что туркменские власти были недовольны несогласованными с ними ракетными ударами из акватории Каспия по Сирии. Скорее всего, опасением военного вмешательства России в целях защиты туркмено-афганской границы можно объяснить официальный протест МИД республики, направленный Н. Назарбаеву в связи с отмеченным им на октябрьском саммите СНГ ухудшением ситуации на этой границе. Вопреки тревожной информации, поступающей из разных источников, Ашхабад заявил о том, что там сохраняется спокойствие.

С другой стороны, усиленно продвигаемый руководством РТ проект газопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (ТАПИ), в реальность которого в Ашхабаде, судя по всему, искренне верят, активно поддерживается Вашингтоном. Для Туркменистана этот проект обеспечивает выход на обширный рынок Южной Азии, для Соединенных Штатов – это способ укрепить свое влияние в регионе. Очевидно, что необходимым условием реализации этого проекта является безопасность на туркмено-

¹ <http://lenta.ru/news/2015/03/30/usaturkmenia/>

¹ <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2351823>

афганской границе и урегулирование внутриафганских конфликтов. В Ашхабаде рассчитывают, что США смогут обеспечить безопасность газопровода ТАПИ, начало строительства которого намечено на декабрь 2015 г. По мнению специалиста по Центральной Азии и Ближнему Востоку А. Князева, нельзя исключать того, что Вашингтон пообещал Туркмении помощь в обеспечении безопасности со стороны Афганистана в обмен на размещение американских ВВС на аэродроме Мары-2, который давно привлекал внимание США. Он также обратил внимание на то, что пункты американского военного присутствия в Афганистане точно совпадают с маршрутом газопровода¹. В пользу этого предположения частично свидетельствует то, что в ходе центральноазиатского турне Керри переговоры с президентом РТ проходили в обстановке секретности, а информация об их итогах практически отсутствует.

В той политической игре, которая в настоящее время разворачивается в Туркменистане, важное место отводится ближайшему союзнику США на Востоке – Японии. С ее помощью Вашингтон стремится потеснить Китай, который доминирует в экономике РТ, прежде всего в ее нефтегазовом секторе. По образному выражению одного из российских экспертов, республика превратилась в «газовую горелку» для экономики Поднебесной.

В соответствии с недавними договоренностями между Токио и Ашхабадом, Япония будет участвовать в разработке одного из крупнейших в мире газовых месторождений – «Галкыныш», которое до этого целиком принадлежало Китаю (это месторождение является вторым по объему запасов в мире – 21,2 трлн куб. м газа). Как сообщает «Независимая газета», японские корпорации Mitsubishi, Chiyoda, Sojits, Itochu и JGC заключили рамочное соглашение с государственным концерном «Туркменгаз» на обустройство этого месторождения, которое должно стать ресурсной базой для газопровода ТАПИ.

По свидетельству прессы, главные результаты состоявшегося в последних числах октября центральноазиатского турне премьер-министра Японии Синдзо Абэ были достигнуты именно в Туркменистане, где были подписаны совместные контракты на 18 млрд долл., подробности которых не разглашались. Известно только, что около 2 млрд долл. Япония готова

¹ <http://geo-politica.info/diplomatiya-molotova-v-turkmenii.html>

инвестировать в порт Туркменбаши¹. Как отмечает А. Казанцев, «существует именно такой расклад, основанный на предварительных договоренностях: Япония получает месторождение “Галкыныш”, и начинается строительство ТАПИ, что соответствует американским интересам в рамках их проекта “Большая Центральная Азия”»². Тем не менее реальность воплощения проекта ТАПИ у большинства экспертов вызывает большие сомнения в связи с обстановкой в Афганистане. Многие российские специалисты считают, что Туркменистан не готов к резкому пересмотру своих отношений с Россией, а действия Ашхабада в значительной степени являются способом давления на Москву.

Заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института СНГ А. Грозин не исключает, что ИГИЛ может начать активные действия на туркменском направлении и нанести удары по самым значимым точкам страны. При этом, по его мнению, в Пекине и Москве смотреть на это спокойно не станут. «А вот Штаты, учитывая их поведение на Ближнем Востоке и в Афганистане, вполне могут что-то пообещать, но будут ли они что-то делать для безопасности какой-то далекой Туркмении – большой вопрос»³.

В итоге можно констатировать следующее. Во-первых, существует реальная угроза со стороны ИГИЛ для стран Центральной Азии. Эта угроза, идущая с южных границ СНГ, представляет опасность для национальных интересов России. На ее предотвращение направлены решения октябрьского саммита СНГ в Казахстане. Во-вторых, Россия готова взять на себя дополнительную ответственность за обеспечение безопасности в Центральной Азии, что находит отражение в росте ее военной помощи в рамках ОДКБ. В-третьих, необходимым условием эффективности противостояния террористической угрозе является усиление взаимодействия самих стран региона в области безопасности. В-четвертых, отсутствие должного уровня этого взаимодействия предоставляет Соединенным Штатам возможность включиться в интеграционные процессы в ЦА, при этом их главной опорой здесь может стать Туркменистан. В настоящее время политика Вашингтона в Центральной Азии направлена на сдерживание интеграционных процессов с участием РФ (ЕАЭС и ОДКБ)

¹ <http://m.rosbalt.ru/exussr/2015/10/28/1455563.html>

² http://www.ng.ru/cis/2015-10-20/6_turkmenia.html

³ <http://svpress.ru/war21/article/134373/>

и Китая (ШОС); диверсификацию экспортных маршрутов центральноазиатских энергоресурсов, в частности за счет реализации проекта ТАПИ; усиление своего военно-политического присутствия.

*«Россия и новые государства Евразии»,
ИМЭМО РАН, М., 2015 г., № 4, с. 60–71.*

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

М. Ходынская-Голенищева,

кандидат исторических наук, сотрудник Постоянного представительства России при ООН

и других международных организациях в Женеве

ТЕРРОРИЗМ В СИРИИ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.

ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛЛЕКТИВНОГО

ПРОТИВОСТОЯНИЯ «ИСЛАМСКОМУ

ГОСУДАРСТВУ»

Кризис в Сирии и ставший его следствием всплеск радикализма и беспрецедентное усиление мирового террористического интернационала заострили вопросы, связанные с необходимостью выработки единой, коллективной, базирующейся на нормах международного права стратегии противодействия джихадистам. Операция Воздушно-космических сил (ВКС) России, начавшаяся 30 сентября 2015 г. и нанесящая урон потенциалу действующих в Сирии террористических групп – «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусры» и других, безусловно стала фактором, который во многом будет определять вектор развития событий вокруг Сирии и Ближнего Востока в ближайшее время.

30 октября 2015 г. в Вене 19 государствами региона и мировыми державами, а также региональными организациями – было принято Совместное заявление по Сирии, один из пунктов которого поставил задачу разгрома действующих в стране террористических группировок¹. Это первый после Женевского коммюнике от 30 июня 2012 г. международно согласованный документ, в котором шаги по урегулированию сирийского кризиса сочетаются с мерами по искоренению главной для Сирии угрозы – терроризма.

Одновременно Россия и США начали согласование «единого списка» террористических группировок, не внесенных в соответствующие списки СБ ООН, однако являющихся *де-факто* террористическими или действующими совместно с джихадистами.

Таким образом, можно предполагать, что появился шанс перевести в практическую плоскость инициативу В.В. Путина по созданию международного контртеррористического фронта.

Позиция России и реакция Запада

Российская позиция по Сирии, в центре которой призыв к срочному объединению усилий всех заинтересованных игроков для борьбы с терроризмом, появилась не сегодня и даже не в преддверии начала ударов ВКС РФ по террористическим целям в этой стране.

Так, уже в 2011 г., фактически с начала «арабской весны» и, в частности, внутреннего конфликта в Сирийской Арабской Республике (САР), Россия неизменно указывала на то, что вызовом стабильности и безопасности в регионе является распространение терроризма² и что всем государствам – вне зависимости от их отношения к Б. Асаду – нужно объединиться и бороться с джихадистами.

Российская позиция, однако, долго не встречала понимания. Одержимые целью свержения Б. Асада, многие страны – как западные, так и некоторые региональные – действовали «по ливийским лекалам» и делали ставку на радикальные силы, противостоявшие официальному Дамаску. Это приводило к тому, что западные члены СБ ООН блокировали в Совете Безопасности российские инициативы, направленные на осуждение терактов.

Тем не менее феномен «Исламского государства» (ИГ), захват боевиками этой группировки обширных территорий в Ираке, Сирии и Ливии, дестабилизация ситуации на Синайском полуострове³ жестокие казни, совершаемые ИГ, теракты в Европе, риски получения ими доступа к оружию массового поражения, сращивание терроризма с нелегальной торговлей вооружениями и наркотиками, беспрецедентная волна миграции в Европу из Ливии, Сирии и Ирака (тех стран, где «обосновалось» ИГ) и проникновение туда джихадистов⁴ – все это заставило некоторых противников Б. Асада скорректировать свои взгляды в пользу учета фактора терроризма в политике на сирийском направлении.

Причины «раздвоения» позиции США

Эти перемены позволили принять по инициативе России ряд важных резолюций СБ ООН – 2170 и 2178 (2014) и 2199 (2015),

призванных поставить заслон на пути дальнейшей экспансии джихадистов. Эти решения сформировали базу для международного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Однако перейти к действительно эффективному взаимодействию по противодействию экстремистам в тот период не удалось. Что было связано с рядом факторов.

Прежде всего, сказывалась незаинтересованность государств региона, добивавшихся свержения режима в Сирии, Турции, Катара и Саудовской Аравии, – к вовлечению в процесс взаимодействия в борьбе с террористической угрозой. Ведь это могло бы обесценить вложенные в цель смещения Б. Асада ресурсы и нанести ущерб линии на продвижение «исламского проекта» в регионе (в случае с Катаром и Турцией – ориентированного на идеологию «Братьев-мусульман», с Саудовской Аравией на салафитскую доктрину¹).

Одной из главных причин неспособности организовать эффективное коллективное противодействие террористической угрозе после принятия соответствующих резолюций СБ ООН была позиция Вашингтона. Дело в том, что, проявив готовность взаимодействовать в СБ в выработке решений по борьбе с терроризмом, США не избавились от эгоистичного подхода к этому вопросу. Американская линия оставалась «раздвоенной»: Соединенные Штаты не могли отказаться, особенно публично, от задачи свержения режима Б. Асада и не решались предпринять шаги, которые можно было трактовать как содействие «режиму», даже если это была борьба с терроризмом.

В противостоянии экстремистам в Сирии американцы не желали сотрудничать с правительством, которое несколько лет фактически в одиночестве боролось с этой угрозой.

Вместо того чтобы признать сирийские Вооруженные силы легитимным союзником в борьбе с ИГ (как США сделали в Ираке, где вела мая ими коалиция производит авиаудары по позициям террористов и действует американский спецназ), Вашингтон

¹ Салафизм – направление в суннитском исламе. Объединяет мусульманских религиозных деятелей, выступающих с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на «праведных предков», отвергающих все позднейшие нововведения, включая новшества, привнесенные в мусульманский мир Западом. Салафия – означает «понимание религии в том виде, в котором ее понимал Пророк и его сподвижники», «возвращение к Корану и Сунне» в интерпретации шариатских положений. (См.: *Ас-Саффарини М. Ляуами аль-ануар альбахия* (Сверкание прекрасного света). – Дамаск, 1982. Т. 1, с. 20.)

объявил, что Б. Асад не может считаться партнером в противостоянии джихадистам и «должен уйти». И отойти от этой позиции без потери лица Соединенные Штаты уже не могли.

Таким образом, продумывая шаги по противостоянию терроризму, США особое внимание уделяли тому, чтобы эта борьба не привела к усилению позиций Дамаска. Хорошо иллюстрируют образ мышления Вашингтона слова американского политолога Ф. Фукуямы: «Мы необязательно хотим уничтожения “Исламского государства”, если это позволит Б. Асаду восстановить контроль над всей Сирией»⁵.

По узкополитическим мотивам США не желали привлекать к взаимодействию в этой сфере и крупного регионального игрока – Иран. В сентябре 2014 г. ни Сирию, ни Иран не пригласили на Парижскую конференцию по миру и безопасности в Ираке, где речь шла о путях противостояния ИГ – хотя немалая часть «халифата», который провозгласило «Исламское государство», находилась в Сирии, а его «столицей» объявлен сирийский г. Ракка. Таким образом, Вашингтон обеднял арсенал возможностей противодействия террористам, «по идеологическим причинам» выводя из сотрудничества государства, без которых организовать эффективную борьбу с джихадистами невозможно.

Победа над терроризмом в Сирии, которой, вероятно, желали США, и свержение режима, которого они продолжали добиваться, представляли собой противоречащие друг другу задачи. Невозможно было эффективно бороться с джихадистами, не сотрудничая в этом вопросе с правительством Б. Асада, как нельзя сменить режим без того, чтобы это не привело к победе террористов «в поле» и превращению всей территории Сирии в арену новой гражданской войны. Чтобы успешно противостоять джихадистской угрозе в САР и регионе, была необходима комплексная стратегия, не допускающая разночтений.

Для чего создавалась «умеренная оппозиция»?

Тем не менее американцы, лавируя между несовместимыми целями, разработали собственную «стратегию». Вместо того чтобы активизировать сотрудничество на основе норм международного права, в первую очередь, контртеррористических резолюций СБ ООН 2170, 2178 и 2199, и добиваться объединения сил правительства САР и сирийской оппозиции на платформе противостояния террористам, в Вашингтоне объявили, что бороться

с джихадистами будет «умеренная» оппозиция, которую сформируют США.

Потерпев неудачу с «проектом» Свободной сирийской армии (от этой структуры, на которую изначально делали ставку американцы, практически ничего не осталось – большинство ее боеспособных элементов перешло в джихадистские формирования) и не будучи в состоянии открыто продвигать Исламский фронт, с которым ранее Вашингтон сотрудничал, в США решили «создать» группу так называемых «умеренных боевиков» и направить ее в Сирию для борьбы с террористами (а после победы над ними – с Б. Асадом). Эту программу американцы назвали «Обучи и оснасти».

Инициатива разработки программы (на сумму 500 млн долл.) была озвучена Б. Обамой еще 28 мая 2014 г. в его выступлении в военной академии Вест-Пойнт⁶. Цели содействия «умеренным» оппозиционерам якобы были ограничены укреплением возможностей по удержанию находящихся под их контролем территорий и противодействию экстремистам. Помимо поставок оружия, подготовки и оснащения боевиков, речь шла о предоставлении разведанных, оказании военно-консультационной и материально-технической поддержки. Предполагалось в течение 18 месяцев подготовить 5,5 тыс. боевиков. При этом кандидаты не должны быть «убежденными исламистами».

По мнению некоторых экспертов, с помощью программы «Обучи и оснасти» американцы планировали создать силу, с которой Б. Асад «должен был считаться», своеобразную «альтернативу» армии САР. Тогда в ходе политпроцесса правительство и оппозиция выступали бы с равных позиций.

Другая точка зрения относительно американских планов состояла в том, что США планировали добиться отторжения от Сирии с помощью этих отрядов территорий и установления там бесполетной зоны, куда переехало бы располагающееся в турецком Газиантепе оппозиционное «временное правительство» во главе с А. Тумой. Не добившись свержения режима, американцы, вероятно, хотели пойти по пути создания в Сирии «двоевластия» с последующим расширением подконтрольных боевикам территорий. Но любая оппозиция должна формироваться внутри страны, и совсем иное дело, если людей специально готовят и вооружают за рубежом и направляют внутрь «неугодного» государства с деструктивными целями⁷.

Чтобы не заниматься подготовкой новых отрядов сирийских боевиков самостоятельно, американцы заручились поддержкой ближайших союзников. Так, в ходе встречи так называемого «Ядра Группы друзей Сирии»¹ в Лондоне 10 ноября 2014 г. ее члены подтвердили поддержку программы «Обучи и оснасти», которая призвана бороться с «экстремизмом и тиранией». То есть и с террористами, и с «диктаторским режимом»⁸.

Единственным результатом американской программы формирования так называемой «умеренной вооруженной оппозиции» стало то, что обученные и оснащенные Вашингтоном боевики после пересечения границы стали массово сдаваться в плен террористической организации «Джабхат ан-Нусра» или дезертировать.

В сентябре 2015 г. в Конгрессе состоялись слушания о реализации этой инициативы, в ходе которых глава Центрального командования США признал, что реально «на земле» из всех подготовленных США «умеренных оппозиционеров» сражалось не более пять человек⁹. 9 октября Белый дом объявил, что администрация прекращает программу «Обучи и оснасти»¹⁰.

В конце 2015 г. Вашингтон предпринял еще одну попытку создать вооруженный фронт в Сирии. На базе курдской Партии демократического союза американцы сформировали так называемые «Демократические силы Сирии». Они включают курдов, разрозненные отряды, ранее входившие в Свободную сирийскую армию и ополчения этнических и конфессиональных меньшинств – ассирийцев, туркоман и др. Вашингтон направил советников для содействия новому объединению в планировании операций и начал поставки оружия¹¹. По замыслу США, «Демократические силы» должны осуществить ряд операций против ИГ. Это необходимо Вашингтону не в последнюю очередь с точки зрения демонстрации «эффективности» антиигиловской кампании США на фоне операции российских ВКС.

Однако есть серьезные сомнения относительно реализуемости американских планов. Курды – единственная серьезная боевая сила в рамках нового объединения – более заинтересованы в защите ареала традиционного проживания и не испытывают энтузиазма

¹ Первоначально в «Группе» было более 100 государств, однако большинство оказалось не готово способствовать реализации американского курса на силовое смещение режима Б. Асада и покинуло объединение. Остались лишь 11 стран, а сама структура была переименована в «Ядро Групп друзей Сирии». – *Прим. авт.*

по поводу американских планов, в частности, связанных со штурмом подконтрольного ИГ суннитского г. Ракка, где местное население может враждебно отнестись к курдским отрядам. Сирийские повстанцы из числа суннитов и международные правозащитные организации «превентивно» обвинили курдов в осуществлении этнических чисток¹².

Это позволяет предполагать, что курды могут использовать американскую помощь для последующей реализации собственной повестки дня, связанной с самоопределением.

Более того, действия Вашингтона по поддержке курдов уже серьезно осложнили отношения между США и Турцией. Анкара всерьез опасается, что усиление сирийских курдов мотивирует их турецких собратьев к активизации борьбы за создание Курдистана. Проявились признаки опосредованного американо-турецкого конфликта: Анкара – союзник Вашингтона по НАТО – нанесла удары по поддерживаемым США группам курдов¹³. Можно предположить, что президент Турции Р.Т. Эрдоган делает все, чтобы не допустить успеха курируемых американцами групп.

Военная операция США в Сирии

Но воспитание «уважающих международное гуманитарное право и разделяющих западные либеральные ценности» боевиков – лишь часть стратегии Вашингтона по борьбе с терроризмом. Второй блок – это осуществляемые вот уже более года ведомой США коалицией бомбардировки позиций ИГ на территории Сирии, в ходе которых, по сведениям ооновских правозащитных структур, гибнут мирные жители¹⁴.

Не пожелав сотрудничать в деле противостояния джихадистам с естественным союзником – правительством САР и обратиться в СБ ООН за одобрением своих действий, американцы сформировали временную «коалицию заинтересованных» и, указывая на «коллективный» характер своей операции, стали бомбить позиции ИГ. Единственным результатом стало расширение подконтрольной боевикам территории.

Террористы научились отвечать на бомбардировки тактикой разделения на мелкие группы и растворения в густонаселенных кварталах. Об этом на брифинге в Женевском центре политики в области безопасности в июне 2015 г. заявила С. Сивел, зам. госсекретаря США по вопросам гражданской безопасности, демократии и прав человека¹⁵.

Представители России подчеркивали, что борьба с терроризмом должна быть выстроена на основе общей стратегии. Для этого есть все механизмы, прежде всего структуры ООН. Когда практические шаги по решению антитеррористических задач выносятся за рамки ООН, это невольно наводит на мысль, что они изначально замышляются их авторами вне международного права и преследуют дополнительные цели, кроме тех, что официально заявлены¹⁶.

Точечные удары ведомой США коалиции по позициям ИГ не привели к уничтожению этой мощной группировки – хорошо вооруженной армии фанатиков и профессиональных военных из числа бывших офицеров иракской армии, получающей ежедневно от 1 млн долл.¹⁷ до 3 млн¹⁸ «нефтяного дохода». Одновременно бомбардировки способствовали росту популярности ИГ, превращая его для радикалов в своего рода «форпост» противостояния Западу.

И еще одно опасное последствие действий коалиции – реакция на удары международного джихадистского движения. Бомбардировки ИГ привели к некоторому смягчению отношения к группировке со стороны всемирного движения джихада. Появились перспективы примирения до недавнего времени враждовавших аль-каидовской «Джабхат ан-Нусры» и ИГ. Ряд авторитетных идеологов радикального исламизма выступили с соответствующей инициативой. По их мнению, «крестоносцы» во главе с США, нанося удары по джихадистам в Сирии и Ираке, совершают действия, направленные против ислама, а не отдельной группы. Нужно отбросить разногласия, когда «сорок стран собрались вместе, чтобы вести войну против самого Ислама»¹⁹.

Бомбардировки, по сути, стимулировали джихадистов к преодолению междоусобицы и объединению на антизападной платформе. Причем речь шла не только о террористических группах, действующих на территории Сирии и Ирака. Инициативу примирения «Джабхат ан-Нусры» и ИГ поддержали и в Северной Африке, и на Аравийском полуострове.

Так, «Аль-Каида в Исламском Магрибе» и «Аль-Каида на Аравийском полуострове» выступили с совместным заявлением – «Главой неверия», призывающим джихадистов объединиться против общего врага – Вашингтона. В нем отмечается, что США преднамеренно сталкивают «Аль-Каиду» и ИГ. Группировка «Ансар ад-Дин» из Мали предложила разместить наблюдателей за соблюдением перемирия между ИГ и другими джихадистскими

группами²⁰. Объединиться против общего врага и повсеместно бороться с ним призвал и амир созданной в сентябре 2014 г. «Аль-Каиды на Индийском субконтиненте» Усама Махмуд²¹. Еще какое-то время назад такое развитие событий невозможно было представить. Отношения между ИГ и «Аль-Каидой» были сложными.

«Исламское государство» стремительно набирало популярность по ряду причин. Во-первых, сторонников ему обеспечило то, что ИГ удалось доказать: «халифат» создать возможно. «Аль-Каида» же контролировала лишь ограниченные, небольшие площади и не связанные между собой территории. Во-вторых, играли свою роль политический и конфессиональный факторы: в Ираке и Сирии некоторые местные суннитские кланы поддерживали салафитов из ИГ, выступая против шиитского (алавитского) засилья в руководстве государств. «Аль-Каиде» же, находящейся в Афганистане и Пакистане и рассчитывающей, в первую очередь, на эти регионы, приходится учитывать этнические особенности и клановую специфику этих стран, где ее боевики – меньшинство и чужаки.

Западное вмешательство без международной санкции привело к появлению реальной перспективы срачивания «Аль-Каиды» с ИГ, после чего могло последовать расширение международного террористического альянса при сложении конкурентных преимуществ действующих в различных регионах группировок – от российского Северного Кавказа до Йемена.

Перспектива опасная, в том числе для России. Тревожный знак поддержка инициативы о примирении «Джабхат ан-Нусры» и ИГ со стороны лидера радикальной группировки «Имарат Кавказ» Абу Мухаммада ад-Дагестани²². Более того, срачивание потенциалов «Аль-Каиды» и других группировок в результате тактического союза могло дать возможность для экспансии салафитов на центральноазиатские государства, что представляло угрозу национальной безопасности России.

Терроризм мутировал. От тактики единовременных действий по запугиванию населения и «наказанию» иностранцев он перешел к четко выстроенной концепции исламистского тоталитаризма, строительства государства со всеми атрибутами. «Новый терроризм» бросал вызов государственности в регионе, ломая структуру национального суверенитета и размывая национальную идентичность стран Ближнего Востока²³.

Более того, тенденция срачивания терроризма с международной оргпреступностью, в первую очередь, с незаконным оборо-

том оружия и наркоторговлей, получила дополнительный импульс в результате западных интервенций в Ираке и Ливии и дестабилизации Сирии. Налицо риск попадания оружия массового уничтожения в руки негосударственных субъектов, включая террористов, в рядах которых сегодня немало имеющих необходимое образование иракцев из числа бывших саддамовских ученых и функционеров.

Последствия могли быть катастрофическими. Все, что удалось бы захватить, все технологии и ресурсы джихадисты наверняка постарались бы интегрировать в процесс строительства такфиристского¹ государства, «халифата». Такой халифат, построенный на принципах страха и жесточайшей дисциплины, а также обеспеченный бесперебойным, не зависящим от спонсоров, финансированием (нефть, оружие, наркотики и т.д.), был бы жизнеспособен. По крайней мере, на территории, где он смог бы заполнить вакуум власти.

Антитеррористическая операция России и реакция Запада

Именно все эти факторы, затрагивающие, в первую очередь, национальную безопасность России, заставили Москву принять решение о начале антитеррористической операции в Сирии. Многочисленные предложения, поступавшие Вашингтону с российской стороны о налаживании коллективного противодействия терроризму, создании единого фронта по противостоянию такфиристам, фактически были отвергнуты США. Хотя согласие на них США, в первую очередь, на участие в работе созданных в контртеррористических целях информационных и координационных центров в Багдаде и Аммане, объективно было в интересах Вашингтона.

США, отказываясь формально от предложения России, тем не менее, операцию ВКС РФ в Сирии признали. Об этом свидетельствует то, что две стороны подписали Меморандум о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операций в Сирии²⁴. В развитие зафиксированных в нем пониманий 3 ноября 2015 г. прошла совместная тренировка ВВС России и

¹ Такфиризм – радикальная идеология исламизма. Принципы и идеи такфиристов основаны на присвоении себе права обвинять мусульман в неверии и наказывать – вплоть до убийства. – *Прим. авт.*

США по действиям экипажей и наземных служб в случаях опасного сближения самолетов²⁵.

Действия России в Сирии с привлечением потенциала российских Вооруженных сил болезненно восприняли в Вашингтоне. Многие в американской элите увидели в этом прямую угрозу «исключительности» США, их лидерству в регионе и в мировых делах. Ведь тезис о том, что именно Вашингтон должен определять стратегию по важнейшим мировым вопросам, главенствовал как в публичных заявлениях, так и, собственно, в действиях США на международной арене. Он стал неотъемлемой частью американского внешнеполитического мышления. Операция ВКС РФ в Сирии была воспринята в США как геополитический вызов, который Россия бросила привычной для Вашингтона системе координат, и породила дискуссии по вопросу о том, что должны в этих условиях делать США.

Очевидно, что просто присоединиться к проводимой ВКС России операции Америка не может. Это означало бы передачу «лидерства» в Сирии Москве. Позволить это Б. Обама не может по внутриполитическим соображениям. Открыто противодействовать действиям России Вашингтон также не в состоянии как по «имиджевым» причинам (это означало бы *де-факто* противостоять борьбе с терроризмом), так и по чисто прагматическим соображениям: ослабление боеспособности террористов – в интересах всех без исключения государств. При этом в США на высоком уровне звучат эмоциональные призывы к разработке всеобъемлющей стратегии по противостоянию России²⁶. Поэтому действия США в контексте операций российских ВКС были «раздвоены».

С одной стороны, это своего рода «рефлекторное» негативное, на грани агрессии, реагирование на любые действия России, которые не устраивают США. Фактически сразу после начала операции российских ВКС в Сирии подконтрольные Вашингтону НПО и СМИ начали кампанию по ее демонизации в общественном мнении по «отработанным» технологиям. Так называемые правозащитные НПО, как западные, так и обслуживающие интересы сирийской оппозиции, докладывали о том, что в результате российских авиаударов якобы погибли мирные жители и применялись запрещенные виды вооружений²⁷.

Затем эти «новости» подхватывались СМИ. Западные сотрудники правозащитных структур ООН вслед за этим добились, чтобы эти сведения стали частью доклада Генерального секретаря ООН по гуманитарной ситуации в Сирии от 22 октября 2015 г.²⁸

Материалы Минобороны России об авиаударах ВКС РФ, а также официальные опровержения по каждому из случаев «гибели гражданских лиц» или «разрушения инфраструктуры», включая фото и видео²⁹, в расчет не брались.

Еще один тезис, который был взят на вооружение противниками операции России в Сирии, состоял в том, что Москва, осуществляя бомбардировки позиций террористов, играет на стороне шиитов³⁰. Причем эту абсолютно извращенную трактовку не стеснялись продвигать не только в прессе, но и на официальном уровне. Например, постоянный представитель Великобритании при ООН М. Райкрофт на заседании СБ ООН 22 октября 2015 г. заявил о том, что «России придется защищать свои действия перед Советом Безопасности и перед суннитами всего мира»³¹. И это при том, что ведомая США так называемая коалиция борьбы с ИГИЛ к тому времени бомбила территорию Сирии больше года – с 22 сентября 2014 г., и ее целью также официально значилось противодействие терроризму.

Довольно сумбурной была и официальная реакция на операцию России в США. Госсекретарь США Дж. Керри то приветствовал действия Москвы, «если они отражают искреннее стремление нанести поражение ИГ»³², то выражал обеспокоенность тем, что «они могут спровоцировать дальнейшую эскалацию и привести к потерям еще большего числа невинных жизней»³³. Несмотря на то, что в публичном пространстве американцы и их союзники критиковали российскую антитеррористическую кампанию в Сирии, по сути, отказывая России в праве на проведение самостоятельной политики в регионе, на деле, представляется, что именно операция ВКС РФ в САР стала катализатором активизации сотрудничества международного сообщества по Сирии.

Россия как организатор международного сотрудничества в Сирии

Именно после начала ракетно-бомбовых ударов по позициям террористов 30 сентября 2015 г. и последовавшего за этим 20 октября 2015 г. визита в Москву президента САР Б. Асада, несмотря на публичную «нервную» реакцию со стороны США и ряда «регионалов», начался процесс поиска компромиссов по Сирии. Ровно через месяц после того, как Россия начала бомбить позиции террористов в САР, состоялась встреча так называемой «Группы поддержки Сирии» на уровне министров иностранных дел с уча-

ствием 19 стран и региональных организаций. Несмотря на сознательную передачу российской стороной американцам «лидерства» в организации этого мероприятия, на деле впервые были соблюдены условия, которые давно выдвигала Россия, как должно быть организовано международное взаимодействие по решению конфликта.

Главное из них – привлечение к переговорам Ирана. Принципиальная политическая позиция России, помноженная на силовые действия в Сирии, привела к необходимому результату: 30 октября 2015 г. Иран наряду с другими региональными государствами, на участии которых настаивала Москва (Ливан, Египет, Ирак, ОАЭ), присутствовал на встрече Группы поддержки Сирии в Вене, итогом которого стало принятие консенсусом Венского заявления. Известно, что США и лично Дж. Керри по просьбе России провел работу с Саудовской Аравией в пользу получения согласия Эр-Рияда на присутствие Ирана в Вене. 14 ноября в ходе второго заседания Группы в развитие заявления от 30 октября 2015 г. был принят новый документ. В нем детализированы шаги в рамках сирийского политического процесса (включая выборы), а также констатировалась необходимость установления прекращения огня, которое не будет распространяться на террористические организации. Важный момент: участники Группы договорились расширить список действующих в Сирии террористических структур за счет тех, что не внесены в списки СБ ООН, но *де-факто* являющиеся джихадистскими. И это также требование России.

Еще одно условие России, которое было соблюдено, – отсутствие ультиматумов в отношении Б. Асада. Москва с самого начала конфликта заявляла, что судьбу лидера страны, равно как и будущего государства в целом, должен определять сирийский народ. И в Венском заявлении о Б. Асаде нет ни слова. Также был окончательно списан в историю тезис, который продвигали заинтересованные в смене режима в Сирии государства о том, что единственным законным представителем сирийского народа должна быть эмигрантская и созданная уже после начала конфликта оппозиционная Национальная коалиция. Венское заявление четко указало на то, что межсирийские переговоры должны идти между представителями правительства САР и делегацией сирийской оппозиции³⁴.

Наконец, появились перспективы реализации выдвинутой В.В. Путиным инициативы о создании широкого антитеррористического фронта для борьбы с ИГ, который включал бы в себя ар-

мии Сирии и Ирака, курдское ополчение и умеренную вооруженную оппозицию, готовую сотрудничать в деле спасения Сирии от ИГ.

Важнейшим «прорывным» шагом в этой области стало установление российскими военными контактов с полевыми командирами ряда антиправительственных формирований, которые, несмотря на противостояние с армией САР, оказались готовы к совместным действиям против террористов. Российская авиация начала наносить удары по позициям террористов, координаты которых передавались полевыми командирами³⁵. Очевидно, что, не получив «зеленого света» от соответствующих курирующих их спецслужб, структуры сирийской оппозиции не пошли бы на такой шаг. Ряд стран региона – Ирак, Египет, Алжир – открыто поддерживал операцию ВКС России в САР.

Именно решительные шаги России в регионе Ближнего Востока и, в первую очередь, операция ВКС РФ против террористов в Сирии стали катализатором активизации политического процесса урегулирования сирийского кризиса и шагов к формированию эффективной международной коалиции по борьбе с ИГ.

Перспективы борьбы с терроризмом

Очевидно, что на пути к достижению этих целей еще предстоит преодолеть немало трудностей. Потребуется слаженное взаимодействие между Россией и США. Однако этого было недостаточно. Было необходимо подключение и влиятельных «регионалов» Турции, Саудовской Аравии, Катара, Иордании, Египта и др., способных оказывать существенное влияние на ситуацию «на земле». Это подразумевает, чтобы Турция, КСА, Катар, декларируя приверженность борьбе с терроризмом, не вели «двойную игру», поддерживая из конъюнктурных соображений антиправительственные силы для свержения режима в Сирии.

Востребовано и привлечение европейских государств, которые, как наглядно продемонстрировали теракты в Париже 13 ноября 2015 г., также находятся в зоне риска в силу наличия больших мусульманских диаспор. Последние непрерывно пополняются за счет доселе невиданной волны мигрантов из Ближнего Востока и Северной Африки и продолжают служить поставщиком потенциальных джихадистов в зоны конфликта в регионе. Очевидно, что трагические события в Париже повлияли на позицию французских элит, заставив их отодвинуть требование ухода Б. Асада и подтолкнув их к практическому тесному сотрудничеству.

ву с Москвой по борьбе с ИГ, в том числе за счет сопряжения усилий Военно-морских сил России и Франции в Средиземном море. Характерно, что на сближение с Москвой в области борьбы с терроризмом Париж пошел даже после того, как российским руководством было заявлено об усилении боевой работы ВКС РФ в Сирии вследствие теракта с пассажирским самолетом «Когалымавиа», разбившимся на Синае 31 октября 2015 г.

Такова важная черта нового постоднопольярного миропорядка: решение сложных проблем современности будет требовать тесного сотрудничества как минимум двух мировых держав с подключением государств региона и созданием «гибких» коалиций. Также важно, чтобы «силовая» составляющая решения кризиса базировалась и на готовности сирийского правительства к осуществлению давно назревших реформ, а политической сирийской оппозиции – к участию в межсирийском диалоге в Женеве.

По-прежнему велика роль ООН. Необходимы усилия всех игроков по выполнению глобальной контртеррористической стратегии Организации, решений Совета Безопасности, использование потенциала СБ, в том числе на таких актуальных направлениях, как пресечение финансирования терроризма и деятельности иностранных боевиков.

Россия давно предложила провести в СБ ООН комплексное исследование глубинных причин всплеска экстремизма, а также продолжить развивать задачи противодействия набравшим особую силу террористическим группировкам – ИГ и «Джабхат ан-Нусра», в том числе через устранение источников их финансирования.

Российская инициатива о консолидации усилий мирового сообщества на платформе борьбы с ИГ могла бы стать катализатором сотрудничества региональных и международных игроков по разрешению сирийского кризиса и по достижению более широкой цели – стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Если, конечно, эта инициатива встретит адекватную реакцию Запада.

Примечания

- ¹ Совместное заявление по итогам многосторонней встречи по Сирии, Вена. 30.10.2015. – www.mid.ru
- ² Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова агентству «Рейтер». 23.12.2011. – www.mid.ru
- ³ *Kirkpatrick D.* Militants in Egypt Say the Will Ally with ISIS // *The New York Times*. 11.11.2014.

- ⁴ *Byman D., Shapiro J.* Homeward Bound? Don't hype the threat of returning Jihadists // *Foreign Affairs*. Vol. 93, Number 6. 2014.
- ⁵ *Fukuyama F.* Friendless Obama Needs Middle Eastern Allies of Convenience // *Financial Times*. 24.9.2014.
- ⁶ Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony. U.S. Military Academy-West Point. West Point, New York. May 28, 2014. – <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/05/28/remarks-president-unitedstates-military-academy-commencement-ceremony>
- ⁷ *Borodavkin Alexei.* La Russie Veut la Sécurité en Europe. C'est l'OTAN Qui Vient Nous Menacer // *Tribune de Genève*. 1.8.2014.
- ⁸ Meeting of Senior Officials of the 'London 11' Core Group of the Friends of Syria, 10.11.2014. Foreign & Commonwealth Office <https://www.gov.uk/government/publications/meeting-of-seniorofficialsof-the-london-11-core-group-of-the-friends-of-syria-10november-2014>
- ⁹ *Gould J.* Was Syria train-and-equip effort always a "Mission Impossible"? // *Defense News*. 21.09.2015. – <http://www.defensenews.com/story/defense/policy-budget/warfare/2015/09/21/syrian-train-equip-program-mission-impossible-start/72376560/>
- ¹⁰ *Shear M., Schmitt E.* Obama Administration ends efforts to train Syrians to combat ISIS // *The New York Times*. 9.10.2015.
- ¹¹ *Rogin J., Lake E.* U.S. Airdrop in Syria ends up arming the Kurds // *Bloomberg View*. 15 October, 2015. – <http://www.bloombergview.com/articles/2015-10-15/u-s-airdrop-in-syria-ends-uparmingthe-kurds>
- ¹² *Loveluck L., Samaan M.* Syrian rebels accuse Kurdish forces of 'ethnic cleansing' of Sunni Arabs // *The Telegraph*. 15.09.2015; Syria: US Ally's razing of villages amounts to War Crimes // *Amnesty International*. 13 October 2015 – <https://www.amnesty.org/en/press-releases/2015/10/syria-us-allys-razing-of-villages-amountstowar-crimes>
- ¹³ *Chappell B.* Turkey's jets fire on Syrian Kurds allied with U.S. against ISIS // *National Public Radio*. October 27, 2015 <http://www.npr.org/sections/thetwo-way/2015/10/27/452192207/turkey-s-jets-fire-on-syrian-kurds-allied-with-u-s-against-isis>
- ¹⁴ Rule of Terror: Living under ISIS in Syria. Report of the Independent International Commission of Inquiry on the Syrian Arab Republic. 14.11.2014.
- ¹⁵ Under Secretary of State Dr. Sarah Sewall is in Geneva Speaking on US Efforts to Counter Violent Extremism... <https://twitter.com/TheGCSP/status/610396823015026689>
- ¹⁶ Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики Российской Федерации. Москва, 20 октября 2014. – <http://www.mid.ru>
- ¹⁷ *Almukhtar S.* ISIS finances are strong // *The New York Times*. 19.09.2015.
- ¹⁸ Experts: ISIS makes up to \$3 million daily in oil sales. 28.08.2014. – <http://english.alarabiya.net/en/perspective/analysis/2014/08/28/Experts-ISIS-makes-up-to-3-million-daily-in-oilsales.html>
- ¹⁹ *Шалдонский Д.Д.* О возможном примирении между «Исламским государством» и аффилированными с «Аль-Каидой» группировками // *Институт Ближнего Востока*. – www.iimes.ru

- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 *Ахмедов В.М.* Иран и «Исламское государство»: Диалектика взаимоотношений // Институт Ближнего Востока. – www.iimes.ru
- 24 Минобороны России и минобороны США подписали Меморандум о предотвращении инцидентов и обеспечении полетов авиации в ходе операции в Сирии. 21.09.2015. – <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12061345@egNews>
- 25 Начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-полковник Андрей Картаполов рассказал о результатах деятельности российской авиагруппы в Сирии. 3.11.2014. – <http://syria.mil.ru/news/more.htm?id=12062538@egNews>
- 26 *McFaul M.* The myth of Putin's strategic genius // The New York Times. 23.10.2015.
- 27 Russia/Syria: Possibly unlawful Russian air strikes // Human Rights Watch. 25.10.2015. – <https://www.hrw.org/news/2015/10/25/russia/syria-possibly-unlawful-russian-air-strikes>; Syria: New Russian-made cluster munitions reported // Human Rights Watch. 10.10.2015 – <https://www.hrw.org/news/2015/10/10/syria-newrussianmade-cluster-munition-reported>
- 28 Report of the Secretary-General on the Implementation of Security Council Resolutions 2139 (2014), 2165 (2014) and 2191 (2014). 22 October 2015. UN Document S/2015/813.
- 29 Results of check of the claims concerning the supposed air strikes against civil objects on the territory of Syria. 3 November, 2015. – <http://www.slideshare.net/MoRf4/results-of-check-of-theclaimsconcerning-the-supposed-air-strikes-against-civil-objects-ontheterritory-of-syria>
- 30 Putin, Champion of the Shias // Economist. 17.10.2015.
- 31 Statement by Ambassador Matthew Rycroft of the UK Mission to the UN at the Security Council Open Debate on the Middle East. 22.10.2015. – <https://www.gov.uk/government/speeches/we-remain-convicted-that-a-negotiated-two-statesolutionis-the-only-way-to-resolve-the-conflict>
- 32 Remarks at a Meeting on International Peace and Security and Countering Terrorism. 30.09.2015 // U.S. Department of State <http://www.state.gov/secretary/remarks/2015/09/247639.htm>
- 33 *Binnie I.* John Kerry: Russian support for Syrian President Bashar Assad could raise risk of confrontation // The Huffington Post. 23.09.2015.
- 34 Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе совместной пресс-конференции со спецпосланником Генерального секретаря ООН по Сирии С. де Мистурой по итогам переговоров. Москва, 4.11.2015 http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/1917302
- 35 Начальник Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-полковник Андрей Картаполов рассказал о результатах деятельности российской авиагруппы в Сирии...

«Азия и Африка сегодня»,
М., 2016 г., № 1, с. 7–14.

К. Труевцев,

кандидат исторических наук, доцент НИУ
Высшая школа экономики, ведущий научный
сотрудник Центра арабских и исламских
исследований ИВ РАН

**БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ УЗЕЛ КАК ЭПИЦЕНТР
ПРОТИВОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО
ПАНИСЛАМИСТСКОГО ПРОЕКТА И
НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ**

Центральным звеном в полосе напряженности, охватывающей сегодня значительную часть исламского мира и прилегающих к нему регионов, является ближневосточный узел, который в нынешнем своем состоянии претерпел существенные изменения в сторону значительно большей многокомпонентности и меньшей предсказуемости по сравнению с арабо-израильским (сегодня в основном палестино-израильским) конфликтом, существующим со второй половины 40-х годов XX в. В последние годы эпицентр конфликта сместился на территорию Сирии, а затем и Ирака. На сегодняшний день обе страны выглядят частично территориально и институционально распавшимися, большая часть их пространства охвачена гражданской войной. Общерегиональный характер конфликту придает политико-конфессиональное противостояние, далеко выходящее за рамки отдельных государств. Фактически в регионе сложились межгосударственные суннитская и шиитская «оси», принимающие тотальный характер на региональном уровне. Но наибольшую непредсказуемость дальнейшему ходу развития конфликта придает тот факт, что в центре него оказывается террористическое «Исламское государство», никем извне не контролируемое, самодостаточное в финансово-экономическом и военном отношении.

Это развитие событий чревато дальнейшей эскалацией угрозы как в региональном, так и в более широком плане. Ни одно государство региона не ограждено от реальных угроз внешнего вторжения, вооруженных конфликтов с соседями и внутреннего коллапса. Это относится прежде всего к Турции, Ливану, Йемену, Саудовской Аравии и Израилю. Причем угрозы (в отношении Турции, Ливана, Йемена и Израиля уже частично реализуемые) таковы, что ставят каждое из этих государств в затруднительную ситуацию.

Рассмотрим современный ближневосточный конфликт более подробно, стремясь обозначить его динамику, движущие силы, основные этапы развития, состав его непосредственных участников, региональных и глобальных игроков, прямо или косвенно задействованных в нем, тенденции его дальнейшего распространения, а также исходящие от него реальные и потенциальные угрозы.

Следует отметить, что современный ближневосточный конфликт, в который сегодня прямо или косвенно вовлечены большинство стран региона и эпицентром которого в настоящий момент стали территории Сирии и Ирака, не сразу обрел те черты, присущие ему в последнее время. В своем развитии он прошел ряд этапов, каждый из которых характеризовался изменением его динамики, составом участников и, что особенно важно отметить, последовательной эскалацией и расширением территориальных рамок и количества участвующих в нем сил. Вместе с тем возрастали и характер, и потенциал исходящих от него угроз, в том числе выходящих за региональные рамки.

На первом этапе этот конфликт, начавшийся в Сирии и проявивший себя почти полностью как внутрисирийский, рассматривался большинством экспертов как неотъемлемая часть «арабской весны». Антиправительственные демонстрации и волнения в Сирии начались 26 января 2011 г., т.е. на следующий день после революции 25 января на площади Тахрир в Египте, причем начались они точно так же, как в Тунисе, Египте, Йемене, – с акта самосожжения жителя провинциального города аль-Хасаки. Антиправительственные выступления происходили в целом ряде городов, включая столицу, однако вплоть до середины марта они не носили массового характера.

Начиная с 15 марта произошла резкая эскалация конфликта, что уже выбивало Сирию из общего временного контекста динамики «арабской весны», поскольку события стали разворачиваться с отставанием от ее апогея в более чем 1,5 месяца. Тем не менее события в пограничном с Иорданией городе Дерья, где восставшие практически овладели городом и удерживали его в течение двух месяцев, всколыхнули всю страну. Практически сразу вслед за этим восстанием вспыхнули массовые выступления в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Хаме и целом ряде других городов и районов страны. Демонстранты требовали отмены чрезвычайного положения, действовавшего в стране без перерыва с 1963 г., проведения политических реформ, в частности легализации реальной много-

партийности, свободных и конкурентных выборов, прекращения репрессий, соблюдения гражданских прав и свобод.

Резкая реакция на эти выступления правительственных сил, включая расстрелы демонстрантов, только усилила противостояние оппозиции с правительством, которое, периодически нарастая, продолжалось в течение нескольких месяцев. Так, в начале июня в акциях протеста приняли участие около 3 млн человек. Все чаще стали раздаваться требования отставки правительства и президента Б. Асада.

Начиная с апреля конфликт в ряде провинций и городов, включая Дамаск, стал приобретать вооруженный характер. К лету 2011 г. многие политические деятели и аналитики как внутри Сирии, так и за ее рубежами пришли к выводу, что часы режима сочтены.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на следующие моменты, выявившиеся в ходе нарастания конфликта. Во-первых, начиная с апреля-мая в Дамаске, Тартусе и некоторых других городах прошли демонстрации в поддержку Б. Асада, и они тоже носили массовый характер, что свидетельствовало о наличии в стране серьезной базы поддержки режима. Во-вторых, в конце марта был отправлен в отставку кабинет министров, который до этого практически бессменно управлял страной с 2003 г., а в новый его состав вошли представители умеренной оппозиции левого и либерального толка. Вслед за этим был отменен режим чрезвычайного положения, из тюрем были выпущены многие политзаключенные, смещены многие губернаторы провинций. Президент даже счел нужным признать правоту ряда требований протестантов, извиниться перед семьями погибших, что практически было беспрецедентным в практике авторитарных правителей Ближнего Востока. Эти меры были направлены на расширение социально-политической базы режима и одновременно на то, чтобы стимулировать размежевание в рядах оппозиции, нейтрализовать умеренную ее часть, а в лучшем случае – переманить ее на сторону режима. Не сразу, но постепенно эта политика стала приносить свои плоды.

Размежевание в рядах оппозиции действительно происходило. С лета 2011 г. началось формирование Сирийской свободной армии (Аль-Джейш ас-сурий аль-хурр), основной костяк которой составили офицеры, дезертировавшие из Сирийской армии. К ним либо присоединялись, либо действовали отдельно от них военизированные отряды исламистов, сформировавшиеся в условиях под-

полю, имевшего традиционное влияние в ряде центральных городов страны, прежде всего в Хомсе и Хаме, а также в восточных провинциях.

Что касается умеренной оппозиции, придерживавшейся не вооруженных, а политических методов борьбы, то именно здесь первоначально, в 2011 г., и произошла основная линия размежевания. Первая коалиционная организация, включавшая левые и либеральные силы, в том числе компартию Сирии – Национальный координационный комитет за демократические перемены (НККДП) – стояла на позициях мирной борьбы за изменение режима. Вторая – Сирийский национальный совет (СНС) – выступала в поддержку Сирийской свободной армии (ССА) и придерживалась вооруженных методов борьбы.

Обращает также на себя внимание и тот факт, что в то время как НККДП был создан и продолжал функционировать на территории Сирии, в первую очередь в ее столице, СНС был создан за рубежом, в Стамбуле, и, несмотря на объявленное стремление включить в свой состав большинство оппозиционных групп, на деле в его состав вошло крайне ограниченное число представителей политических, этнических и конфессиональных групп. Так или иначе, СНС ни на момент своего создания, ни в последующем не смог привлечь в свое руководство ни одной знаковой фигуры, обладавшей достаточным общественным авторитетом и политической харизмой.

Указанные обстоятельства позволили ряду исследователей рассматривать НККДП в качестве «системной» оппозиции, а СНС – в качестве «внесистемной». Это дало режиму Б. Асада возможность маневра, заключавшегося в реальных перспективах расширения своей социально-политической базы за счет постепенного привлечения на свою сторону, по крайней мере, части тех реальных и потенциальных секторов оппозиции, которые действовали в Сирии, и нейтрализации других. Одновременно сирийский режим игнорировал СНС как «внесистемную» оппозицию, созданную за рубежом при участии внешних сил и мало кого представляющей в сирийском обществе. Это стало очевидным в 2012 г., когда начался новый этап конфликта, придавший ему принципиально иные черты, по сути выходящие за сирийские национальные рамки.

Во время перемирия, начавшегося 12 апреля 2012 г., правительству удалось сделать важный шаг на пути внутренней консолидации. 8 мая прошли выборы в парламент, которые впервые

после прихода к власти баасистов в 1963 г. проводились на альтернативной многопартийной основе. Несмотря на всю остроту внутреннего конфликта, в них приняли участие более 50% избирателей. Победа блока «Национальное единство» во главе с партией аль-Баас, как и само проведение выборов, укрепили легитимность режима. Правда, это отнюдь не означало перелома в ходе гражданской войны, однако усилило веру режима и его сторонников в такую возможность.

Эти перемены никак не отразились на ситуации вокруг Сирии: внешняя изоляция режима на региональном и международном уровне и поддержка, оказываемая вооруженной оппозиции, нацеленной на его свержение, продолжали нарастать. В конце 2011 г. под нажимом арабских стран Аравийского полуострова и Персидского залива Лига арабских государств (ЛАГ) объявила эмбарго на торговлю с Сирией.

В начале 2012 г. Великобритания и США отозвали своих послов из Дамаска. Появились сообщения о поддержке вооруженной оппозиции и поставке ей вооружений арабскими странами Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравией и Катаром. Что касается Турции, она с самого начала гражданской войны оказывала поддержку этим силам, ее территория фактически превратилась в основную базу их снабжения, а с конца июня Турция приняла прямое участие в конфликте, включая использование военной авиации, в результате чего над сирийской территорией был сбит турецкий самолет.

Таким образом, в 2012 г. произошла фактическая интернационализация конфликта. Начала складываться региональная и международная коалиция поддержки вооруженной оппозиции и противодействия сирийскому режиму. В качестве ведущей силы вооруженной оппозиции продолжала рассматриваться ССА. «В военный совет Национальной коалиции входят представители ССА, которая играет ведущую роль в вооруженном сопротивлении режиму Асада», – сообщала Русская служба ВВС в ноябре 2012 г. Именно представители ССА объявили 5 июня о прекращении перемирия и возобновлении военных действий.

Середина 2012 г. рассматривалась силами вооруженной оппозиции и поддерживавшими их арабскими и западными странами как решительный перелом в их пользу, предвещающий скорый и неминуемый крах режима Асада. Действительно, в июле бои шли на улицах Дамаска, а в начале августа повстанцам удалось захватить значительную часть северной столицы страны Алеппо.

Вместе с тем именно в этот период в ходе внутрисирийского конфликта произошла первая большая неожиданность, которая вскоре поставила под вопрос всю стратегическую линию действий внешних игроков. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что основной силой в боевых столкновениях оказалась не ССА, а никому не известная «Джабхат ан-Нусра» (полное название – «Джабхат ан-Нусра ли ахла аш-Шам» – по одной версии перевода – «Фронт победы народа Леванта», по другой – «Фронт помощи народу Леванта»), которая в действительности оказалась не чем иным, как организацией «Аль-Каиды» в Сирии и Ливане. Силы этой организации стремительно росли, к ней присоединились 12 других группировок исламистской направленности, в том числе «Ахрар аш-Шам», «Лива ат-Таухид», «Ахрар ас-Сурийя», «Лива ислами», которые до этого действовали под эгидой ССА. Некоторые из них насчитывали от 3000 до 5000 бойцов, а в ходе боев за Алеппо на сторону «Джабхат ан-Нусра» перешла целая бригада самой ССА.

Далее произошло следующее. 11 ноября в столице Катара Дохе была создана Национальная коалиция сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС). В нее вошли оппозиционные группировки, в том числе СНС. Представители «системной» оппозиции и курдские партии отказались участвовать в НКСРОС. Был создан Военный совет, куда вошли представители ССА.

Уже до конца 2012 г. НКСРОС получила не только фактическое, но и юридическое признание со стороны ряда арабских и западных стран, выразившееся и в том, что в ЛАГ она оказалась единственным представителем Сирии. Признание НКСРОС означало также и международное признание ССА, поскольку именно она рассматривалась как единственная реальная сила, представляющая НКСРОС внутри Сирии. Однако она уже не была ведущей силой вооруженной оппозиции. А «Джабхат ан-Нусра», которая такой силой уже стала, выразила свое отношение к НКСРОС вполне определенно, назвав коалицию «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран. Отношение же западных стран (как и международного содружества в целом) к «Джабхат ан-Нусра» проявилось достаточно определенно. Она была признана террористической организацией: США – в декабре 2012 г.; ООН – в мае 2013 г.; Австралией – в июне 2013 г.; Великобританией – в июле 2013 г.

Отношение региональных сил к «Джабхат ан-Нусра» было не столь однозначно. Представители нефтяных монархий официально

не признали его террористической организацией, а неофициально некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на муджахедов ярлыка террористов», по крайней мере, до тех пор, пока не выявились их самые одиозные действия вроде проявлений каннибализма. Турция официально присоединилась к признанию «Джабхат ан-Нусра» террористической организацией, однако именно через ее территорию ей поставляется вооружение. К тому же из Турции на территорию Сирии проникают наемники из арабских и других мусульманских стран, а также из стран Запада и республик бывшего СССР, включая Россию.

Однако Запад и региональные режимы сделали ставку на США, а главным бенефициаром событий стали вовсе не представляемые ею либеральные и умеренные исламские круги, а радикальные исламисты, представлявшие в тот момент «Джабхат ан-Нусра». Для того чтобы не только понять, почему так получилось, но и проследить, каким образом это сказалось на дальнейших поворотах конфликта, уместно рассмотреть не только конспирологические, экономические и другие подобные мотивации внешних игроков сирийского конфликта, но и обратить внимание на их политические цели, поскольку именно на основе их анализа и выявляется, «что пошло не так».

Запад, в первую очередь США и следовавший за ними англо-французский альянс (но отнюдь не ФРГ, имевшая отличную от них позицию), стоял практически на единой платформе, выработанной прежде всего в ряде «мозговых центров» Соединенных Штатов. Эта платформа сочетает подходы как республиканцев, так и демократов (включая концепцию Большого Ближнего Востока, подходы к умеренному и радикальному исламу, концепцию «управляемого хаоса» С. Манна, концепцию «волн демократизации» С. Хантингтона, концепцию «мягкой силы» и, наконец, инструментальную концепцию «ненасильственного сопротивления» Дж. Шарпа).

Среди последних рассматривалась как наиболее вероятная и продуктивная возможность союза либерально-демократических и умеренно исламистских сил в качестве основы будущей политической архитектуры если не всех, то, по крайней мере, большей части ближневосточных обществ. Ставка на умеренный исламизм подогревалась примером Турции, а также надеждой на то, что соединение сегментов гражданского общества с умеренным исламизмом не только приведет последний к постепенной эволюции в общегражданском контексте, но и станет противовесом против

радикальных исламских течений, включая «Аль-Каиду». Заметим, что этот подход породил в консервативных американских кругах определенную иллюзию: почему бы в отдельных случаях не попытаться использовать радикальные исламистские элементы как инструмент разрушения авторитаризма на благо демократии, хотя бы на короткое время? Ровно в этом контексте рассматривались и события в Сирии: казалось, стоит чуть надавить, поддержать выступающие против режима силы, и оппозиция свергнет авторитарную власть и установит гражданский демократический режим с элементами умеренного исламизма.

Мотивации региональных игроков были значительно проще. Среди них стоит выделить Турцию, Саудовскую Аравию, Катар и Израиль.

В Турции «арабская весна» была встречена с особым энтузиазмом. Казалось, страна, как во времена К. Ататюрка, вновь показывает дальнейший пример поступательного развития для стран Ближнего Востока, однако с той разницей, что это путь не вестернизации, а возвращения к истокам с использованием западного опыта. Ситуация породила также и возникновение некоторых пан-османистских иллюзий, выразителем которых стал тогдашний министр иностранных дел, а в дальнейшем – премьер-министр А. Давутоглу.

Турция ощутила себя в авангарде политического процесса на Ближнем Востоке. Это не могло не сказаться на ее политике в отношении соседней Сирии, тем более что силы сирийской оппозиции получили поддержку в Турции, чем она и не преминула воспользоваться. Это выдвинуло ее в авангард региональных держав, оказывающих поддержку сирийской оппозиции вплоть до того, что в сентябре 2012 г. дело дошло до прямого столкновения, грозившего перерасти в турецко-сирийский военный конфликт.

Что касается Саудовской Аравии и Катара, то победа исламистских сил рассматривалась ими не только как возможность усиления своих позиций на Ближнем Востоке, но и демонстрации своей политической модели в качестве истинной. В этом контексте Сирия рассматривалась Саудовской Аравией и Катаром в качестве основного препятствия для утверждения своей роли в регионе.

Теперь посмотрим, как этот пазл совпадающих интересов стал рушиться уже в конце 2012 г.

1. «Арабская весна» в целом вышла за границы представлений о повсеместной, а тем более устойчивой победе коалиции либерально-демократических и умеренно-исламистских сил как

модели поступательного социально-политического развития ближневосточных обществ. Единственным исключением, где такая модель оказалась жизнеспособной, стал Тунис. В Египте такая коалиция уже фактически развалилась. «Братья-мусульмане» как победители, получившие все (и большинство в парламенте, и президента), стали устанавливать порядки не только без оглядки на вчерашних союзников, но и на собственные умеренно-демократические лозунги недавнего времени, результатом чего стала нарастающая волна общественного недовольства. В Ливии развалилась не только наспех сколоченная лоскутная коалиция различных сил, но и само государство.

2. Отличие Сирии, как к этому времени уже окончательно выяснилось, состояло не только в отставании процесса по фазе по сравнению с другими странами, где разворачивалась «арабская весна». Вся структура и динамика процесса были иными. Так, кульминация событий пришлась не на центр, а на периферию, центр оказался на стороне режима и был потерян для оппозиции. Процесс размежевания, который вначале обозначался как тотальный, при нарастании событий в большей степени захватывал оппозицию, чем режим. При этом оппозиция все более радикализировалась, причем в неприемлемом для Запада крайне исламистском направлении, в то время как Запад с явным опозданием по фазе продолжал поддерживать либерально-исламистскую коалицию, уже когда под этой коалицией расплзалась социально-политическая почва.

3. Турецкие региональные амбиции в 2012 г. в целом еще представлялись оправданными. Существенная переориентация Турции с вектора европейской интеграции на ближневосточное и – более широко – панисламское направление, которая обозначилась с самого начала прихода к власти Р. Эрдогана и руководимой им Партии справедливости и развития, к этому времени принесла определенные результаты. Позиция страны в исламском мире в целом и на Ближнем Востоке в особенности значительно укрепилась.

Однако тот же 2012 г. показал и ограничители на пути «триумфального турецкого марша» в регионе, каким он стал видеться некоторым политикам в Анкаре, хотя эти ограничители в это время оказались там практически незамеченными.

4. Если по поводу западных держав еще можно утверждать, что они плелись в хвосте внутрисирийских событий, продолжая делать ставку на «умеренную оппозицию», то ведущих региональ-

ных игроков, таких как Саудовская Аравия и Катар, вряд ли можно заподозрить в том, что они не понимали, что на самом деле происходит. Поэтому, когда они инициировали создание НКСРОС в Дохе, с достаточной долей очевидности можно предполагать, что с их стороны речь шла об азартной игре по дальнейшей эскалации конфликта: НКСРОС в этом случае была уготована лишь роль «крыши», через которую будет оказываться поддержка, а реальная ставка была сделана на радикальную оппозицию в лице «Джабхат ан-Нусра». Вряд ли они при этом полностью адекватно оценивали все региональные последствия эскалации конфликта, которая в этом случае должна была произойти, и совершенно очевидно, что они явно переоценивали степень своего контроля над этой радикальной исламистской организацией. Но расчет на то, что через дальнейшую радикализацию конфликта по ливийскому сценарию им удастся вовлечь Запад, был достаточно реалистичным и, как показали дальнейшие события, весьма близким к реальному воплощению.

Переход к следующей фазе конфликта в 2013 г. был обусловлен рядом внутрисирийских и региональных факторов и событий, придавших ему полноценные черты уже не внутривосточного, а регионального конфликта.

Что касается событий внутри Сирии, то здесь произошли достаточно быстрые изменения. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое – почти до 30%. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось выше, существенную роль в этом отношении призван был сыграть и действительно сыграл курдский фактор.

Уже на начальной стадии конфликта, в апреле 2011 г., Б. Асад встретился с рядом курдских лидеров, и по итогам этой встречи был издан президентский указ о предоставлении сирийского гражданства курдам, проживающим в северо-восточной провинции Аль-Хасика. Он коснулся немалого числа курдских граждан – 150 тыс. человек. Это свидетельствовало о готовности режима идти по пути дальнейшего расширения прав курдов в направлении автономии. После этого чаша весов в курдском общественном мнении, колебавшемся между режимом и оппозицией, качнулась в сторону сотрудничества с режимом.

Следует отметить, что курдский вопрос здесь имел двойное значение, поскольку он касался не только борьбы с оппозицией, но и сирийско-турецкого противоборства. Для курдов это соперничество в любом случае оборачивалось усилением позиций и в Сирии, и в Турции. Но сирийский режим в разыгрывании курдской карты не только опережал турецкое руководство по времени, но и по политической фазе.

Это стало особенно очевидно в 2012 г. Уже с начала года поддержку режиму стала оказывать крупнейшая партия на сирийской территории – Курдский демократический союз (КДС), тесно связанная с турецкой Рабочей партией Курдистана. В июле 2012 г. из Сирийского Курдистана были выведены правительственные войска, что открывало путь не только для формирования курдской администрации (этот процесс подспудно начался до этого), но и для фактического установления курдской власти в районах Сирийского Курдистана. Иначе говоря, без формального объявления автономии процесс автономизации курдов уже пошел. К началу 2013 г. курдский фактор стал играть существенную роль в том серьезном переломе, который стал складываться на фронтах гражданской войны.

Уже в конце 2012 г. и в начале 2013 г. произошли вооруженные столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в Алеппо. Ответные зверства боевиков «Джабхат ан-Нусра» по отношению к мирному курдскому населению привели к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции.

Изменение соотношения сил сказалось и на значительной части арабского суннитского населения. Около трех миллионов сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы Иордании, Турции и Ливана. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление Сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактики действий вооруженных сил. От попыток фронтального наступления они перешли к концентрированным ударам по скоплению боевиков и использованию полувоенных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались

особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо.

Дамаск, за исключением некоторых пригородов, оказался практически полностью освобожден от исламистских сил, в Алеппо также был достигнут серьезный перевес.

В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись боевые отряды «Хезболлы», имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу режима Б. Асада: хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками «Джабхат ан-Нусра», это были преимущественно районы Сирийской пустыни. Что же касается наиболее населенных районов центра, севера и запада страны, то здесь военно-политическое превосходство режима стало очевидным.

Существенно менялась и ситуация вокруг Сирии. В Египте после массовых антиправительственных выступлений, начавшихся 30 июня, армия встала на сторону восставших против правления «Братьев-мусульман», и 3 июля президент М. Мурси был низложен. К власти фактически пришла армейская верхушка во главе с генералом А.Ф. ас-Сиси. В отношении Сирии это означало, что Египет «выпал» из общего антисирийского фронта, и хотя новое египетское руководство не перешло на позиции открытой поддержки сирийского режима, по крайней мере, помощь сирийским исламистам и отправка добровольцев в их ряды со стороны Египта прекратилась (а стало быть, стало гораздо сложнее прибывать на территорию Сирии также и боевикам из Ливии, Алжира и других североафриканских стран).

Изменилась также и обстановка в Турции. С конца мая в Стамбуле начались серьезные волнения на площади Таксим, которые вскоре перекинулись на большинство крупнейших городов страны. Массовые выступления продолжались спорадически в течение двух месяцев и прекратились только в конце августа. Причем спустя три месяца они вспыхнули с новой силой, хотя и с несколько иной мотивацией, получив продолжение уже в следующем, 2014 году.

Ирония истории здесь заключается в том, что если название главной египетской площади Тахрир означает в переводе с арабского «освобождение», то значение стамбульской площади Таксим – «раскол». Не говоря уже о том, что волнения в Турции происходили параллельно с переменами в Египте, свидетельствовавшими о произошедшем в обществе расколе между силами, участвовавшими в «арабской весне», в самой Турции они ознаменовались несколькими линиями общественно-политического раскола. Причем эти линии раскола не только имели отношение к развитию сирийского кризиса, но в какой-то мере и сами отражали, будь то прямо или косвенно, отношение значительных сегментов турецкого общества к сирийским событиям.

Первая линия раскола – между сторонниками правящей исламистской партии и «кемалистами» в самом широком смысле, т.е. сторонниками светского республиканского правления, в чьих рядах оказались и анархисты, и коммунисты, выступившие вместе с экологами застрельщиками протеста.

Вторая линия раскола – между турками и курдами: последние активно использовали участие в протестах для продвижения своих целей.

Третья, совершенно новая, линия раскола выявилась в рядах самих исламистов между сторонниками Р. Эрдогана и сторонниками стоявшего у истоков современного исламистского движения в Турции религиозного мыслителя и политического деятеля Фетхуллаха Гюлена, считавшего, что Р. Эрдоган свернул с дороги «правильного» просвещенного турецкого исламизма.

Наконец, четвертая, также совершенно новая в политическом контексте линия раскола – между суннитским большинством и турецкими алевитами, впервые выступившими в ходе этих событий как самостоятельная политическая сила.

В контексте сирийского конфликта здесь необходимо отметить вот что. Если курды по уже во-многом объясненным причинам не только ослабляли линию Турции в сирийском кризисе, но и предвосхищали одну из линий его возможной регионализации в турецком направлении, то позиции, заявленные гюленистами и алевитами нанесли по ней не менее серьезный удар. Первые заявили о том, что политика Турции в отношении Сирии является в корне неверной и ее необходимо пересмотреть в сторону восстановления отношений с сирийским режимом. Вторые прямо выступили на стороне Б. Асада и выразили готовность любыми средствами поддержать сирийский режим.

Позиции всех трех сил достаточно значимы как в социально-демографическом, так и в политическом смысле. По разным оценкам, курды составляют от 15 до 20 млн из 73-миллионного населения Турции, алевиты – до четверти населения. Гюленисты проявили себя как значимая политическая сила не только в 2013 г., но и в течение всего 2014 г.

Хотя Р. Эрдогану как блестящему политику удалось успешно выйти из всех перипетий двух лет почти непрерывных волнений, эти позиции не могли не наложить отпечаток на роль Турции в сирийском конфликте, практически они почти нейтрализовали ее роль в нем.

Таким образом, ко второй половине 2013 г. не только внутренняя обстановка в Сирии, но и международная обстановка вокруг нее стала складываться в пользу режима Б. Асада:

- внутри страны на целом ряде фронтов режиму удалось потеснить силы оппозиции. Победа внутри нее наиболее одиозных радикальных исламистских сил, связанных с «Аль-Каидой», ставила под сомнение дальнейшую возможность их поддержки не только со стороны Запада, но и арабских режимов;

- в региональном плане началось практическое складывание шиитской «оси» не только в виде прямого участия «Хезболлы» на стороне сирийского режима, но и в военно-политической поддержке ему со стороны Ирана, что было бы вряд ли возможно, если бы не молчаливое участие в этой поддержке иракского режима во главе с шиитским премьером Нури аль-Малики. Кроме того, стал достаточно очевидным и общекурдский консенсус в виде формально позитивного нейтралитета в отношении сирийского режима при очевидной, в том числе военно-политической, поддержке, оказываемой иракскими и турецкими курдами своим сирийским братьям. Это также шло на пользу сирийскому режиму, а не вооруженной оппозиции;

- что касается сопредельных с Сирией суннитских стран, то Турция, как уже было показано, оказалась к середине лета 2013 г. практически нейтрализована, ливанские сунниты не могли оказать эффективной военной поддержки сирийской оппозиции, будучи блокированы «Хезболлой», а Иордания, несмотря на то что на ее территории шла интенсивная подготовка отрядов вооруженной оппозиции, вовсе не горела желанием прямо ввязываться в конфликт.

Именно в этой обстановке произошло событие, грозившее новым существенным поворотом в развитии конфликта. 21 августа

в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска. В этом был обвинен сирийский режим. 30 августа президент США Б. Обама заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. При этом следует отметить, что турецкий премьер-министр Р. Эрдоган призвал США не ограничиваться только воздушным ударом, а начать военное наступление. Началось сосредоточение американских ВМС в Средиземном море. Готовность поддержать США в случае военной операции выразила также Франция (Германия и Великобритания от такой поддержки воздержались).

Таким образом, возникла реальная опасность интернационализации конфликта по сценарию, близкому к ливийскому или даже с угрозой более непосредственного и интенсивного участия в нем США и некоторых из их союзников.

Как известно, такой эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам между В. Путиным и Б. Обамой во время саммита «двадцатки» в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации химического оружия.

Несмотря на то, что наиболее опасная линия развития конфликта по пути его прямой интернационализации была предотвращена, в 2013 г. стало очевидным, что конфликт из внутрисирийского приобрел масштабный региональный характер.

На стороне оппозиции в возрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также мусульмане из стран Запада и СНГ, включая Россию. Уже в 2013 г. их количество стало исчисляться тысячами. Они получили военную и финансовую поддержку не только от общественных фондов и финансовых кругов ряда нефтедобывающих арабских стран Персидского залива, но и от правящих режимов Саудовской Аравии и Катара.

Во второй половине 2013 г. на сирийском театре военных действий помимо «Джабхат ан-Нусра» появились боевики действовавшей до этого в основном в иракской провинции Аль-Анбар и осуществлявшей террористические акты практически на всей территории Ирака организации под названием «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Созданная в 2012 г. на базе иракского отделения «Аль-Каиды», активно действовавшего в стране уже

в течение десятилетия, она заявила о себе как структура, несущая прямую угрозу существованию уже двух государств.

Поскольку ее деятельность, с точки зрения алавитов и шиитов, носила ярко выраженный суннитский оттенок, в регионе стала формироваться противостоящая ей шиитская «ось». Помимо уже упоминавшегося участия боевых отрядов «Хезболлы» в вооруженной борьбе на стороне сирийского режима, осенью 2013 г. появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. Асада из Ирана 4 тыс. бойцов Корпуса стражей исламской революции. Кроме того, ряд источников сообщал о том, что на стороне сирийского режима сражаются боевые отряды иракских шиитов, находящиеся в подчинении Муктады ас-Садра – наиболее воинственного лидера шиитов Ирака.

Таким образом, в регионе в рамках вооруженного противостояния сложились две противоборствующие политико-конфессиональные «оси» – суннитская и шиитская, и это противостояние представляло потенциальную угрозу тотального распространения конфликта на уровне региона.

На рубеже 2013–2014 гг. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, предвещала развитие дальнейших событий именно по пути усиления противостояния этих двух региональных политико-конфессиональных «осей», причем с перевесом в пользу шиитской. В пользу этого свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2000 жизней их участников, ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима развивать успешные наступления на их позиции. Успех ИГИЛ в противостоянии со своими радикальными конкурентами также был на руку и сирийскому, и иракскому режиму, тем более что руководство «Аль-Каиды» в лице Аймана аз-Завахири оказывало однозначную поддержку «Джабхат ан-Нусра», признав его в качестве единственного своего легитимного филиала в Сирии, одновременно отказав в подобном статусе ИГИЛ.

При достаточной координации усилий между руководством Сирии и Ирака создавались условия для нанесения ими совместного решительного удара прежде всего по ИГИЛ, что могло бы способствовать достижению стратегического перевеса в противостоянии с радикальными исламистами в обеих странах. Надо сказать, что ряд таких совместных ударов на пограничных терри-

ториях был действительно нанесен. Речь прежде всего идет о воздушных налетах на позиции ИГИЛ на пограничных территориях Ирака.

Однако в начале лета 2014 г. ситуация стала стремительно меняться. 10 июня силами ИГИЛ был захвачен крупнейший город Северного Ирака Мосул, вскоре после этого в их руках оказался родной город Саддама Хусейна Тикрит. Войска исламистов быстро приближались к столице страны Багдаду, от которого к концу июня их отделяло не более 80 километров. Регулярная иракская армия в ходе этого наступления оказалась практически разгромленной.

Несмотря на то что дальнейшее продвижение на Багдад было все же остановлено, причем усилиями не столько регулярной армии, сколько радикальных шиитских групп, обширные территории, захваченные ИГИЛ на территории Ирака, а также Северной и Восточной Сирии, позволили группировке объявить себя состоявшимся государством. 29 июня вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (уже без территориальной привязки) в форме халифата.

По поводу неожиданного успеха ИГИЛ существует целый ряд попыток объяснения этого феномена. Большинство из них носит конспирологический характер. В основном они сводятся к тому, что исламисты были накачаны оружием и деньгами Западом, прежде всего США, а также их региональными союзниками – Саудовской Аравией, Катаром, Турцией (некоторые добавляют в этот ряд также Израиль). После массированного притока наемников как из исламского мира, так и из стран Европы, Америки, постсоветского пространства ИГИЛ оказалось в состоянии превратить это количественное накопление в новое качество, за счет чего и произошел этот экспансионистский взрыв.

Почти все перечисленные компоненты количественного накопления ресурсов так или иначе действительно имели место. Однако, как и все, подобные простейшие, лежащие на поверхности объяснения не дают ответа на ряд не менее простых вопросов. А они существенны.

Во-первых, почему этот успех достался наиболее радикальным, по сути антизападным (и даже антитурецким, антисаудовским, и уж точно антиизраильским) исламистам, а вовсе не силам НКСРОС, которых как раз и накачивали и деньгами, и оружием почти все перечисляемые страны?

Во-вторых, почему боевики из умеренных исламистских организаций массово перебежали в лагерь наиболее радикальных, антизападных, антитурецких и антисаудовских исламистов?

В-третьих, почему успех в противоборстве радикальных исламистских сил достался не более «сирийской» «Джабхат ан-Нусра», а более «иракскому» ИГИЛ, даже несмотря на поддержку первой со стороны руководства «Аль-Каиды»?

И наконец, в-четвертых, почему после явного перевеса, достигнутого в военной конфронтации с «Джабхат ан-Нусра», силы ИГИЛ двинулись вовсе не на Дамаск, а на Багдад?

Ответы на эти вопросы на самом деле есть. Первый и главный из них заключается в самостоятельности, самодостаточности, в том числе ресурсной, радикальных исламистских организаций. Самодостаточность зиждется прежде всего на самом исламистском проекте. Уже сетевая структура «Аль-Каиды» использовала с совершенно современным наполнением ряд структур, заимствованных из исторического опыта Арабского халифата, таких как джамааты (небольшие вооруженные группировки боевиков), имараты (военно-административные единицы на различных территориях во главе с боевым командующим-амиром) и пр. Эти структуры и сегодня продолжают существовать как на территории исламского мира, так и в странах, входящих в понятие «Дар аль-харб» («Страна врагов»), включая многие государства Америки, Европы, Азии, Африки, постсоветского пространства, где присутствуют мусульманские диаспоры. Все это уже составляет достаточные точки притяжения для неудовлетворенных своим положением и существующим порядком в странах своего проживания мусульман, включая неофитов.

Идеологический и организационный компоненты (начиная от проповедей радикальных носителей идеологии исламизма и заканчивая вовлечением людей в боевые группы) создают основу главного, человеческого, ресурса радикальных организаций, боевой костяк которых первоначально составляли те, кто приобрел опыт сражений в Афганистане, а затем пополнялся воевавшими в Боснии, Алжире, Чечне и других частях мира. Помимо боевого опыта они отличаются чрезвычайной мобильностью, мотивированностью и нацеленностью исключительно на войну, поскольку это стало их единственной профессией.

Особо следует сказать о финансовом ресурсе. Базовой основой финансовых ресурсов боевых радикальных исламистских групп, начиная с «Аль-Каиды», стала «аль-хавалья» – финансовые

потоки, формирующиеся из добровольных, но фактически обязательных ежемесячных взносов мусульман на благотворительность. Именно благодаря тому, что У. бен Ладену еще в годы афганской войны удалось оседлать значительную часть этого обезличенного финансового ресурса, исчисляемого миллиардами долларов и не поддающегося никакому внешнему контролю, «Аль-Каида» превратилась в могущественную глобальную организацию. Если к этому прибавить огромные ресурсы мусульманских благотворительных фондов, контролируемых сочувствующими радикальному исламу религиозными финансистами в таких странах, как Саудовская Аравия, Катар, ОАЭ, Кувейт и ряд других мусульманских государств, становится понятным, что не только «Аль-Каида», но и такие организации, как «Джабхат ан-Нусра» и ИГИЛ (которые были созданы на базе филиалов «Аль-Каиды»), изначально обладали достаточными финансовыми ресурсами, чтобы обеспечивать регулярных бойцов и новобранцев, осуществлять вербовку новых боевиков и закупать оружие, достаточное для ведения крупномасштабной сухопутной войны.

Поэтому представления о том, что эти группировки удастся поставить под контроль политически или экономически, будь то через финансовую подпитку по официальным или полуофициальным каналам, поставку оружия или через разведывательные структуры, будь то ЦРУ или саудовская разведка, оказались не более чем иллюзией. Разумеется, исламисты не отказывались от подобной помощи, но это никак не определяло существа и направления их действий.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусра» (разумеется, не окончательная и неполная, но такой цели, очевидно, и не ставилось) объясняется, на наш взгляд, двумя факторами, на которые поначалу практически никто не обратил внимания.

Первый заключался в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, к тому же уже действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии – Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте.

Второй фактор заключался в более качественном военном руководстве и планировании, другом качестве осуществления военных операций.

Это не было еще столь очевидным на сирийском театре, однако в полной мере проявилось в ходе иракского блицкрига, когда с ходу был взят Мосул, затем Аль-Багдади и Тикрит, и судьба Багдада, казалось, висела на волоске.

Одной из главных причин этого успеха стало то, что впервые за все время существования постаддамовского Ирака произошло соединение двух главных оппозиционных сил суннитского ареала – радикальных исламистов бывшей «Аль-Каиды» в Ираке и баасистского партизанского движения, которые до самого недавнего времени не только действовали разрозненно друг от друга, но и изначально отличались крайней взаимной враждебностью.

Одним из главных мотивов этого объединения стала общая угроза, исходившая из того, что наметившаяся координация действий сирийского режима с правительством Н. аль-Малики (при прямом или косвенном участии Тегерана) может привести к разгрому и тех и других. Более того, шиитская «реконкиста», затронувшая не только районы южнее Багдада, но и саму столицу, несла потенциальную угрозу суннитской общине Ирака как таковой. Об этом свидетельствовали не только действия Н. аль-Малики, ограничивавшие роль суннитов в политическом пространстве, но и удары, наносившиеся по суннитским племенам в провинции Аль-Анбар.

К тому же к этому времени были амнистированы некоторые военные руководители, занимавшие различные посты в армии и особенно в Национальной гвардии в период правления Саддама Хусейна, осужденные в рамках кампании дебаасизации. Многие из них примкнули к подпольной вооруженной оппозиции. Именно это, при соединении структур ИГИЛ со структурами баасистского партизанского движения, и дало ту синкретику, которая стала залогом их успеха в ходе кампании по захвату большей части «суннитского треугольника» в западной и центральной частях страны.

Создание халифата на захваченных исламистами территориях Сирии и Ирака создало принципиально новую ситуацию в регионе.

Прежде всего следует отметить, что «Исламское государство» (ИГ) в форме халифата впервые стало реальностью в новейшей истории. Уже само по себе это вносит совершенно новый аспект в современный исламский дискурс, давая весомый аргумент тем, кто утверждает не только возможность, но и неизбежность возвращения к исламским корням. Правда, на вопросы реальной

структуры государства и его атрибутов ответы пока неясны, кроме разве что права на насилие, которое осуществляется с чрезмерным усердием. Что касается финансово-экономических основ этого государства, то их база заложена при захвате мосульского отделения Национального банка Ирака с его авуарами в несколько миллиардов долларов, а также нефтепромыслов в северной части страны, из которых успешно осуществляется контрабандная торговля нефтью. Таким образом, изначальная финансовая база, существовавшая за счет упоминавшихся уже традиционных для исламистов источников, серьезно, а возможно, и кратно, пополнена за счет новых.

После создания ИГ конфликт окончательно перешагнул страновые рамки. Террористическое государство непосредственно затрагивает территориальные интересы по меньшей мере еще трех стран региона, прямо угрожая их территориальной целостности, да и самому существованию. Речь идет о том, что ИГ непосредственно вышло на границы Турции, Иордании и Саудовской Аравии.

Существованием ИГ, однако, вовсе не исчерпывается характер угроз дальнейшего разрастания конфликта. Как не ограничивается Турцией, Иорданией и Саудовской Аравией перечень стран, где не только существует опасность воздействия общерегионального конфликта на внутреннюю конфликтогенность, тем не менее уровень внутренних конфликтов либо доходит до критической точки, либо уже перешел ее.

Таким образом, региональный конфликт приобрел многомерный характер, что значительно повышает дальнейшие риски его разрастания в направлении любой из расположенных здесь стран и одновременно с этим увеличиваются риски перерастания любого из серьезных внутренних конфликтов в новый компонент общерегионального.

В этой обстановке почти любая из стран региона оказывается не перед выбором между участием или неучастием в конфликте, а перед довольно страшным выбором приоритетности того или другого вида конфликта, при котором цена ошибки почти неминуемо ведет к грани катастрофы.

Яркий пример тому – ситуация в Турции, когда в 2014 г. турецкое руководство оказалось практически перед тупиковым для него выбором в противоборстве между курдами и ИГ. Нападение исламистов на пограничный с Турцией курдский город Кобани (Айн аль-Араб) потребовало проведения против них наземной операции, которая могла быть осуществлена либо силами турец-

кой армии, либо силами боевых отрядов турецких курдов совместно с иракско-курдскими пешмерга. Турецкие власти долго отказывались и от собственного участия, и от предоставления коридора для прохода курдских отрядов, несмотря на требования своих союзников по НАТО и региональных стран антиисламистской коалиции. Понятно почему: несмотря на потенциальные угрозы для Турции со стороны ИГ, это исламистское образование представляет собой сегодня единственный заслон на пути окончательного военно-политического соединения территорий сирийских, турецких и иракских курдов и создания их неподконтрольного Турции территориального единства. Но в конечном итоге под давлением протестных волнений в Турецком Курдистане Турция была вынуждена пойти и на тот и на другой шаг: и предоставить курдским боевикам возможность поддерживать своих сирийских братьев в противоборстве исламистскому геноциду, и обозначить участие своих войск в этой наземной операции, дабы сохранить хотя бы видимость контроля в этом пограничном районе.

Политический результат для турецкой власти был следующим: 1) курды усилили свои политические позиции внутри Турции в процессе борьбы за автономию; 2) силы ИГ впервые в начале 2015 г. осуществили рейд на территорию Турции, показав, что они не только переходят с ней в открытую конфронтацию, но и в состоянии нанести ей ущерб (при этом нападению сопутствовали новые идеологические установки со стороны ИГ с объявлением Османской империи «ненастоящим халифатом», что придает их противостоянию с Турцией историко-политический оттенок и может служить косвенным сигналом для террористов внутри Турции для активизации их действий); 3) и то и другое ослабляло позиции Р. Эрдогана и руководимой им партии Справедливости и развития в контексте состоявшихся в июне 2015 г. парламентских выборов, давая аргументы его противникам в слабости перед лицом радикальных исламистов и курдских сепаратистов. Результаты выборов подтвердили это: партия Р. Эрдогана потеряла абсолютное большинство в парламенте.

В Ливане следствием усиления региональной шиитской «оси» и активного участия «Хезболлы» в боях в Сирии стало усиление позиций шиитов во внутривнутриполитическом спектре. Ответом на это стала радикализация части ливанских суннитов, чего раньше в стране практически не наблюдалось. Правда, связи между ливанскими суннитами и суннитской оппозицией в Сирии складывались ранее, но присутствие в Ливане (прямое или косвенное)

«Джабхат ан-Нусра», а сейчас, не исключено, и ячеек ИГ, создает новую ситуацию, вновь приближающую Ливан к опасной грани возвращения к гражданской войне.

В не менее сложной ситуации, как представляется, оказывается Израиль. Правящие круги страны строили в течение последних десятилетий стратегию, основанную на противостоянии «оси» ХАМАС – «Хезболла» – Сирия – Иран, где в качестве ведущей силы рассматривается последний, но в качестве непосредственной угрозы, не раз подтвержденной в недавний период, рассматривается ХАМАС, а вслед за ним – «Хезболла» и неизменно поддерживавшая ее Сирия. Иран оказывал всем этим силам всестороннюю поддержку, а кроме того, неоднократно выступал с угрозами применить ядерное оружие против Израиля. Эта угроза до сих пор воспринимается Израилем как реальная.

Однако в свете противостояния региональных суннитской и шиитской «осей» в рассматриваемой конфигурации произошли определенные изменения. ХАМАС практически вышел из союза с Сирией и Ираном, предпочтя этому установление более тесных контактов с суннитскими радикалами. Тем временем «Джабхат ан-Нусра» вышла на границы с Израилем, вытеснив миротворческие силы ООН с Голанских высот. Было бы, очевидно, верхом наивности представлять, что суннитские радикалы, союзные с ХАМАС и движимые салафитской идеологией, могут представлять для Израиля меньшую угрозу, чем, скажем, Сирия, практически ни разу не вступавшая в прямую конфронтацию с ним после войны 1973 г., а сейчас к тому же полностью вовлеченная во внутренний конфликт. Кроме того, антииранская стратегия израильского руководства в последнее время вступила в явный конфликт с линией США, заинтересованными хотя бы в позиционном урегулировании отношений с Ираном, основанном на общности интересов прежде всего в противостоянии с ИГ. В этом контексте положение Израиля в общей динамике сегодняшнего ближневосточного конфликта может быть чревато новыми, трудно предсказуемыми угрозами.

Внутриполитическая ситуация в Саудовской Аравии в контексте регионального кризиса представляется не менее сложной, чем та, которая наблюдается в перечисленных странах. Являясь одним из самых закрытых обществ в мире, Саудовское Королевство дает не слишком много информации, доступной прямому политическому анализу. Тем не менее опыт стран, в том числе и арабских, переживших долгое геронтократическое правление, подсказывает, что неизбежная смена поколений власти, уже час-

тично начавшаяся с приходом нового монарха и занятием ряда ключевых должностей его молодым наследником, сама по себе становится предвестием политической турбулентности. При этом вряд ли стоит забывать, что более чем десятилетняя активность «Аль-Каиды» в стране не могла не оставить своего следа и в виде «спящих ячеек» радикальных исламистов, и в виде симпатизирующих и сотрудничающих с ними религиозных авторитетов, имеющих корни в том числе и в среде истеблишмента.

В этой связи угроза ИГ о скором захвате святынь Мекки и Медины и уничтожении священного камня Каабы вовсе не кажется пустым бахвальством и не основывается только на возможных инструментах внешней экспансии со стороны пограничной территории.

Не исчезла и угроза со стороны шиитской «оси», тем более что Саудовская Аравия и сама давала почву для упреков в региональном межконфессиональном противостоянии и в Сирии, и в Ираке, и в Бахрейне, который Иран склонен рассматривать как свою сферу влияния.

Однако сегодня шиитская опасность, доставляющая настоящую головную боль правящим кругам Саудовской Аравии, пришла не с Востока, а с Запада. Ситуация в Йемене, которая после свержения Али Абдаллы Салеха, казалось, закончилась политическим патом, но патом, выгодным Саудовской Аравии и ее союзникам по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива, разрешилась затем самым неожиданным для них образом.

В конце сентября 2014 г. столица Йемена Сана была занята повстанцами группировки «Ансар Аллах», которых также называют хуситами – в честь основателя движения Хусейна аль-Хуси и нынешнего лидера, брата покойного Хусейна, Абдель Малика аль-Хуси. В ходе продолжающегося с 2011 г. внутреннего противостояния в Йемене не только государственные структуры, включая армию, но и их традиционная племенная опора оказались настолько подточенными, что оккупация хуситами Саны, казавшаяся поначалу просто досадным недоразумением, обернулась на деле началом процесса более глубокого изменения всей политической системы страны, по сравнению с которым все, что происходило в течение предыдущих трех лет, может оказаться лишь предисловием.

В течение октября хуситы достаточно легко овладели еще тремя крупнейшими городами северной части страны – Иббом, Дамаром и Ходейдой. Парализовав правительство, захватив

20 января 2015 г. президентский дворец и вынудив президента Абд Раббо Мансура Хади уйти в отставку, они продолжали активные контакты с ведущими политическими партиями, включая и партию бывшего президента А.А. Салеха, несмотря на то, что он, по идее, должен считаться кровником их лидера А.М. аль-Хуси.

В первой половине 2015 г. события в Йемене стали разворачиваться с еще более драматической быстротой. Овладев третьим по значению городом страны Таиззом, хуситы и союзные с ними части йеменской армии, маршем, практически не встречая сопротивления, прошли южнойеменскую провинцию Лахдж и вошли в Аден. Президент А.М. Хади, который до этого был вынужден перебазироваться из Саны в Аден, бежал и оттуда – сначала в Оман, а затем в Саудовскую Аравию. Таким образом, президентская власть была окончательно свергнута, а важнейший в геополитическом отношении город страны Аден с его крупнейшим в регионе морским портом оказался в руках хуситов, которых Саудовская Аравия рассматривает в качестве своих политико-конфессиональных противников и клиентуры Ирана на Аравийском полуострове. Кроме того, овладев Аденом, хуситы вышли непосредственно на берег Баб эль-Мандебского пролива, установив тем самым контроль над одной из важнейших мировых точек нефтяного транзита из стран Персидского залива.

*«Нации и национализм на Мусульманском Востоке»,
М., ИВ РАН, 2015 г., с. 93–115.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

П. Поломошнов,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ В ИСЛАМЕ

Введение

Дегуманизация современного мира, многочисленные угрозы личности нередко обращают ее к религии. Особенно это касается молодежи. [4]. «Уже в XX веке доктрина тотальной эмансипации человеческого “Я”, свободного от ограничений любых этических и социальных норм, в том числе тех, которые традиционно устанавливались авраамическими религиями, трансформировалась в концепцию “Я как вещь-в-себе”, окончательно утвердив приоритет персональных желаний над общественными интересами...

Погнавшись за мнимой свободой, ультралибералы направили свое общество на путь новой формы рабства – рабства инстинктов, иллюзорного комфорта, рабства стереотипов сознания» [7].

Религия действительно может быть неким духовным лекарством от дегуманистических тенденций нашего времени. Однако гуманистическое содержание религии нередко само по себе нуждается в специальной экспликации. В частности, это относится и к исламу. В исламе есть два момента, связанных с проблемой личности:

- 1) безличный Бог;
- 2) догмат о предопределении.

Как понимается личность в исламе? Каков ее статус: имеет ли она свободу воли и, таким образом, нравственность или нравственность состоит лишь в покорности предопределению? Для любой религии ключевым вопросом является также отношение между человеком и Богом. Важным аспектом религиозного гуманизма

является также проблема отношения между личностью и обществом. Такова структура основных вопросов, ответы на которые могут нам эксплицировать гуманистическое содержание ислама.

Для решения этой задачи, кроме определения ключевых вопросов, составляющих структуру проблемы, необходимо также предварительно определиться с общей методологической и мировоззренческой позицией по отношению к предмету.

Нам представляется, что претендующий на научную объективность атеистический подход к этой проблеме не является адекватным, поскольку скользит по поверхности темы, не проникая в ее глубину. Этот подход изначально ориентирован на доказательство антинаучности любой религии, в том числе и ислама, на критику ограниченности религиозного гуманизма. Кроме того, придерживающиеся атеистической интерпретации исламского гуманизма неизбежно склоняются к сомнительному методологическому приему произвольного подбора нужных фрагментарных цитат из Корана и акцентирования формальных противоречий между ними для доказательства своего главного тезиса.

Используя сомнительный прием произвольного подбора и произвольной поверхностной интерпретации цитат, легко исказить сущность исламского гуманизма, но невозможно эксплицировать его специфическую социокультурную сущность. Рассмотрим его основные аргументы и тезисы.

Атеистическая интерпретация исламского гуманизма

Главный тезис атеистической интерпретации исламского гуманизма состоит в том, чтобы подвести его под общую категорию ограниченного и неэффективного религиозного гуманизма, который, независимо от религиозной конфессии, всегда беспредельно превозносит Бога и тем самым принижает человека, позиционируя его бессильным рабом Бога. Так, Ю. Петраш, открыто заявляя о своей атеистической позиции, утверждает: «Пропаганда мусульманским духовенством “высоких” принципов гуманизма, присущих будто бы только исламу, тенденциозна. Никакая религия с ее культом бога (богов) не возвышает человека, рассматривая его богозависимым, а то и прямо “рабом”. Так понимается человек и в исламе, который, верно, с оговорками, отказывает человеку в его сущностном качестве быть свободным творцом своего индивидуального и общественного бытия» [2].

Фактически предвзятое доказательство этого основного, спорного, как минимум, тезиса и составляет атеистическую экспликацию исламского гуманизма. Человек есть творение Аллаха, являющегося творцом и вседержителем мира. Его главное предназначение – покоряться воле Аллаха и исполнять его предписания. По мнению Петраша, Коран пронизан утверждением величия Аллаха и соответствующим принижением человека. «Если исходить из содержания Корана, а не из интерпретаций богословия, то мы не найдем ни одного аята, который бы возвеличивал человека. Напротив, многочисленные эпитеты представляют его “слабым” (4, 32), “колеблющимся” и малодушным (70, 19–20), “торопливым” (17, 12), с качествами “поспешности” (21, 38) и т.д. На этом фоне мизерности и малозначимости человека Аллах непомерно воз-величивается, превращаясь в абсолют по логике сравнения: великий – малый, всесовершеннейший – ничтожный или несовершенный» [2]. Оставим на совести критика весьма сомнительные доказательства данного сомнительного тезиса и рассмотрим далее его аргументацию. Мы можем по этому поводу отметить также, что возвеличивание бога не означает автоматического принижения человека, как это пытается утверждать критик религиозного гуманизма.

Атеистическая экспликация религиозного исламского гуманизма не может обойтись без традиционного тезиса, что Бог есть отчужденная человеческая сущность. По мнению Петраша, в исламе легко обнаружить множество свидетельств антропоморфизации Аллаха. «Вполне закономерно, что формирование “лика Аллаха” не обошлось без того, что принято называть антропоморфизацией, т.е. без придания ему человеческих черт. В Коране, как и человек, Аллах “видит”, “слышит”, “гневается”, “повелевает”, “судит”, “карает” и т.д. Но возвеличение сверхъестественного кумира требовало и соответствующего представления о его качествах. Это и привело к естественному процессу отчуждения лучших качеств самих людей в пользу образа Аллаха» [2].

Поверхностность данной «аргументации» даже не нуждается в специальном разборе. Здесь мы видим неуклюжую попытку прямого искажения одного из ведущих догматов ислама, который утверждает принципиальную неантропоморфность Бога, его качественное отличие по своей природе от человека. Исказить идею до нелепости, чтобы потом ее отвергнуть, – вряд ли это может считаться научным подходом.

«Развевая» теологическую основу исламского гуманизма, искажив или (примитивно и, следовательно, ошибочно) истолковав исламскую концепцию Бога и его отношений с человеком, атеистический интерпретатор не отказывает, однако, этой религии в некоторой доле общечеловеческого гуманизма. В его понимании гуманизм сводится к такому содержанию морали, которое воспитывает в человеке чувство личного достоинства, свободы и ответственности перед обществом, которое утверждает общечеловеческие нормы гуманных отношений между людьми. Ислам, как и любая мировая религия, содержит в себе универсальные общечеловеческие нормы нравственности. Характерно, что эта доля гуманизма в исламе связывается Петрашем не с его фундаментальным духовным содержанием, а с общим культурно-историческим развитием арабской цивилизации и выражает это развитие. При этом атеист, претендующий на научность своего подхода, не может обойтись без обязательного уничижающего замечания, что зафиксированные в Коране нормы нравственности выражают особенности раннеарабского общества. Здесь намекается на то, что они устарели и нуждаются в модернизации. Факт почти тысячелетней эффективности этих норм проходит мимо внимания ученого Ю. Петраша.

Такая интерпретация нравственного содержания ислама лишь затемняет сущность исламского гуманизма. Подведение его под общечеловеческие нормы нравственности лишь уводит нас от этой специфической сущности, которая может быть установлена только путем выведения их из внутренней сущности исламской антропологии и теологии, т. е. из сущности Аллаха и человека и сущности их отношений, которые Петраш свел к примитивному отношению: господин – раб.

В общем, критик не отказывает исламу в некоей доле общечеловеческого гуманизма: «Призывая мусульман к соблюдению простых и общечеловеческих норм нравственности, мечеть выполняет важную морально-воспитательную функцию, в целом помогая обществу сохранять свое нравственное здоровье» [2]. Однако ему необходимо обязательно при этом принизить его путем ряда оговорок. Во-первых, отмечается присутствие в исламе, наряду с гуманистическими нравственными нормами, некоторого количества сомнительных в смысле гуманизма установлений. Прежде всего здесь упоминается норма жесткой нетерпимости к неверующим и вероотступникам.

Во-вторых, атеистическая экспликация исламской антропологии не может обойти своим вниманием явное противоречие между идеей предопределения всех поступков человека волей Аллаха и принципом нравственной свободы поведения. Это противоречие лежит на поверхности. «Для этого было достаточно оснований, содержащихся во многих местах Корана: “Ты (Аллах. – Ю.П.) даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, от кого пожелаешь, и возвеличиваешь, кого пожелаешь, и унижаешь, кого желаешь. В твоей руке – благо” (3, 25); “Поистине, то, что вам обещано, наступит, и вы это не в состоянии ослабить!” (6, 134); “Ничто не постигает из событий на земле или в ваших душах без того, чтобы его не было в писании раньше, чем Мы (Аллах. – Ю.П.) создадим это” (57, 22)» [2].

Атеистическая критика ислама оказывается неспособна проникнуть в подлинную сущность исламской нравственности, ограничиваясь формальной констатацией данного противоречия, вместо диалектического анализа его социокультурного содержания и смысла в связи с фундаментальными принципами исламской религиозной антропологии. Итак, атеистический подход к интерпретации исламской антропологии и исламского гуманизма оказывается совершенно неадекватным, поскольку его мировоззренческая предвзятость, очевидно, не согласуется с научностью, с требованием проникновения в специфическую сущность познаваемого предмета изнутри.

Сравнительный анализ христианской и мусульманской антропологии

Другой путь подхода к проблеме сущности исламского гуманизма – сравнение мусульманского и христианского гуманизма. На первый взгляд этот путь кажется более продуктивным, поскольку не предполагает изначальной негативной, антирелигиозной установки. Однако в нем скрыт внутренний социокультурный, межконфессиональный конфликт или, точнее сказать, различие между христианской религиозной культурой и исламской. На этом пути, как нам кажется, главной методологической ошибкой является попытка интерпретировать ключевые термины: раб, Бог, свобода с позиций европейской, христианской культуры и давать на этой основе толкование исламского гуманизма.

Рассмотрим кратко содержание данного сравнительного подхода. Начнем с главного – понимания природы Бога. В христи-

анстве в основе понимания Бога лежит представление о нем, как о совершенной сверхличности. Фактически Бог в христианстве – это персонифицированный дух. В догмате о богочеловеческой сущности Христа, о триединстве Бога утверждается принципиальный антропоморфизм Бога. Христианский Бог человечен по своей природе и является человеку в прямом общении как личность.

В исламе Бог принципиально не антропоморфен. Более того, он вообще не описуем в терминах какого-либо внешнего облика. Это духовная реальность высшего уровня, к которой не применимы критерии, используемые при описании человека, или вообще какого-либо материального, природного предмета. Таким образом, его внутренняя природа остается для человека принципиально непознаваемой тайной. «Аллах один, и нет для Него сотоварищей. Ни в сущности (зат) Аллаха, ни в качествах (сыфатах), ни в деяниях нет ничего и никого, подобного Ему. Аллах един, и для Него нет пары; Аллах вечен, и нет для Него ни начала, ни конца, Аллах существовал всегда и будет существовать вечно, Он всегда управлял и будет управлять всем созданным Им в идеальном порядке. Аллах живой и не умирает. Аллах слышит и видит все сущее. Аллах разговаривает, и Его увидят правоверные на том свете. По воле Аллаха происходит все хорошее и плохое, однако Он недоволен, когда рабы Его совершают зло. Аллах всезнающий и всемогущий. Всевышний Аллах не является каким-либо материальным телом, имеющим форму, величину и занимающим место в пространстве – Он пречист от всего этого. Он не состоит из каких-либо частей или частиц. То есть Творец не похож ни на одно из Своих творений. К Аллаху не применимы пространственные и временные ограничения. Во власти Аллаха находятся и пространство, и время, и вся Вселенная, Он является Создателем всего сущего, в том числе времени и пространства» [10].

Одним из главных атрибутов Аллаха является его непохожесть ни на одно из своих творений. А отсюда вытекает представление о принципиальной непостижимости внешнего вида и внутренней сущности Аллаха для человека. «Всевышний Аллах не похож ни на одно из Своих творений, и ничто из сотворенного Им не похоже на Него. Уподоблять Бога чему-либо есть неверие. Кто бы из людей ни попытался представить себе образ Всевышнего Аллаха, представленное им будет далеко от истины. Осознание того, что мы не сможем познать Аллаха целиком и полностью, и является познанием Его... А такие качества людей, как жизнь,

речь, видение, знание, вовсе не соответствуют одноименным качествам Всевышнего Аллаха» [10].

Аллах являет человеку себя через сотворенное им мироздание и порядок или закон, установленный им для этого мироздания и самого человека.

Из фундаментального различия в понимании природы Бога между христианством и исламом вытекает различие в понимании природы человека и в установлении принципиального отношения между Богом и человеком. В христианстве человек носит в себе образ Божий. Он богоподобен, причем как духовно, так и телесно. Богоподобие человека составляет фундаментальный принцип христианства и основу его специфического гуманизма. Христианская антропология последовательно проводит личностный принцип, сначала переносит его на Бога, а затем с Бога на человека. Наделив человека божественными атрибутами, как телесными, так и духовными (свобода выбора, бессмертие души, разум), она укореняет природу личности в божественной субстанции, другими словами, она подводит божественное онтологическое основание под понятие личность. «Православная антропология утверждает, что человек является личностью именно по причине своей богообразности» [9].

Из различий в понимании природы человека вытекает различие в понимании главного – отношения между Богом и человеком в исламе и христианстве, определение общего статуса человека в божественном миропорядке. В христианстве – человек рассматривается как сын Божий, как его несовершенная и потому принципиально подверженная греховности копия. Однако для человека, именно в силу его принципиального несовершенства или греховности, открывается перспектива нравственного роста, искупления, преодоления греховности и приближения к идеалу – Богу, слияния с ним в богочеловечестве, которое рассматривается как вершина и конец всемирной истории. Интерес христианства, связанный с проблемой личности, направлен на внутреннее духовное самосовершенствование человека при помощи веры и при прямой поддержке Бога.

В исламе статус человека утверждается принципиальным тезисом, что человек – раб Аллаха, предназначенный Аллахом для исполнения определенной миссии. Внутри человека нет Бога, Аллах наделил человека некоторыми похожими на собственные атрибутами. «Согласно тому, насколько Всевышний Аллах наделил Своё творение, каждый человек обладает силой, волей, зна-

ниями, речью, слухом и зрением. Однако истинными они являются только во Всевышнем Аллахе, а в Его творениях они относительны и преходящи, то есть не вечны» [10]. Но тем самым внутри человека нет принципиальной, заложенной в его внутренней природе греховности. А отсюда в исламе отсутствует акцент на внутреннее нравственное самосовершенствование и личностный рост. Миссия человека – не собственно внутреннее нравственное развитие. Она извне задана ему Аллахом – быть наместником Бога на Земле, исполнять Его волю, поддерживать установленные Аллахом порядок и закон.

Именно поэтому исламская антропология акцентируется не на постижении и исправлении божественной природы человека, а на реализации человеком установленной для него Аллахом миссии. «Ее цель – ответить не на вопрос, что есть человек, а на вопрос, что должен и чего не должен делать человек, что есть для него добро и что есть зло, какова его цель в этой жизни... Кораническая антропология разворачивается в трех основных планах: как должен строить человек свои отношения с Богом, как он должен различать добро и зло и, наконец, как он может обрести спасение» [1].

Если нравственность христианства обращена внутрь личности, в ее духовный рост, то нравственность ислама обращена вовне – в исполнение человеком в его деятельности заданных Аллахом предписаний и миссии. Не случайно исламский идеал человека представляет собой простое описание набора внешних качеств идеального мусульманина, не углубляясь в его внутренний духовный мир и самосознание. «Истинный мусульманин должен неуклонно придерживаться всех основ (или столпов) ислама и полностью выполнять все предписания шариата» [9].

Наконец, по-разному решается в исламе и христианстве проблема свободы воли и нравственной ответственности человека. В христианстве свобода выбора, свобода воли и сопряженная с ней личная ответственность человека есть изначальный божественный дар, внутренняя сущность богоподобного человека.

В исламе же нравственная детерминация задается не изнутри личности, а извне в форме предустановленного Аллахом порядка. Человеку не нужно делать сложный, самостоятельный выбор. Ему нет необходимости самому разрешать проблему различения добра и зла. Ему нужно лишь следовать уже заданным Аллахом нормам. В этом и заключается ответственность человека перед Аллахом.

Именно соблюдением или уклонением от внешне установленных Аллахом норм добра определяется исламская нравственность.

По-разному интерпретируется в исламе и христианстве природа греха. В христианстве человечество обременено первородным грехом, который не может быть искуплен без искупительной жертвы Иисуса Христа. В исламе же грех определяется как неповиновение божественному закону, уклонение от веры в Аллаха и исполнения его предписаний. Исламская теология делит грехи мусульман на большие и малые. К самым большим грехам относится грех отступничества от веры в Аллаха и от мусульманской общины. Все остальные нарушения установлений Корана, т.е. божественного порядка, рассматриваются как не принципиальные, малые грехи, не приводящие автоматически к исключению мусульманина из числа правоверных. Нет в исламе и понятия об общечеловеческом грехе, лежащем на всем человеческом роде (каковым в христианстве является первородный грех). В исламе грех отдельного человека является его персональным грехом, и не более того.

В отличие от христианства «душа человека не оказывается в исламе ареной мировой битвы добра и зла; это не та область, где в каждом конкретном и отдельном случае решается не только личная участь человека, но и метафизические судьбы мира. В этом смысле в исламе невозможны Толстой и Достоевский. Здесь нравственность человека не проявляется в преодолении собственного (изначально ему данного) злого начала, в его повседневном усмирении и перебарывании. Здесь человек не живет в ежемгновенной готовности дать отпор искушению, которое, приходя из-за пределов мира, в котором он живет, вместе с тем находит первейшее основание внутри него самого, в его “плотской” природе» [8, с. 62].

Сравнительный анализ христианской и мусульманской антропологии, эскизно проведенный нами, сам по себе, конечно, позволяет нам лучше понять специфику именно мусульманской религиозной антропологии. Однако он сам по себе вряд ли достаточен для заявленной нами экспликации сущности исламского гуманизма. Этот анализ позволяет выделить и акцентировать принципиальные социокультурные различия христианской и исламской антропологии, но фиксация этих различий – лишь первый шаг на пути искомой экспликации. Если мы на нем и остановимся, то увидим исламский гуманизм не в его собственном, внутреннем свете, а сквозь линзу христианского религиозного мировоззрения.

Очевидно, что эффективная реконструкция содержания исламского гуманизма может быть достигнута только особым третьим способом. Этот способ состоит в том, чтобы реконструировать специфику исламского учения о человеке изнутри исламской культуры, а не извне. Этот путь предполагает прежде всего установление специфического исламского социокультурного содержания ключевых терминов: Бог, человек, свобода, раб Бога. Тогда и специфика мусульманского решения ключевых проблем – Бог и человек, свобода и божественное предопределение, личность и общество, смысл жизни человека – может быть эксплицирована вполне адекватно. Причем для уяснения сущности исламского гуманизма необходимо начинать с анализа ключевого отношения – Бог – человек. Другими словами, отталкиваясь от этого базового отношения, следует последовательно реконструировать позицию исламского гуманизма, выражающуюся в специфической постановке проблемы природы человека и смысла его жизни и вытекающих отсюда специфических решений.

Статус человека в исламе определяет термин «раб Бога». Однако в исламской арабской культуре понятие раб имеет совершенно иной смысл, чем в европейской. Рабы в арабской культуре не были абсолютно униженным и забитым сословием, лишенным всяких прав, объектом произвольной воли господина, как в европейской культуре. Рабы имели строго определенные мусульманским законом права. Кроме того, ислам выдвигал требование гуманного отношения к рабам и поощрял предоставление свободы рабам. Именно поэтому понятие «раб» в арабской исламской культуре не было синонимом личной несвободы и полной зависимости от чужой, жесткой воли господина. «Иначе говоря, “быть рабом” не означает “быть закрепощенным” или “быть несвободным”, т.е. быть неспособным к чему-то, находиться в положении пассивности и претерпевать диктат чужой воли. Пассивного подчинения принципиально недостаточно, чтобы “быть рабом” в этом смысле. В понятие раб прежде всего вкладывается способность к осуществлению “поклонения” (или, шире, “почитания”). Поэтому раб оказывается понятием принципиально позитивным, а не негативным, предполагающим нагруженность каким-то содержанием, а не лишенность чего-то. Говоря попросту, с этой точки зрения невозможно быть “рабом Бога”, сидеть сложа руки и просто подчиняться Его воле» [8, с. 64].

Таким образом, быть рабом Аллаха в арабской культуре означает осуществлять активное сознательное поклонение Аллаху, а

вовсе не быть несвободным и угнетенным, лишенным собственной воли. Понятие свободы в арабской культуре не является позитивной противоположностью понятия «раб». Напротив, оно несет, скорее, негативный смысл – уклонение от поклонения Аллаху. «Понятие “свобода” однозначно ассоциируется со свободой от закономерного, правильного, понимается как отход от истинного и желанного, подлинного пути. Это можно считать универсальной интуицией классической исламской культуры, проявляющейся во многих разноплановых и не связанных напрямую причинно-следственными связями ее феноменах. “Вольность” ассоциируется со “своеволием”, т.е. в конечном счете с тем рядом понятий, в котором стоит и упомянутая выше “побуждающая к злу” душа. Это значит, что свобода неистинна в том смысле, что не несет в себе истины» [8, с. 65].

Выяснив подлинный социокультурный контекст терминов «раб Аллаха» и «свобода», мы подходим к специфической сущности исламского гуманизма. Этот гуманизм видит миссию человека в поклонении Аллаху. Но что означает это поклонение. Оно предполагает не пассивное уклонение от деятельности и не слепое следование ситуативным обстоятельствам жизни, а активное, сознательное, автономное действие мусульманина по реализации установленного Аллахом порядка. Таким образом, главной нравственной ценностью в исламе оказывается деятельность человека, реализующего на практике служение Аллаху. Вместе с возлагаемой на себя обязанностью действительного поклонения Аллаху человек возлагает на себя также и ответственность за свои действия перед Аллахом. «Таким образом, человек действует в мироздании, осуществляя свое предназначение и свою ответственность, и это его действие и является его истинным поклонением Богу» [8, с. 69].

Таким образом, гуманизм и нравственность в исламе носят отнюдь не формальный характер. Они просто другие, чем в христианстве и европейской культуре. Исламский гуманизм не лучше и не хуже европейского, христианского. Он просто иной. Не нравственное совершенствование как путь возвращения к богу на основе богоподобия, а «рабское» (в специфическом для арабской культуры смысле), фактически свободное и добровольное служение высшему божественному порядку путем активной мирской деятельности – вот на чем акцентируется внимание в исламском гуманизме. «Высока ответственность человека как заместителя Господа на Земле, и чтобы он мог достойно нести ее, Аллах сотво-

рил его как высшее создание среди всех живых существ... Аллах сотворил человека для поклонения, почитания Господа, благочестивой, праведной жизни... и оказал ему великое доверие – быть Его наместником на прекрасной Земле. От Всевышнего человек получил еще один дивный дар – свободную волю, возможность выбора деяний...» [5, с. 18, 20].

Для выяснения специфики исламского гуманизма нам необходимо подробнее рассмотреть смысл догмата о предопределении всего, в том числе и поведения человека, волей Аллаха. Наша задача состоит в том, чтобы правильно интерпретировать этот догмат и избежать поверхностного суждения, что если Аллах все предопределил, то исчезает свобода воли и выбора как основа нравственности. Нам нужно понять, каким образом божественное предопределение фактически не отрицает свободы действия и свободы выбора в исламе.

Тезис о предопределении, очевидно, не означает в исламе однозначной предзаданности поступков и намерений каждого человека. Это было бы очевидно абсурдной интерпретацией и отвело бы человеку крайне неблагоприятную роль пассивного орудия Аллаха.

Идея предопределения содержит другой контекст. Аллах предопределил, установил природу человека, мировой порядок, миссию человека – сохранять этот порядок, т.е. поклоняться Аллаху. Но тем самым Аллах предопределил необходимость самостоятельной активности человека, его нравственный выбор и ответственность за этот выбор. Нравственная активность, деятельное служение Аллаху, личная ответственность, сопряженная с этим служением или уклонением от него, – это все сфера свободной нравственной деятельности мусульманина. Таким образом, идея предопределения вовсе не парализует, не отрицает, а напротив, предполагает самостоятельную активность человека, через которую и реализуется его божественное предназначение. Исполняя свою миссию (служение Аллаху), человек обладает возможностью выбора и несет ответственность за него. Ислам утверждает свободу выбора даже в главном вопросе – вопросе веры, указывая в одном из аятов Корана, что нет принуждения в религии. «Всевышний так устроил мир, что человеку всегда необходимо делать выбор между Аллахом и шайтаном, т.е. между добром и злом. В философском смысле жизнь человека есть постоянный выбор между разумом и невежеством, ленью и трудолюбием, скупостью и щедростью и т.д.» [11, с. 167].

Мы можем констатировать, что исламская антропология утверждает практический, деятельный гуманизм как основной способ служения Аллаху. Она не отрицает, а напротив, предполагает постоянный сознательный нравственный выбор. Человек «постоянно находится в ситуациях, когда необходимо самостоятельно делать выбор из различных вариантов, принимать решение, от своевременности и верности которого зависит его личное благополучие... Он понимает, обязан понимать, что сегодня как никогда важно активное отношение к жизни, вера в собственные силы и возможности, способность менять жизнь к лучшему» [6, с. 2].

Правильно эксплицированный исламский гуманизм бесконечно далек от поверхностных, искаженных его интерпретаций. Его отличительной чертой, как это ни покажется парадоксальным для поверхностных критиков, является вовсе не пассивная покорность внешним обстоятельствам и рабское смирение перед судьбой, а напротив, активная жизненная позиция по утверждению и сохранению в мире божественного порядка [4].

Заключение

Исламский гуманизм вовсе не отрицает необходимости нравственного совершенствования личности, он задает ему четкие ориентиры. Он также не отрицает необходимости совершенствования мира, активной борьбы со злом, которое является результатом искушения человека несовершенством мира и относительной слабостью его природы. Ислам дает в этой борьбе мусульманину прочнейший нравственный фундамент – веру в Аллаха. Содержание исламского гуманизма в современном контексте хорошо выразил муфтий Равиль Гайнутдин: «Миссию религии можно определить как открытие и познание Бога в опустошенном сердце эмансипированного человека. Именно там, в сердце-крепости, постоянно ведется война с шайтаном... В противостоянии с ультралиберализмом, т.е. в борьбе со свободной проповедью греха, необходимо идеологическое, а в случае реальной угрозы безопасности личности, семье, Родине – и физическое противодействие. Поэтому когда мусульмане говорят о великом джихаде, то они думают прежде всего о борьбе за свое сердце. Ислам есть только там, где есть смирение собственной воли перед волей Аллаха... Всевышний призывает каждого из нас ответственно исполнить свою миссию и направляет нас к ней прямым путем» [7].

В мусульманской культуре исламский гуманизм является мощным духовным средством противостояния разрушительным дегуманистическим тенденциям нашего времени.

Литература

1. Журавский А.В. Представления о человеке в Коране и в Новом Завете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mission-center.com/islams/zhur.htm>.
2. Петраш Ю. Человек в исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://libelli.ru/works/petrash.htm>
3. Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. Творчество и гуманизм: альтернативные концепции // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2014. – № 3 (13). – С. 124–136.
4. Поломошнов А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – С. 695.
5. Равиль Гайнутдин. Ислам. Вера. Милосердие. Терпимость. – М., 1997. – 157 с.
6. Равиль Гайнутдин // Ислам минбаре (Трибуна ислама). – 2000. – № 4.
7. Равиль Гайнутдин. Ислам есть смирение собственной воли перед волей Аллаха // Ислам минбаре (Трибуна ислама). – 2014. – № 13 (231).
8. Смирнов А.В. Нравственная природа человека: Арабо-мусульманская традиция // Этическая мысль: Ежегодник. – М.: Институт философии РАН, 2000. – С. 46–70.
9. Фарапонова М.А. Компаративистский анализ понимания личности в православии и исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2014/19/philosophy/faraponova.pdf
10. Фахрудин М. Всевышний Аллах – что мы обязаны знать о нем? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.islam.ru/content/veroeshenie/43436
11. Якупов М.Т. Социально-философский анализ проблемы предопределенности в исламе в контексте экстремизма // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – Вып. 2009. – № 1. – С. 164–169.

*«Исламоведение», Махачкала,
2015 г., № 4, с. 78–88.*

Д. Веницкий

(соб. корреспондент журнала в Египте)

ЗНАКОМЬТЕСЬ: «АСИЯ ВА ИФРИКИЯ АЛЬ-ЯУМ».

ЖУРНАЛ «АЗИЯ И АФРИКА СЕГОДНЯ»

НАЧАЛ ИЗДАВАТЬСЯ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

В Египте началось издание нашего журнала «Азия и Африка сегодня» на арабском языке. Первый номер «Асия ва Ифрикия аль-яум» был напечатан в Каире издательством «Дар анба Русия» в конце сентября прошлого года.

Без преувеличения можно утверждать, что успешная реализация планов или проектов, открывающая широкие перспективы для развития, налаживания партнерства, является важной целью, к которой стремятся человек, компания, страна.

В этом стремлении приоритетная составляющая – намерение расширить горизонты взаимодействия и взаимопонимания, обогатиться новыми знаниями, ознакомить других со своими инновациями, взглядами на состояние и развитие общества, народов, их культур и традиций, просто рассказать о себе. А если новые горизонты международного сотрудничества открываются перед информационным проектом, значение этого события увеличивается для его создателей многократно.

Именно таким событием, значение которого для нас трудно переоценить, стало начало издания арабской версии журнала.

Идея ее выпуска вынашивалась уже долгое время. Ее инициаторами еще в 2013 г. выступили египетский предприниматель и известный общественный деятель Хусейн эль-Шафи и главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня» академик Алексей Васильев. Выпуску предшествовала кропотливая работа по подбору статей, ранее опубликованных в русском издании, и их переводу на арабский язык. Этим руководил Мухаммед Наср аль-Гибали, профессор факультета иностранных языков университета Айн-Шамс в Каире. В арабской версии сохранены фактически все технические параметры русского издания, что делает его легко узнаваемым.

29 октября прошлого года в Российском центре науки и культуры в Каире состоялась торжественная церемония презентации журнала «Азия ва Ифрикия аль-яум». На нее были приглашены представители МИД АРЕ, общественно-политических и журналистских кругов, члены Египетской ассоциации выпускников советских и российских вузов.

В своей приветственной речи директор издательства «Дар анба Русия» Хусейн эль-Шафи отметил, сколь велико внимание, которое Россия уделяет быстро развивающимся странам Азии, событиям в ближневосточном регионе, стремительно меняющемся после «арабской весны», а также проблемам, с которыми сталкивается африканский континент. Он подчеркнул, что Россия проявляет к странам обширного региона не только политико-экономический, но и научно-практический интерес, изучая их и рассматривая в качестве партнеров, в том числе в социальной, гуманитарной и культурной сферах.

Именно эта возможность развития социального и культурного сотрудничества легла в основу замысла издавать на арабском языке один из старейших и известных российских научно-политических журналов. Х. эль-Шафи уточнил, что при выборе научных и аналитических статей для перевода на арабский язык первоочередное внимание, безусловно, уделяется темам, затрагивающим интересы арабского мира. С этим, добавил он, связана периодичность выхода арабской версии. «Пока мы намерены издавать его дважды в год, – сказал он. – Однако надеемся уже менее чем через год наладить ежеквартальный выпуск журнала».

Это намерение поддержал М. Наср аль-Гибали – главный редактор «Асия ва Ифрикия аль-яум»: «В идеале мы хотим, чтобы журнал стал ежемесячным. Сразу не получится, конечно, но будем стремиться к этому. Кроме того, в наших планах увеличение объема журнала, – сказал он.

В первом выпуске мы опубликовали восемь статей, а уже во втором планируем напечатать 12. Одно из важных направлений этой работы – публикация материалов, подготовленных египетскими авторами. Естественно, это будет происходить по согласованию с московской редакцией».

Среди главных тематических направлений политика, экономика и культура. «Безусловно, основной акцент будем делать на статьях, которые способствуют сближению российского и арабских народов, укреплению взаимопонимания, а также просто знакомству с различными сторонами жизни народов и их культур», – продолжил Гибали.

«Важно, что мы привлекаем большое число переводчиков. Даем им возможность глубже понять культуру, менталитет, политические цели и экономические задачи современной России. В подготовке первого номера участвовали шесть преподавателей-русистов из Египта и Саудовской Аравии. В наших планах – привлечь знатоков русского языка и из других арабских стран», – резюмировал главный редактор каирского издания.

Выход арабской версии нашего журнала нашел широкий отклик в египетских и региональных СМИ. Первый выпуск «Асия ва Ифрикия аль-яум» не обошли своим вниманием саудовские и ливанские информационно-новостные сайты. Большой материал был опубликован во влиятельном египетском издании «Роза аль

Юсеф»¹. В статье «Празднование по случаю издания арабской версии журнала “Азия и Африка сегодня”» автор материала Халед Баюми приводит слова Х. аль-Шафи о том, что в журнале будут размещаться аналитические статьи и научные материалы о России и арабских странах, представляющие интерес для арабского читателя и открывающие двери для египетских и арабских авторов, которые стремятся обогатить двусторонний культурный диалог.

Египетский журналист далее указывает, что журнал «Азия и Африка сегодня» – один из самых престижных научных изданий в России. В 2017 г. журнал будет отмечать свой 60-летний юбилей. Его появление на свет не случайно совпало со временем разворачивания в странах Азии и Африки освободительных движений, крушения колониальной системы и достижения политической и экономической независимости десятками стран региона. Автор указывает, что Египет занимает одно из основных мест в материалах арабской версии, отмечая при этом, что главный редактор московского издания Алексей Васильев (будущий академик) долгие годы работал в Египте и неоднократно посещал его в рамках своей научной и политической деятельности².

В статье приводятся слова одного из видных общественно-политических деятелей Египта Хельми Хадида – бывшего министра здравоохранения АРЕ, возглавляющего ныне египетскую Организацию солидарности народов Азии и Африки. Х. Хадида напомнил о глубине российско-египетских отношений во времена Гамалы Абдель Насера, вялости в период правления Анвара Садата и сложном этапе при президенте Хосни Мубараке. «Однако с приходом нового египетского руководства (в лице президента Абдель Фаттаха ас-Сиси. – *Прим. авт.*) двусторонние отношения переживают восстановление связей и сотрудничества, – заявил Х. Хадида. – И журнал “Азия и Африка сегодня” является окном в пространство азиатской и африканской культур».

«Азия и Африка сегодня», М., 2016 г., № 3, с. 61–62.

¹ Ихтифалия бимунасабати судур ат-табъа аль-арабия лимаджала «Асия ва Ифрикия аль-яум» («Празднование по случаю издания арабской версии журнала “Азия и Африка сегодня”») // Сахифату Роза аль-Юсеф – [http://www. Rosaeveryday.com/news/127343/](http://www.Rosaeveryday.com/news/127343/)

² См., например, его книгу: *Васильев А.М.* Египет и египтяне (на русск. и араб. яз.). (*Vasiliev A.M.* 1986, 2000, 2008. Egiptet i egiptyane. M.) (in Russian). На русском книга вышла в свет в 1986 г., 2-е издание – в 2000 г. 3-е издание (2008) дополнено впечатлениями о новых поездках на берега Нила и рассказывает об изменениях в Египте и в жизни египтян за последние 30 лет. – *Прим. ред.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2016 – 6 (288)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 15/VI-2016 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,25 Уч.-изд. л. 9,75
Тираж 250 экз. Заказ № 63

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9